

Проф. А. П. ПОЦЕЛУЕВСКИЙ,
заслуженный деятель науки ТССР.

Анр
5522

ОСНОВЫ СИНТАКСИСА ТУРКМЕНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

БИБЛИОТЕКА
Академии Наук
СССР

ТУРКМЕНСКОЕ ОБЪЕДИНЕННОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
АШХАБАД
1943

Проф. А. П. ПОЦЕЛУЕВСКИЙ,
ТССР ат газанан ылыми ишгәри.

ТҮРКМЕН ЭДЕБИ ДИЛИНИҢ СИНТАКСИСИНИҢ ЭСАСЛАРЫ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Синтаксис туркменского языка представляет собой мало разработанную область: за исключением нескольких учебников для средней школы (лучшим из них является синтаксис Х. М. Байлыева и П. Азымова*) нет ни одной печатной работы, специально посвященной данному вопросу. Поэтому вполне естественно, что автор этой книги не мог ставить себе задачей освещение всех деталей синтаксической структуры туркменского языка: это пока еще дело будущего, равно как и специальные исследования более узких проблем, напр., синтаксических особенностей отдельных туркменских диалектов, синтаксиса поэтической речи и т. д.

Назначение данной работы более скромное: дать в сжатой форме изложение лишь **основных** особенностей синтаксического строя туркменского литературного языка, понимая под ним не только язык современности, но и язык произведений классической туркменской литературы. В тех случаях, когда синтаксические особенности письменного языка XVIII и XIX веков не имеют себе аналогов в современном литературном языке, это всегда оговаривается.

Примеры, напечатанные в первоисточнике латинским или арабским шрифтом, транслитерированы автором помощью нового туркменского алфавита, причем их орфография приведена в соответствие с существующими правилами написания. К сожалению, твердых норм пунктуации в туркменском языке до сих пор еще нет, вследствие чего расстановка знаков препинания в существующих изданиях весьма часто совершенно произвольна**). Поэтому автор книги был вынужден не считаясь с пунктуацией источника, расставлять знаки препинания по своему усмотрению.

Первый раздел работы посвящен изложению синтаксиса простого предложения. Т. к. эта часть грамматики наиболее полно и наиболее удовлетворительно освещена в существующей тюркологической литературе, автор считал целесообразным, не вводя здесь почти ничего существенно нового, взять за образец соответствующий раздел одной из лучших и наиболее полных

*) Н. Bajlyjev ve P. Azymov: „Sintaksis (nahuv)“. Aşgabat, 1939.

**) Приводим несколько образцов многочисленных отклонений, обнаруженных нами в издании избранных произведений Махтум-Кули (Ашх. 1940): „Ан-ламаза, аят сөзлери дийсең...“ (косвенное дополнение отделено запятой от сказуемого); „Палуда диен аңи, диши сындырар...“ (запятой отделено подлежащее от сказуемого); „Хер нэче яшасан, ерин йүзинде...“ (единое условное предложение произвольно разбито на две части); „Гоч йигиде, бир мынасып. яр герек...“ (выделены запятыми артикль и определение, относящиеся к слову „яр“) и т. д. и т. п.

тюркских грамматик, а именно—грамматики Ж. ДЕНИ (J. Deny: „Grammaire de la langue turque“, Paris, 1920). Расположение материала и самая формулировка отдельных положений (в тех случаях, когда они соответствуют строю туркменского языка), принятые Ж. ДЕНИ, полностью сохранены.

В разделе же, посвященном анализу сложного предложения, а равно причастных, деепричастных и глагольно-именных оборотов речи, автор считал необходимым придерживаться несколько иных взглядов и иного порядка изложения, чем Ж. Дени, тем более, что эта часть проблемы в общетюркологическом масштабе является до сих пор наименее выясненной и наиболее спорной. В виду большой теоретической важности проблемы сложно-подчиненного предложения в тюркских языках позволяем себе дать здесь суммарное изложение соответствующих разделов книги, более подробно освещенных в своем месте.

Общий характер изложения материала книги, в основном, синхронический, т. к. автор ставил себе главной целью выяснение уже сложившихся формальных особенностей синтаксического строя туркменского языка в том виде, в каком они наличествуют, с одной стороны, в современном туркменском литературном языке и, с другой стороны, в старописьменном туркменском языке. В следующей своей работе, посвященной проблеме полистадиальности синтаксического строя туркменского языка, автор попытается дать изложение синтаксиса туркменского языка в стадиально-сравнительном разрезе в соответствии с обще-методологическими установками, изложенными в книге академика И. И. Мещанинова: „Общее языкознание“ (Л., 1941).

В заключение, автор считает необходимым отметить, что при чтении данной работы в рукописи ряд ценных замечаний был сделан т. т. П. Азымовым и Н. М. Бекиевым, которым он и приносит здесь свою искреннюю благодарность.

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ И ГЕНЕЗИСЕ СЛОЖНО-ПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКЕ.

Проблема сложно-подчиненного предложения в языках тюркской системы тесно связана с вопросом о синтаксической роли причастных, деепричастных и глагольно-именных оборотов речи. К сожалению, в отношении этих фактов языка в специальной тюркологической литературе нет единого мнения. Мы встречаем здесь целый ряд разнохарактерных, подчас взаимно исключающих друг друга воззрений. Приведем лишь некоторые из них, наиболее известные.

Член-корреспондент Академии Наук СССР проф. В. А. ГОРДЛЕВСКИЙ считает причастные, деепричастные и глагольно-именные обороты речи сокращенными придаточными предложениями („Грамматика турецкого языка“, М. 1928, стр. 140—151). Диаметрально противоположной точки зрения придерживается И. А. Батманов в своей книге: „Очерки синтаксиса узбекского языка“. „Все эти формы“ (т. е. отглагольные образования), говорит он: „хотя и могут передавать значение русских придаточных предложений, тем не менее входят в состав узбекского простого (а не сложного) предложения“ (курсив мой—А. П.). Профессор же Н. К. Дмитриев*) считает необходимым подходить к разрешению данного вопроса дифференцированно: собственно придаточными предложениями он считает лишь те из указанных оборотов речи, в которых имеется свое особое подлежащее, отличное от подлежащего в главном предложении.

Наряду с этими тремя наиболее четко и прямолинейно выраженными мнениями мы имеем целый ряд других воззрений, представляющих собой в той или иной мере приближение к одной из упомянутых точек зрения, либо комбинацию их. Так, напр., Ж. Дени, не отрицая того, что причастные, деепричастные и глагольно-именные обороты речи могут выражать отдельное суждение и, следовательно, иметь функцию предложения, отказывается все же по формальным соображениям считать их настоящими предложениями и называет „якобы-предложениями“ (*quasi-propositions*). К категории настоящих зависимых (придаточных) предложений он относит только условные и уступительные предложения с глагольной формой на „са—се“ (*sa—se*), а также предложения с союзом „ки“ (*ki*).

Основной причиной упомянутого разномыслия является, по мнению автора данной работы, влияние, подчас даже не осозна-

*) Н. К. Дмитриев: „Строй турецкого языка“. Л., 1939, стр. 56 и 57. Он же: „Грамматика кумыкского языка“. М. Л., 1940, стр. 193 и 194.

ваемое, привычных грамматических норм, принятых в синтаксисе индоевропейских языков, а т. к. строй тюркских языков во многом отличен от строя языков европейских, то результатом такого влияния оказывается недоучет некоторых внешне малозаметных, но чрезвычайно важных в типологическом отношении синтаксических особенностей языков тюркской системы.

Одним из наиболее важных отличий большинства тюркских языков является весьма значительная (по сравнению с европейскими языками) роль в них именных предложений. В древнейших известных нам эпиграфических памятниках, а именно—в орхонских надписях VIII века, мы личных форм глагола (за исключением форм императива и имперфекта) не встречаем вовсе*); взамен них употребляются причастные и глагольно-именные образования в сочетании с местоименными показателями сказуемости либо вовсе без них. В позднейших письменных памятниках мы видим постепенное возникновение на базе упомянутых оборотов речи новых личных форм глагола (помимо более древних форм императива и имперфекта) и, следовательно, расширение рамок глагольного предложения. Но, как бы то ни было, еще в XVIII и XIX веках именная конструкция предложения в произведениях туркменской классической литературы не только существовала наряду с глагольной, но и во многих случаях явно перевешивала над последней.

В современном туркменском языке простые предложения (в особенности распространенные) и главные предложения в сложно-подчиненных словосочетаниях имеют уже чаще всего глагольный характер, но именная конструкция продолжает сохраняться в большинстве таких случаев, где мы имеем дело с зависимыми, подчиненными суждениями, составляющими лишь часть или деталь главного суждения.

Данная особенность туркменского языка (да и не одного туркменского) в значительной мере чужда языкам европейским, в которых придаточное предложение обычно имеет в качестве предиката глагол в личной форме (*verbum finitum*). Вот это обстоятельство и является, повидимому, главной причиной того, что ряд языковедов,**) исходя из практики европейских языков, отказывается признавать тюркские зависимые предложения, имеющие именную структуру, настоящими предложениями на том основании, что в них отсутствует *verbum finitum*.

Между тем несомненно, что если мы допускаем существование самостоятельных именных предложений и синтаксическое, так сказать, равноправие их с самостоятельными глагольными предложениями, то нет никаких оснований перестать квалифи-

*) W. Radloff: „Die alttürkischen Inschriften der Mongolei“. Dritte Lieferung СПб, 1895, стр. 414—417.

**) Отрядным исключением является датский ориенталист Kaare Grønbech, в своем капитальном труде „Der türkische Sprachbau“ (Kopenhagen, 1936) признающий, что любая глагольная форма (а не только *verbum finitum*) может выражать предикат логического суждения.

цировать эти же самые словосочетания как предложения (но уже подчиненные) в том случае, если они становятся синтаксически зависимыми от другого предложения высшего порядка, заменяя тот или другой из его членов. Так, напр., именные предложения „гамзасы ок“ (ее брови—стрелы) и „кирпиги пейкан“ (ее ресницы—наконечники стрел), становясь прямым дополнением к предикату другого предложения: „гамзасы ок, кирпичи пейканы гөрдим“ (я увидел ту, чьи брови—стрелы, а ресницы—наконечники стрел), превращаются по сути дела в зависимые предложения, аналогичные русским придаточным дополнительным. Точно также именные предложения „сен пир сен“ (ты стар) и „сен яш“ (ты молод) в следующем примере из Махтум-Кули превращаются в зависимые условные предложения: „Эгер пир сен, эгер яш, кылма сырың халка паш“—если ты стар и если ты молод (все равно), не раскрывай своей тайны людям.

Одним из обстоятельств, мешающих языковедам признать причастные, деепричастные и глагольно-именные обороты речи, выражающие отдельное суждение, настоящими предложениями, является также своеобразие их формальной связи с главным предложением. В европейских языках основным формальным показателем синтаксической связи зависимого предложения с главным являются служебные слова (в сочетании, конечно, с особой интонацией, свойственной сложным предложениям). Поэтому зависимые глагольные предложения в европейских языках вследствие присутствия в них *verbum finitum* иных формальных показателей, относящихся ко всему предложению в целом, и, в частности, аффиксов, принимать не могут.

Совершенно другую картину мы видим в языках тюркской системы, где не только отдельное словосочетание (например, детерминативного типа), но и предложение во всем своем объеме может восприниматься как одно целое, синтаксически настолько тесно спаянное во всех своих частях, что оно становится равносильным отдельной лексической единице. Так, напр., именное предложение „зүлпи зүннар“ (ее кудри—пояс), являясь в нижеприводимом примере обращением, воспринимается говорящим по-туркменски как одно семантическое целое и принимает поэтому местоименный аффикс 1 лица („ым“): „Агзы гунча, дишлери дүр, зүлпи зүннарым, оян!“—о моя (красавица), у которой рот—бутон, зубы—перлы, а кудри—(плетеный) пояс, проснись! (З.—Т.).

Сюда же можно отнести отмеченный выше пример: „Гамзасы ок, кирпичи пейканы гөрдим“, где именное предложение в целом, становясь равносильным отдельному слову, принимает аффикс винительного падежа („ы“). Так как зависимое предложение, входя в состав сложно-подчиненного предложения, обычно является заместителем какого-либо из членов главного предложения, то поэтому такое зависимое предложение может, как мы это видим из последнего примера, принимать формальные показатели, которыми характеризуются члены простого предложения, и, в

частности, падежные и местоименно-притяжательные аффиксы. Особенно ярко это проявляется, конечно, в тех случаях, когда предложение имеет именную конструкцию.

Таким образом, если *mutatis mutandis* перенести термины простого предложения на сложно-подчиненное, мы должны признать, что в то время как в европейских языках связь зависимых (придаточных) предложений с главными имеет преимущественно **аналитический** характер и выражается, следовательно, в основном, служебными словами и интонацией, в тюркских языках, наоборот, эта связь очень часто носит **синтетический** характер и поэтому может выражаться формами слов*). Впрочем, наряду с чисто-синтетическими конструкциями весьма обыкновенны также аналитико-синтетические словосочетания, характеризующиеся употреблением наряду с формами слов также служебных слов (последлогов и союзов).

Уточняя сказанное выше, мы считаем себя вправе утверждать, что в туркменском литературном языке возможны следующие основные разновидности сложно-подчиненного предложения:

1. Сложно-подчиненные предложения аналитического типа (наименее распространенные) со следующими главными подвидами:

1) предложения, имеющие в качестве формального показателя союзные слова (главным образом, „ки“ и „чүнки“), напр.: „Мерт олдырки, бола көнли рэхимли“—настоящий муж тот, чье сердце милосердно (М.—К.);

2) предложения без служебных слов с одной лишь повествовательной интонацией в качестве формального показателя, напр.: „Горкарам, яр бизи чыкарап ятдан“—боюсь, что возлюбленная нас забудет (М.—К.) и

3) предложения с глагольными именами и причастиями в сочетании с послелогом, напр.: „Сен гиделиң бэри, менде хаби—рахат галмады“—с тех пор, как ты ушел, у меня не стало ни сна, ни покоя (З.—Т.); „Бир нэче гүн гечен сон, Билбил ватаныны ятлады“—после того, как прошло несколько дней, Бильбил вспомнил свою родину (Г.—Б.).

II. Сложно—подчиненные предложения синтетического типа, в которых связь зависимого суждения с главным выражена особой грамматической формой предиката зависимого предложения. Этого рода сложные предложения могут быть следующих основных видов:

1) предложения с личными условными формами глагола, напр.: „Гитсен, мен болармен ёлдашың бири“—если ты уйдешь, я буду одним из твоих спутников (З.—Т.);

2) предложения с личными глагольными формами на „янча—йәнчэ“ и „ынча—инче“, напр.: „Өмрим тамам болянча, мен сенден гечмерин“—покуда жизнь не кончится, я от тебя не откажусь (З.—Т.);

3) предложения с личными показателями подчинения (главным образом „ка—кэ“), напр.: „Бу таглымата догрылык эдйэркэк, бу компаса эекэк, өз ишлеримизде үстүнликлер газанжакдырыс“—пока мы остаемся верными этому учению, пока мы владеем этим компасом—будем иметь успехи в своей работе (Л. М.) и др.

*) Формальная принадлежность, будучи произносимой в таких случаях слитно с последним словом данного зависимого предложения, семантически относится ко всему словосочетанию в целом (а не только к тому слову, при котором она стоит).

III. Сложно-подчиненные предложения комбинированного аналитико—синтетического типа (в основном, те же, что и перечисленные в предыдущем разделе, но в соединении с союзами), как то:

1) условные и уступительные периоды в сочетании с союзами „эгер“ и „эгер-де“, напр.: „Эгер шол адам шэрикетде член болмаса, көмек берилмез“ — если тот человек не состоит членом товарищества, то помощь ему не будет оказана (Т);

2) предложения с глагольными формами на „янча—йәнчә“ и „ынча-инче“ в сочетании с союзами, напр.: „Тә өлинчәм, менден чыкмаз хыялым“ — пока я не умру, я не перестану стремиться к тебе (З.—Т.) и нек. др.

Присутствие в причастном, деепричастном или глагольно-именном обороте речи самостоятельного подлежащего, отличного от подлежащего главного предложения, представляет собой, несомненно, весьма важное обстоятельство, говорящее в пользу признания такого оборота речи предложением. С другой стороны, необходимо заметить, что единство субъекта в главном предложении и в отглагольном обороте речи само по себе еще не может быть рассматриваемо как решающий признак отсутствия предложения в собственном смысле этого слова, т. к. в действительности мы встречаем целый ряд несомненных примеров сложного предложения, в которых субъект главного и зависимого предложений один и тот же; напр.: Мен юваш йөрәп гитсем хем, окува вагтында бардым» — хотя я и медленно шел, но на занятия пришел во время (Б. и А.).

Значительно важнее другие признаки: логическая самостоятельность зависимого суждения и наличие в нем субъекта, могущего быть выраженным формой именительного падежа.

Резкой грани между простым и сложно-подчиненным предложениями не существует: они связаны рядом переходных типов, т. к. сложно-подчиненное предложение является, по сути дела, дальнейшим развитием и усложнением простого предложения. Учитывая логическую и грамматико-формальную стороны речи, мы можем ориентировочно наметить следующие основные степени развития простого предложения в сложно-подчиненное:

1. Простое предложение (распространенное и нераспространенное) с причастными, деепричастными и отглагольно-именными формами слов в качестве членов этого предложения. Зависимые суждения в данном случае не выделяются из состава основного суждения, отдельно от него не мыслятся, будучи представляемы говорящим как составная часть или деталь основного суждения.

Примеры:

„Партия ишчилер сынпынын гуралан отрядыдыр“ — партия есть организованный отряд рабочего класса (Л. М.).

„Гарыпларын гөз яшы, даглары яндырып, эридер дашы“ — слезы бедняков, зажигая горы, расплавляют камень (М. К.).

„Зөхре жанын иши агламакды“ — у Зохре-джан только и дела было, что плакать (З.—Т.).

II. — Субъект зависимого суждения, потенциально заключающегося в причастном или отглагольно-именном обороте речи, совпадая с субъектом основного суждения, тем не менее грамматически начинает находить себе отдельное косвенное выражение в виде местоименного аффикса, иногда подкрепляемого присоединением личного или возвратного местоимения в форме родит. падежа. Таким образом, логический субъект зависимого суждения оформляется грамматически не как подлинный агент действия, а лишь как деталь, поясняющая принадлежность этого действия.

Примеры:

„Нәдерими билмейән“ — я не знаю, что мне делать (А. К.).

„Тахыр*гаракчылардан гут ланына хошвагт болды“ — Тахир обрадовался своему спасению от разбойников (З.—Т.).

III. — У причастного либо, вернее, отглагольно-именного оборота речи появляется отдельный субъект действия, не совпадающий с субъектом основного суждения, но, как и в предыдущем случае, этот субъект не мыслится агентом действия и потому грамматически выражается не как самостоятельное подлежащее (отдельным словом в форме именительного падежа), а как определительное дополнение в родительном падеже в сопровождении соответствующего притяжательного местоименного аффикса при отглагольном имени. При этом, если определительное дополнение является личным местоимением, оно может опускаться, и тогда косвенным показателем субъекта зависимого суждения остается один лишь местоименный аффикс.

Примеры:

„(Онын хайсы ёл билен гиденлиги) мәлим дәл“ — неизвестно, какой дорогой он пошел (К.).

„Тахыр бег (ёлдашынын нирә гиденини) билмеди“ — Тахир бек не знал, куда его товарищ ушел (З.—Т.).

„Сен (мунын огурлананыны) гәрдинми?“ — видел ли ты, как это было украдено? (К.).

„(Диймәниз) батылдыр“ — то, что вы говорите, — пустяки (Г.—Б.).

IV. — Зависимое суждение начинает все более отчетливо обособляться от главного суждения, что внешне проявляется в противоречивости оформления предиката и субъекта зависимого суждения, а именно: предикат зависимого суждения продолжает (как и в предыдущих случаях) выражаться словом, сохраняющим грамматическую форму, свойственную члену простого предложения, в данном случае предложения, выражающего основное суждение) и, следовательно, в формальном отношении бывает связан со следующим за ним членом этого предложения, в семантико-же логическом отношении он увязывается с субъектом зависимого суждения и потому слово, выражающее предикат зависимого суждения, по своему материальному значению должно соответствовать семантике слова, выражающего субъект зависимого суждения.

Иллюстрацией сказанного здесь могут быть нижеприводимые фразы, в которых предикат зависимого суждения оформлен как атрибут (определение) одного из членов основного предложения, но слово, выражающее этот предикат, будучи связано своим материальным значением с субъектом зависимого суждения, выражает действие, которое никоим образом не может быть приписано упомянутому члену основного предложения, управляющему данным словом, ибо совершенно очевидно, напр., что путь не может ходить, дело само по себе не может чего-либо делать, страна не может приходить, а место не может быть позвано.

Примеры:

„Бизин барян ёлымыз Ленин—Маркс ёлыдыр“—путь, по которому мы идем, есть путь Маркса-Ленна (досл.: „наш идущий путь“...) (А. К.).

„Мен сениң хер не эдйән ишини билйәрин“—я знаю все, что ты ни делаешь (досл.: „твое делающее дело“...) (З. Т.).

„Бу гелен юрдыныз мүбәрәк олсын!“—пусть будет благословенна эта страна, в которую вы пришли! (досл.: „ваша пришедшая страна“...) (С.).

„Чагырылмадык ере барма, гөрүнме!“—не ходи в то место, куда тебя не звали, и не показывайся там (досл.: „в непозванное место“...) (М. К.).

В приведенных нами примерах зависимое суждение (со своим самостоятельным предикатом) уже настолько четко высказано, что с точки зрения чисто логической мы могли бы признать эти фразы образцами сложного предложения, но т. к. в грамматическом отношении субъект зависимого суждения выявлен в них лишь косвенно (а не формой именительного падежа), то мы поэтому предпочитаем объединять примеры этого рода в особую группу предложений переходного типа, стоящих на пути к превращению из простого в сложно-подчиненное. Причастные, де-епричастные и глагольно-именные обороты речи в предложениях всех перечисленных выше категорий (начиная с 1-ой и кончая 1V-ой) могут быть названы потенциальными предложениями или предложениями в потенции.

V. — Дальнейшим шагом по пути грамматического оформления логически уже обособившегося зависимого суждения является постановка слова, выражающего предикат зависимого суждения, в форме именительного падежа, в силу чего оно может рассматриваться как грамматическое подлежащее. Остатком прежнего грамматического оформления зависимого суждения как члена простого предложения является грамматическая несогласованность и даже противоречивость слова, выражающего предикат, со словом, обозначающим субъект зависимого суждения.

Примеры:

„Мен васпың лиймәге диллерим лалдыр“—мой язык не в силах тебя описать (дословно: „мой язык нем для того, чтобы я высказал твое описание“) (З.—Т.).

Фразы этого рода мы уже можем считать настоящим сложным предложением, но с оговоркой, что придаточные предлож-

жения, входящие в их состав, в грамматическом отношении остаются еще **рудиментарными**, не имеющими законченной и внутренне согласованной формы.

VI. — Зависимое суждение начинает выражаться грамматически законченным и внутренне согласованным предложением с четко выделенными суб⁴ектом и предикатом (то, что субъект зависимого суждения может совпадать с субъектом главного суждения, либо оставаться не высказанным словами, это другой вопрос), причем предикат бывает представлен специальными личными формами („са-се, ка-кэ, янча-йэнчэ, ынча-инче“), выражающими подчиненность зависимого суждения главному. Сложные предложения, в составе которых имеются подобного рода придаточные предложения, являются, следовательно, сложно-подчиненными предложениями синтетического типа.

VII. — Наконец, зависимое суждение может приобрести до такой степени логически заверченный характер, что оно и грамматически начинает выражаться теми же формами словосочетаний, как и главное (независимое) суждение.

Показателем смысловой подчиненности зависимого суждения главному становятся в подобного рода случаях служебные слова, либо просто интонация. Следовательно, здесь мы имеем уже дело со сложно-подчиненными предложениями аналитического типа*).

Сложно-подчиненные предложения аналитического типа структурно весьма близки к предложениям сложно-сочиненным. Основное принципиальное отличие сложно-подчиненного предложения от сложно-сочиненного заключается в том, что в то время как сложно-подчиненное предложение выражает одно сложное, но цельное суждение, детализированное рядом входящих в него подчиненных суждений, могущих быть рассматриваемыми, как составные элементы этого сложного суждения, сложно-сочиненное предложение выражает смысловую связь двух или **нескольких совершенно самостоятельных суждений**. Грамматическая связь, выражающая логическую взаимосвязанность суждений, входящих в состав сложно-сочиненного предложения, выражается обычно теми-же формальными средствами, как и связь зависимого суждения с главным в сложно-подчиненных предложениях аналитического типа, т. е. помощью служебных слов, либо интонации, но, как это ясно из сказанного выше, говорить о генетической зависимости сложно—сочиненного предложения от сложно—подчиненного не приходится.

Рассматривая путь, по которому идет возникновение **глагольных** придаточных предложений на базе причастных, деепричастных и глагольно-именных оборотов речи, не следует упускать из виду того обстоятельства, что придаточные предложе-

*) Примеры сложно-подчиненных предложений синтетического, аналитического и комбинированного, аналитико—синтетического типа приведены выше. Поэтому мы их здесь опускаем.

ния могут быть также именными, возникая на базе настоящих именных предложений, не имеющих в своем составе глагола. Для этого необходимо только, как указывалось выше, чтобы зависимое суждение воспринималось говорящим как единое целое, равносильное отдельной лексической единице. Такого рода придаточные предложения замещают синтаксически отдельные члены простого предложения и, следовательно, сложные предложения с придаточными именного типа конструктивно совпадают с простым предложением. Поэтому формальная связь подчиненного именного предложения с главным та же, что и у членов простого предложения, т. е., с одной стороны, порядок слов в сочетании с соответствующей интонацией*) и служебные слова,**) с другой,—формы слов***). Таким образом, мы здесь опять-таки встречаемся с описанными выше основными типами сложного предложения: синтетическим и аналитическим. Несомненно, что аналитический тип связи именного придаточного предложения с главным, с интонацией и порядком слов в качестве формального показателя, наиболее древен, т. к. он был возможен еще на аморфной ступени развития языка.

Само собой разумеется, что это семантическое обособление зависимого предложения и сообщение ему в целом синтаксических функций отдельного слова может быть наблюдаемо и в отношении глагольных придаточных предложений.

Примеры:

„Улус гөрмез“ (народ не увидит) становится определением к слову „ер“ в предложении: „Сөвер ярыны (улус гөрмез) ерде пинхан эйләйин“—я укрою твоего возлюбленного в месте, где его не увидит народ (З.—Г.).

„Сермесем“ (если я не высушу) играет роль подлежащего при сказуемом „болмаз“ в следующем примере:

„Шол периме ким яман санса, серерин хаьмыны. Сермесем болмаз“—кто плохо отзовется об этой моей красавице, с того я сдеру кожу. Не может быть, чтобы я не содрал (Г.—Б.).

Наглядной иллюстрацией генетической взаимозависимости основных типов простого и сложно—подчиненного предложений в туркменском языке может быть прилагаемая при сем схема, не требующая особых пояснений**)

*) „Эй, яранлар, бир (йүзи гүл) ая ашык боьмышам“—друзья, я влюбился в луну, у которой лицо—цветок (М.—К.).

**) „Каматым яй дек этидим“—я согнулся так, что мой стан стал подобен луку (яй—лук; дек—подобно, как) (З.—Г.).

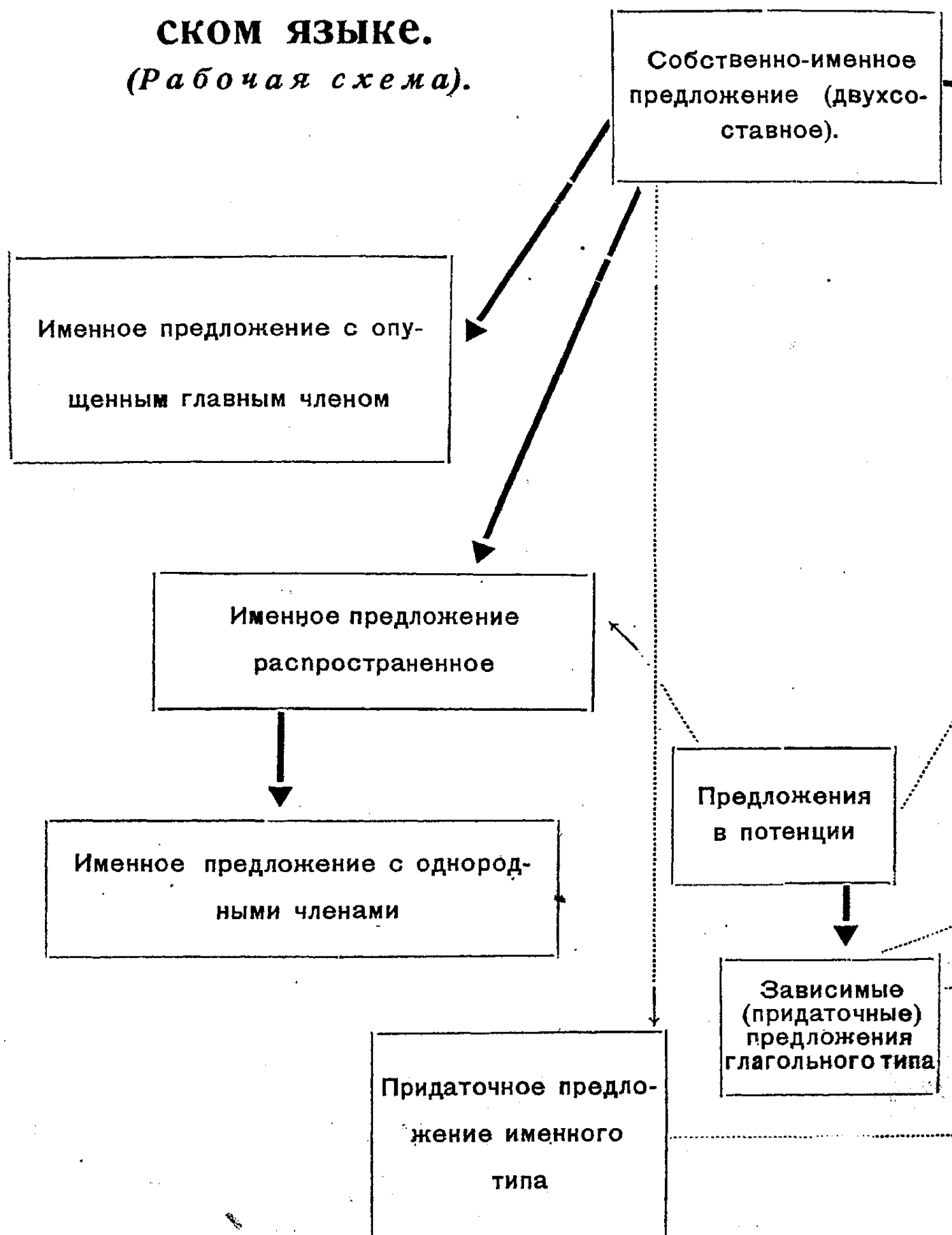
***) „Гамзасы ок, кирпичи пейканы) гөрдим“—я увидел ту, у которой брови—стрелы, а ресницы—наконечники стрел (Г.—Б.).

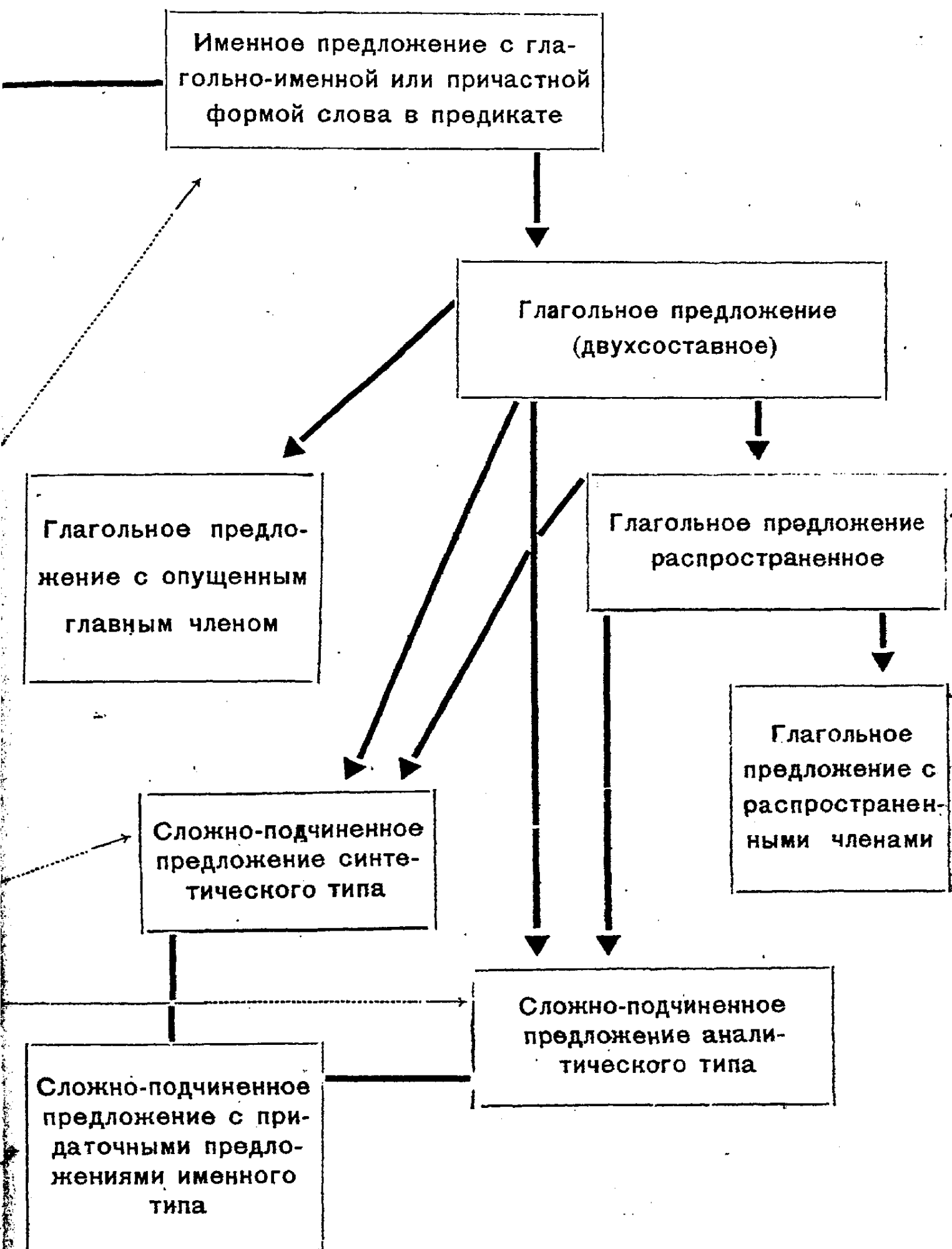
*) Досл.: высушу (т. е. „убью“).

**) В схеме для ясности указаны лишь основные взаимосвязи. Пунктиром обозначены факты языка и связи, самостоятельно в языке не существующие.

Генетическая взаимосвязь основных типов предложения в туркменском языке.

(Рабочая схема).

ВВЕДЕНИЕ.

§ 1. Общие сведения о словосочетаниях. Два или несколько слов, представляющих собой одно целое с точки зрения логической и формальной, называются словосочетанием. С логической точки зрения отличительным свойством словосочетания является наличие общего, более или менее полного значения; с точки же зрения формальной, словосочетание в целом приравнивается к отдельному слову и потому, например, может быть склоняемо.

§ 2. Основные типы словосочетаний.

Различаются следующие группы словосочетаний:

1. **Детерминативные словосочетания**, заключающие в себе два члена, из коих первый является определением второго: „улы сердар“ (великий вождь), „Ленинин сөзи“ (слово Ленина).

Мы будем называть эти два члена соответственно: „определением“ и „определяемым“.

Примечание: Собственно определение мы будем означать термином эпитет (улы сердар), определения же являющиеся одновременно грамматическим дополнением к определяемому слову, мы называем определительными дополнениями (Ленинин сөзи).

2. **Сочиненные словосочетания**, в которых два или несколько членов обозначают один и тот же предмет: „ёлдаш Молотов“ — товарищ Молотов, „Дурды шахыр“ — поэт Дурды.

3. **Подчинительные словосочетания**, в которых один член управляет другим членом. Возможны следующие разновидности этих словосочетаний:

а) глагол со своим дополнением: „хат язмак“ — писать письмо;

б) последок с тем словом, которое им управляется: — „менин үчин“ — для меня;

в) имя с управляемым словом: „мундан башга“ — кроме этого, другой помимо этого, „мундан узак“ — далекий отсюда.

4. **Предложения**. — Эти словосочетания, в отличие от предыдущих, заключают в себе суждение: „Ораз язяр“ — Ораз пишет; „Сталин улы сердар“ — Сталин — великий вождь, „Ленинин иши өлмез“ — дело Ленина не умрет.

Мы будем различать, говоря об этих словосочетаниях:

а) предложения в потенции (потенциальные предложения), напр.: „Махым (Тахырын ашыкдыгыны) аңлады“ — Махым поняла, что Тахир влюблен (З.—Т.);

б) собственно предложения, напр.: „Тахыр ашыкдыр“ — Тахир влюблен.

§ 3. **Первый закон словосочетаний.** Когда все словосочетание в целом принимает аффикс, этот аффикс ставится только раз, в конце всего словосочетания, не повторяясь после каждого из членов словосочетания: „тэзе китаплар“—новые книги (а не: „тэзелер китаплар“).

§ 4. **Второй закон словосочетаний.**—В словосочетаниях всякий второстепенный член ставится впереди главного члена. Иными словами говоря, всякое слово, дополняющее смысл другого слова, ставится перед последним.

Главные правила, вытекающие из этого закона:

1. Определение ставится перед определяемым: эпитет перед словом, которое он квалифицирует («улы сердар»—великий вождь) и определительное дополнение перед дополняемым словом («Лениниң ёлы»—путь Ленина).

2. Дополнение (прямое, косвенное либо обстоятельственное) ставится перед словом, которое им управляет:

„Китап окамак“—читать книги; „сизин үчин“—для вас;

„Мундан башга“—кроме этого;

„Ленин чагырлышына багышлаарын“—ленинскому призыву посвящая (Л. М.).

3. Подлежащее ставится перед сказуемым:

„Ленинизм эсаслары—улы темадыр“—основы ленинизма—тема большая” (Л. М.).

„Ленин—марксистдир“—Ленин—марксист (Л. М.).

„Мен ой эдйэрин“—я полагаю. (Л. М.).

Замечание.—Из правил 2-го и 3-го следует, что всякая глагольная форма ставится в конце словосочетания, к которому она относится, т. к. она должна стоять после своих дополнений и после своего подлежащего.

§ 5. **Третий закон словосочетаний** является естественным следствием двух предыдущих: когда какое-либо словосочетание склоняется, соответствующие аффиксы принимает лишь главный член словосочетания,—так, как если-бы он был единственным склоняемым членом данного словосочетания; напр.: „улы сердарымыз—наш великий вождь; „улы сердарымызың“—нашего великого вождя; „улы сердарымыза“—нашему великому вождю и т. д.

§ 6. В соответствии с тем, что было сказано выше в § 1, и не принимая во внимание некоторых словосочетаний 3-ей группы (т. к. они обычно рассматриваются в морфологии и в лексикологии), мы изложение синтаксиса будем вести по следующим разделам:

I.—Детерминативные словосочетания.

II.—Сочиненные словосочетания.

III.—Предложения.

Раздел 1.

ДЕТЕРМИНАТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ.

§ 7. Как уже говорилось выше, детерминативные словосочетания состоят из определения, за которым следует определяемое.

Примеры:

- „Бу йыл“—этот год;
- „Колхоз башлыгы“—председатель колхоза;
- „Гызыл байрак“—красное знамя;
- „Ленинизм меселелери“—вопросы ленинизма;
- „Секторың мүдири“—зав. сектором.

Как видно из этих примеров, подобного рода словосочетания в целом означают предметы или индивидуумы, т. е. такие понятия, которые обычно выражаются именами существительными.

Да и вообще второй член этих словосочетаний чаще всего бывает именно существительным.

Отсюда следует, что детерминативные словосочетания могут, по крайней мере в принципе, принимать те же самые аффиксы, что и все имена существительные, т. е. аффиксы множественного числа: «[гызыл байдак]лар»—красные знамена; местоименные аффиксы: „мениң [гызыл байдак]ым“—мое красное знамя; падежные аффиксы: „[колхоз башлыгы]на“—председателю колхоза и окончание „кы—ки“: „[өтен йыл]кы“—прошлогодний.

§ 8. Присоединение вышеупомянутых аффиксов производится по общим правилам (см. § 5), за исключением показателя множественного числа, употребление которого выделяется некоторыми особенностями (см. дальше § 50). Таким образом, напр., в форме дательного падежа мы имеем: «[ак ө]е» (в белую юрту, к белой юрте) и „[чопаның өй]не“ (в юрту пастуха, к юрте пастуха).

§ 9. Аффиксы, относящиеся ко всему словосочетанию в целом, пишутся слитно с конечным именем существительным, причем в написании сохраняются все предусмотренные в орфографии литературного языка фонетические изменения. Поэтому, напр., словосочетание: „гызыл байдак“—(красное знамя) в форме дательного падежа будет писаться не с „к“, а с „г“: «гызыл байдага» и т. д.

§ 10. Характер второго члена детерминативных словосочетаний не изменяется (это в принципе — имя существительное), но зато функция первого члена может варьировать. Отсюда вытекает необходимость различать следующие две группы детерминативных словосочетаний:

1. Детерминативные словосочетания, первый член которых—чаще всего имя прилагательное—служит эпитетом по отношению ко второму.

Напр.: „ягшы китап“—хорошая книга.

2. Детерминативные словосочетания, первый член которых—чаще всего имя существительное—является дополнением ко второму члену.

Напр.: „окувчынын китабы“—книга ученика.

Часть 1.

ДЕТЕРМИНАТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ, ИМЕЮЩИЕ СВОИМ ПЕРВЫМ ЧЛ.НОМ ЭПИТЕТ.

1. Правила употребления.

§ 11. Словосочетания, заключающие в себе имя в сопровождении эпитета, подчиняются следующему правилу: эпитет ставится впереди имени существительного, которое он определяет.

Пример:

«Ягшы китап»—хорошая книга.

§ 12. Аффиксы, которые могут быть присоединяемы к этим словосочетаниям.

Словосочетания с эпитетом сами по себе не требуют конструктивно никакого аффикса или послелога (за исключением особых случаев, упоминаемых в §§ 27 и 28). Когда же словосочетания с эпитетом склоняются, они принимают соответствующие аффиксы согласно с тем, что уже говорилось об этом в §§ 7, 8 и 9.

Напр.: „ягшы китап“—хорошая книга:

С аффиксом множ. числа: «ягшы китаплар»—хорошие книги.

С местоименным аффиксом 2-го лица ед. ч.: „ягшы китабын“—твоя хорошая книга; «ягшы китапларың»—твои хорошие книги.

С аффиксом дательного падежа: „ягшы китаба“—хорошей книге и т. д.

§ 13. О природе эпитета.—Эпитет состоит обычно из одного или нескольких прилагательных или причастий. Прилагательное может быть либо качественным, либо неопределенным (определятельным).

Напр.:

„акыллы гыз“—умная девушка;

„бу баг“—этот сад;

„гелен адам“—пришедший человек.

Когда эпитет бывает* выражен (как в вышеприведенном примере) причастием, мы его называем глагольным эпитетом.

§ 14. В тех случаях, когда имя бывает определено несколь-

кими прилагательными или артиклем, качественные прилагательные ставятся ближе к существительному, чем прилагательные определительные и артикль. Напр.: „бу яш пионер“ — этот юный пионер; „бир гызыл гүл“ — один красный цветок.

Исключение.

Артикль „бир“ ставится ближе к существительному, чем качественное прилагательное, в том случае, если говорящий хочет подчеркнуть идею, выраженную этим последним.

Напр.: «ягшы бир адам» — **хороший** человек.

§ 15. Если все имена прилагательные, представляющие первый член словосочетания, являются качественными прилагательными, то они иногда соединяются сочинительным союзом. Напр.: „акыллы (ве) овадан гыз“ — умная и красивая девушка.

II. Эпитеты, выраженные именами (помимо имен прилагательных и причастий).

§ 16. В качестве простого эпитета могут быть употреблены:

А. Имена количества (в широком значении этого слова).

Б. Ряд существительных, обозначающих материал.

В. Некоторые другие существительные, перечисляемые дальше.

§ 17. А. Наименования количества, которые могут играть роль эпитета:

— 1. Количественные наречия. Напр.: «Нэче адам?» — сколько людей? „көп сув“ — много воды; „аз чөрөк“ — мало хлеба; „бир азажык яг“ — немножко сала; „шо гадар пул“ — столько денег.

§ 18. — 2. Имена числительные и некоторые неопределенные прилагательные, заключающие в себе идею множественности.

Напр.: „отуз гоюн“ — тридцать овец; «үч йүз алтмыш бәш гүн» — триста шестьдесят пять дней; „бир нэче адам“ — несколько человек.

§ 19. — 3. Выражения, обозначающие меру. Они обычно состоят из числительного, в сопровождении названия единицы меры или счета, или же слова, употребляемого в этом значении. Таково, напр., выражение „үч кадак“ (три фунта) в сочетаниях типа: «үч кадак үзүм» (три фунта винограда). Аналогичные примеры находим в следующих фразах: «бир бедре сув» — одно ведро воды; „ики халта бугдай“ — два мешка пшеницы; «он кило чөрөк» — десять кило хлеба.

§ 20. Главный член словосочетания, имеющего в своем составе определение количества, остается стоять в единственном числе, даже если все выражение в целом указывает на множественность.

Напр.: „ики эл“ — две руки; „бир нэче адам“ — несколько человек.

§ 21. Иногда встречаются словосочетания этой категории, определяемое которых имеет показатель множественного числа, но в таких случаях мы имеем дело с так называемым гиперболическим (т. е. преувеличенным) множественным числом.

Напр.: „көп адамлар“ — много (разного рода) людей.

§ 22. К определениям меры близко подходят плеонастические выражения, образованные с помощью так называемых нумеративов или счетных слов (соответствующих русским: «штука, голова» и т. д. в выражениях типа: „пять штук карандашей, двадцать голов скота“ и т. п.) Наиболее употребительно счетное слово „саны“ (от „сан“ — число).

Значительно менее употребительны: „дәне“ — штука (соб.: зерно), „баш“ — голова и т. п.

Примеры:

„Бир дайхан огул берене ики саны молла огул бержек“ — тому, кто даст одного сына — дайхана, я дам двух сыновей — мулла (К.).

„Гөлечэ — озине беркидиле 20—25 саны гёле топары боюнча — хер гөлани белленен планын дашындан артан аграмынын хер бир 10 килограммы учин 0,5 килограм эт бермели“ — телятнице по закрепленной за ней группе телят в количестве 20—25 голов — выдавать по 0,5 килограмма мяса за каждые 10 килограммов привеса на голову (из постановления правительства).

„Ики агыз сөз“ — два слова (из речи тов. Сталина на первом всесоюзном совещании стахановцев) — (Л. М.).

§ 23. В тех случаях, когда за числительным следует слово, не являющееся само по себе названием меры, к этому слову иногда прибавляется аффикс „лык — лик, лук — лүк“.

Напр.:

„Бәш йүз манатлык заём“ — облигации займа на 500 рублей; „бир көйнек-лик мата“ — материя на одну рубашку.

§ 24. Из приведенных выше примеров и правил можно сделать вывод, что в туркменском языке употребление количественных определений ничем не разнится от употребления качественных определений.

Б. Существительные, обозначающие материал.

§ 25. Имена, обозначающие материал, как, напр. «алтын» — золото, «демир» — железо, «йүпек» — шёлк, «даш» — камень и т. п., могут быть определениями в выражениях наподобие следующих:

«алтын сагат» — золотые часы;

«демир ёл» — железная дорога;

«йүпек дон» — шелковый халат;

«алтын пияладыр ганд-у шекерли» — (твои уста как) золотая чаша, полная сахару (рефрен популярной песни) и т. п.

Прочие существительные, могущие служить определениями.

§ 26. Некоторые другие существительные могут также употребляться в функции имен прилагательных; напр.:

«гыз оглан» — девушка, девочка;

«гыз доган» — сестра.

§ 27. Равным образом, могут употребляться в качестве определения существительные, стоящие в падежной форме, либо

сопровождаемые послелогом. В существительных, обозначающих материал, а также в целом ряде других форма исходного падежа указывает на вещество, из которого предмет сделан (особенно, если выражение взято в метафорическом смысле), а также может указывать на его происхождение.

Напр.: „агачдан там“ — деревянный дом; «дашдан йүрек» — каменное сердце; „демирден адам“ — железный человек.

§ 28. Тоже самое можно сказать и в отношении некоторых имен, сопровождаемых послелогами.

Примеры:

„Селви-дек бойларын, ай-дек жемалың“ — твой подобный кипарису стан и твоя подобная луне краса (Магруппи).

„Гуршун-дек эридер Гап-дек даглары“ — (тоска) расплавляет как свинец (даже) горы, подобные горам Гап*) (М.—К.).

III.—Сложные эпитеты.

§ 29. Сложный эпитет состоит в основном из существительного с местоименным аффиксом 3 лица и следующего за этим существительным прилагательного или причастия.

Напр.:

„Бойны узья адам“ — человек с длинной шеей; „эллери дөвүлен чагажык“ — ребенок со сломанными руками.

Примечание: Подобного рода эпитет представляет собой не что иное, как именное предложение в роли придаточного определительного (см. раздел III, § 136).

Эпитет может быть также представлен существительным, имеющим при себе, в свою очередь, свой собственный эпитет. Подобного рода сложные эпитеты часто могут передаваться порусски сложными относительными прилагательными.

Примеры:

„Эр йигидиң ичи долы армандыр, гара гөз, инче бил яры болмаса“ — у мужественного юноши сердце полно печали, если у него нет черноволосой, стройной (с тонкой талией) подруги (М.—К.).

„Инче бил, бадам габак, писсе дахан нэзик беден гыз“ — с тонким станом, миндальноевая, с ротиком как фисташка, нежнотелая девушка (З.—Т.).

Часть II.

ИЗАФЕТ.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИЗАФЕТЕ.

§ 30. Отношение принадлежности.

Прежде чем говорить об изафете, следует сказать несколько слов об отношении принадлежности, которое существует между двумя понятиями, из которых одно рассматривается как облада-

*) Горы Гап (Гап-Даг), по существующему среди туркменов преданию, стоят на краю вселенной.

тель, а другое как обладаемое («обладание» здесь понимается, конечно, в широком смысле этого слова, с включением в него понятий «зависимости» и «связи»).

В следующих двух типичных примерах мы находим отношение принадлежности:

1-й пример: „Бу өй Оразынкы“—это юрта Ораза.

2-й пример: „Басмачылар Оразы өлдүрдилер, өйини йыкдылар“—басмачи убили Ораза (и) разрушили его юрту.

В этих примерах понятие обладателя выражено собственным именем «Ораз», а понятие обладаемого существительным «өй». Легко заметить, что в 1-ом примере отношение принадлежности устанавливается, в то время как во 2-ом примере оно дается как нечто уже установленное. Случаи второго рода встречаются значительно чаще.

§ 31. Правила касательно имен, выражающих понятия, связанные с отношением принадлежности:

1.—За исключением случая, упомянутого в первом примере предыдущего параграфа, а также некоторых других особых случаев, о которых будет сказано ниже в № 38, слово, выражающее понятие обладаемого, принимает в туркменском языке местоименный притяжательный аффикс, служащий показателем его отношения к понятию обладателя. Имя обладателя всегда предшествует слову с местоименным аффиксом.*) Понятие обладаемого всегда выражается самостоятельным словом.

2.—Имя, выражающее понятие обладателя, обычно принимает аффикс родительного падежа. Не является необходимым выражать понятие обладателя самостоятельным словом в следующих случаях:

а) Если слову, снабженному местоименным аффиксом и обозначающему понятие обладаемого, должно логически предшествовать личное местоимение.

Напр.:

„Хөкүметимиз тарапындан гызыл орден сылаг алдым“—я получил в награду от нашего правительства красный орден (Ата Салых).

Вообще в тех случаях, когда мы имеем дело с местоименными аффиксами 1-го или 2-го лица, употребление слова, выражающего понятие обладателя, по существу излишне, т. к. в подобных случаях это слово может быть только личным местоимением 1-го или 2-го лица («мен, сен; биз, сиз»). Совершенно иначе обстоит дело с 3-м лицом, т. к. здесь понятие обладателя может быть выражено не только личным местоимением, но и каким-либо именем существительным.

б) В случаях, когда слову с местоименным аффиксом предшествует понятие, лишенное достаточной определенности и потому могущее быть выраженным лишь указательным местоимением, взятым в неопределенном значении.

*) В языке поэзии, разумеется, могут быть исключения из этого правила.

Пример:

„Икиси ялта“—они оба ленивы.

3.—Когда оба понятия уже выражены в речи, нет необходимости, чтобы они оба были налицо в одном и том же данном предложении.

Пример:

„Ягшысыны сайлап бер“—выбери самое лучшее (из того, что имеется перед глазами, или из того, о чем шла речь).

4.—Когда оба понятия налицо в одном и том же предложении, может случиться, что имя, выражающее понятие обладателя, явится грамматическим дополнением к имени, выражающему понятие обладаемого. В этом случае оба упомянутых имени будут представлять собой особую форму словосочетания, известную под названием **турецкого изафета**.

§ 32. Определение турецкого изафета.

Изафетом называется детерминативное словосочетание, выражающее отношение принадлежности. Это словосочетание состоит из двух членов, обычно представленных именами существительными, из коих первый является дополнением второго.

Пример:

„Дайханың өйи“—юрта дайхана;

„Дайхан өйи“—дайханская юрта;

„Дайханлар өйи“—дом дайхана (учреждение).

Мы будем называть слово, выражающее понятие обладателя, «первым членом изафета», а слово, относящееся к понятию обладаемого, «вторым членом изафета», в соответствии с их реальным местом в словосочетании. Местоположение членов изафета определяется следующим правилом: дополнение какого-либо имени предшествует дополняемому слову.

Иногда встречаются отклонения от этого правила, а именно:

1.—В живой беседе запросто, когда говорящий замечает, что он забыл упомянуть первый член изафета.

Напр.: «Гөрдиңми өйини... дайханың?»—видел-ли ты ее, юрту дайхана?

2.—В поэзии, вследствие необходимости соблюдения стихотворного метра и рифмы.

Напр.:

„Мундадыр меканы периниң, дөвин“ — здесь место (пребывания) пери и дивов (Мискингылыч);

„Ала дагдан гечер ёлы дурнаның“ — через пестрые горы проходит путь журавля (Саятлы—Хемра);

„Өзи өлди, өлмез иши Лениниң“—сам Ленин умер, но не умрёт его дело (М. М.).

1. Аффиксы, свойственные турецкому изафету.

§ 33. Изафету присущи следующие аффиксы:

1.—Второй член изафета принимает местоименный аффикс, являющийся в данном случае показателем отношения к первому члену (ср. § 31,—1).

2.—Первый член изафета (предшествующий слову с местоименным аффиксом) может принимать в качестве слова, выражающего понятие обладателя, **окончание родительного падежа** (примеры см. выше).

Так как каждая из этих морфем предназначена для выражения идеи обладания, то отсюда следует, что эта идея бывает представлена в одном и том же изафете дважды. Впрочем встречаются случаи, когда одна из этих морфем может отсутствовать. В подобного рода случаях местоименный притяжательный аффикс оказывается значительно более устойчивым и опускается лишь в виде исключения (ср. § 38). Относительно же случаев пропуска окончания родительного падежа см. § 41.

§ 34. Турецкий изафет отличается от соответствующего ему русского словосочетания с формой родительного падежа:

- 1.—обратным порядком членов;
- 2.—употреблением местоименного аффикса;
- 3.—если первый член изафета в туркменском языке бывает употреблен без окончания родительного падежа, он во многих случаях может быть передан по-русски относительным прилагательным; напр.: «туркмен дили»—туркменский язык, «совет хёкумети»—советская власть.

А. О местоименном притяжательном аффиксе второго члена изафета.

§ 35. Второй член изафета может иметь при себе местоименный аффикс 1-го или 2-го лица лишь в том случае, если первым членом является личное местоимение (ср. § 31, 2-е).

Напр.:

- „менин китабым“—моя книга;
- „сенин дептериң“—твоя тетрадь;
- „бизин ёлдашымыз“—наш товарищ;
- „сизин атаңыз“—ваш отец.

См. об этом дальше §§ 51, 52 и 57.

Так как первым членом изафета чаще всего бывает имя существительное, то поэтому второй член изафета обычно имеет при себе местоименный аффикс 3-го лица, а именно: «ы — и» (после согласных) и «сы—си» (после гласных).

Напр.:

- „Дайханлар өйи“—дом дайхана (учреждение); „Оразын энеси“—мать Ораза

Исключительные случаи, когда второй член изафета бывает лишен местоименного аффикса.

Сюда относятся:

§ 36. 1.—Некоторые освященные традицией словосочетания, выраженные в коих понятия бывают постоянно и тесно связаны друг с другом в сознании говорящей по-туркменски массы.

Напр.:

- „йүпек дон“ — шелковый халат;
- „демир ёл“ — железная дорога;
- „Демир газык“ — Полярная звезда (досл.: „железный колышек“).

Примечание: В отдельных случаях (см. последние два примера) подобного рода словосочетания могут рассматриваться как составное целое, выражающее одно понятие; пример: „палов кэди“ — тыква.

§ 37. 2. — Некоторые собственные имена, произошедшие из изафета.

Напр.: «Тагтабазар» — Тахтабазар (досл.: «базар досок»); «Дашховуз» — Ташауз (досл.: «каменный водоем»).

§ 38. 3. — Некоторые единичные случаи, в которых отсутствие местоименных аффиксов сопровождается перенесением всех функций показателя принадлежности на предшествующее личное местоимение в форме родительного падежа, становящееся в таком случае аналогичным русскому местоименному притяжательному прилагательному.

Примеры:

- „Бизиң гызлар“ — „Наши девушки“ (название книги, вышедшей в свет в 1936 году)
- „Нэ себәпден дүшдиң бизиң бу жая?“ — „почему ты попал в наши места?“ (З.—Т.).

Подобного рода случаи ограничены рамками 1-го и 2-го лица.

§ 39. 4. — Местоименный аффикс при втором члене изафета точно также опускается, если все словосочетание в целом принимает словообразовательные аффиксы «лы — ли» или (реже) «кы — ки».

Напр.:

Словосочетание по типу изафета: „Бәшим ады“)“ (имя „Бяшим“) в выражении: „Бәшим атлы бир киши“ (один человек по имени Бяшим) теряет свой местоименный аффикс. То же самое видим в примерах: „анна гүнки“ — „пятничный“ (от „анна гүни“ — день пятницы); „Багыр обалы“ — багирец, житель аула Багир (от „Багыр обасы“ — аул Багир); „Артыкнияз атлы ярым аманмы?“ — здорова-ли моя подруга Артык-Нияз? (Магрупи) и т. п.

§ 40. 5. — В том случае, если весь изафет в целом принимает местоименный аффикс, то аффикс, структурно присущий второму члену изафета, отпадает, т. к. в туркменском языке стечение двух местоименных аффиксов не допускается.

Напр.:

„Небит чүйшеси“ — „бутылка из-под керосина“ и „небит чүйшәм“ — „моя бутылка из под керосина“.

Примечание: В виде исключения наблюдается лишь изредка удвоение местоименного аффикса 3-го лица.

*) „Ат“ — имя; в односложных словах с долгим гласным звуком конечные глухие „т, п, к“ при положении между гласными переходят в звонкие „д, б, г“.

Напр.:

„Ахундов—Гургенлинин редакциясы ве сөз башысы билен“ — под редакцией и с предисловием Ахундова—Гургенли (из надписи на титульном листе романа „Зехре—Гахыр“);

„Шол доганлан, досларың Түркменистан бириси“—Туркменистан один из этих братьев, один из этих друзей (речь идет о союзных республиках) (Д. Ашыр).

§ 41. Во всех вышеприведенных случаях первый член изафета ставится в абсолютном падеже; исключением являются лишь примеры, упоминаемые в § 38, где употребление родительного падежа обязательно.

Б. О показателе родительного падежа в первом члене изафета.

§ 42. Первый член изафета, как выразитель понятия обладателя, ставится обычно в родительном падеже в тех случаях, когда связь, устанавливаемая между двумя именами, носит в известном роде случайный или произвольный характер, напр.: „Окувчының китабы“—книга ученика (но книга ведь может принадлежать и не ученику).

Такого рода изафеты можно называть анализирующими.

Если же, наоборот, изафет имеет тенденцию к образованию устойчивого прочного словосочетания, первый его член ставится в абсолютном падеже, напр.: „коммунистлер партиясы“—партия коммунистов, коммунистическая партия.

Подобного рода изафеты, в противоположность изафетам первого рода (анализирующим), можно называть синтезирующими.

Вследствие более тесной связи, существующей между понятиями, входящими в состав изафетов второго типа (синтезирующих), этот тип изафета во многих случаях становится аналогом русских сложных и составных слов, начиная выражать одно общее понятие.

Напр.: „чагалар өйи“—детский дом;

„окув жайы“—учебное заведение;

„гошун сапы“—фаланга (воен.);

„келем дүйби“—кочан (капусты).

§ 43. Можно рассматривать как изафеты второго типа (синтезирующие):

1.—Изафеты, имеющие более широкое или более общее значение, чем соответствующие им изафеты предыдущего типа, причем первый член такого изафета обозначает понятие, имеющее менее четко выраженный индивидуальный характер, чем в изафете с родительным падежом.

Как уже указывалось выше (§ 34, пункт 3), первый член подобных изафетов по-русски нередко может быть передан относительным прилагательным, напр.:

„адамың гөзи“—глаз человека“, но: „адам гөзи“—

„человеческий глаз“.

Аналогичные примеры:

„рус дили“ — русский язык; но:

„русларың дили“ — язык русских;

„товук юмургасы“ — куриное яйцо, но: „(бир) товугың юмургасы“ — яйцо (одной) курицы.

§ 44.—2.—Синтезирующие изафеты могут иметь значение, в корне отличающееся от значения, которое имели-бы аналогичные им изафеты анализирующего типа, безразлично, идет ли речь о метафоре, либо о специализации значения.

Напр.:

„Гөз кәсеси“ — орбита глаза(в случае анализирующего изафета получили ли абсурдное сочетание: „чашка глаза“).

Этого рода словосочетания, в отличие от упоминаемых в предыдущем параграфе, должны составлять предмет лексикологии и потому более детально здесь не рассматриваются.

§ 45. 3.—Изафеты со значением, не отличающимся от значения соответствующих им анализирующих изафетов, но представляющие собой ходячие, общепринятые словосочетания и имеющие характер специальный или технический. Сюда относятся, напр., названия учреждений, организаций, должностных лиц, населенных мест, книг и т. п.

Примеры:

„Ашгабат шәхери“ — город Ашхабад;

„Көши обасы“ — аул Кеши;

„институт директоръ“ — директор института;

„магарыф комиссарлыгы“ — комиссариат просвещения;

„биринжи май байрамы“ — праздник 1-го мая.

§ 46. Словосочетания, включающие в себя обозначения родства (слова: „оглы“ — сын, „гызы“ — дочь, „аялы“ — жена и т. п.), точно также должны быть отнесены к числу изафетов синтезирующего типа; напр.: „Бәшим Мәмет оглы“ — Бяшим Мамедов (сын Мамеда); „Жерен Аннагелди гызы“ — Джерен Аннагельдиева (дочь Аннагельди) и т. п.

II. Прочие аффиксы, встречающиеся в изафетах.

Помимо изученных нами выше аффиксов, конструктивно входящих в состав изафета, изафет может принимать также дополнительные аффиксы, присутствие коих для существования изафета не является обязательным.

Здесь следует различать аффиксы первого и второго членов изафета.

§ 47. 1.—Первый член изафета может принимать все аффиксы, нормально присущие простому имени существительному, за исключением падежных аффиксов, из которых единственно возможен при первом члене изафета только аффикс родительного падежа (см. § 33—2). Таким образом, дополнительными аффиксами

первого члена изафета могут быть: аффикс множественного числа, местоименные аффиксы и аффикс „кы-ки“.

Добавочные аффиксы чаще всего встречаются в изафетах анализирующего типа.

Примеры:

„Тэзе багларымызың мивеси сүйжи“ — плоды наших новых садов сладки (Д. Г.).

„Бизинкилерин дуеси“ — верблюды наших (родственников).

В синтезирующих изафетах эти аффиксы употребляются значительно реже: „коммунистлер партиясы“ — партия коммунистов.

§ 48. 2. — Второй член обычно принимает лишь аффиксы, относящиеся ко всему изафету в целом. Правила, касающиеся их употребления, изложены в следующих параграфах (см. §§ 49—53).

III. Склонение изафета.

§ 49. В принципе, изафет склоняется подобно простому имени существительному.

Пример: „Пединститут студентлери рус дилини өвренйэрлер“ — студенты пединститута изучают русский язык.

В этом примере имеется два изафета; первый из них („пединститут студентлери“) является подлежащим и стоит в именительном падеже, в то время как второй („рус дилини“) представляет собой прямое дополнение и поставлен в винительном падеже.

При склонении изафета соответствующие аффиксы может принимать лишь второй член изафета, вследствие чего создается впечатление, что склоняется только этот второй член, а не весь изафет в целом.

Таким образом, второй член изафета может принимать в качестве добавочных следующие аффиксы:

§ 50. 1. — Аффикс множественного числа:

Напр.: „Мугаллымың китаплары“ — книги учителя;

„Окувчының дептерлери“ — тетради ученика.

Примечание: Аффикс множественного числа может также относиться не к основе слова, а к местоименному аффиксу (конструктивному) изафета, приобретая в сочетании с этим аффиксом значение местоименного показателя 3-го лица множественного числа и соответствуя, следовательно, русскому „их“, напр.: „Кадыр обалы Оразмырат Аннамырат оглының Дүрли атлы гызы, өз обадашлары Меле Кечек оглы билен халашып, районда регистрация этдирйэрлер“ — дочь жителя аула Кадыр Оразмырада Аннамырад оглы по имени Дюрли и их одноаулец Меле Кечек оглы полюбили друг друга и зарегистрировались в районе („Ганат“, из газеты „Түркменистан“).

§ 51. 2. — Добавочный местоименный аффикс. Нам уже известно, что в таких случаях конструктивный местоименный аффикс изафета выпадает (см. § 40).

Следует отметить, что подобная конструкция возможна лишь в синтезирующих изафетах, в изафетах же анализирующих индивидуальность каждого из его членов, а также идея принадлеж-

ности настолько ярко выражены, что этим самым исключается возможность какого-либо формального противоречия.

§ 52. 3.—Падежные аффиксы:

В случае, если второй член изафета имеет при себе местоименный аффикс 3-го лица („ы-и“ или „сы-си“), склонение изафета подчиняется правилам склонения имен существительных с аффиксом 3-го лица, а в остальных случаях (при аффиксах 1-го и 2-го лица)—правилам склонения существительных с окончанием на согласный звук.

Пример (для местного падежа);

„Мары шахеринде“—в городе Мары; но: „бизин шахеримизде“—в нашем городе.

§ 53. 4.—Аффикс „кы-ки“. Здесь также происходит выпадение конструктивного местоименного аффикса, причем речь может идти лишь о синтезирующих изафетах (см. § 39).

Примечание:—Изафеты могут принимать послелогов, а из аффиксов словообразования—только аффиксы „лы-ли“, „лык-лик“. Впрочем, эти аффиксы вообще занимают промежуточное место между послелогам и аффиксами в собственном смысле этого слова.

Примеры:

„Ленинизм И-нжи Интернационалын оппортунизмине гаршы гөрешде есди ве макәмлешди“—ленинизм вырос и окреп в схватках с оппортунизмом II Интернационала (Л. М.). „Шу гаракчылар, адам суратлы бир задын ёл билген гелйәнини гөрүп, якин гелдилер“—те разбойники, увидав, что по дороге идет что-то, похожее на человека (досл.: „с образом человека“), подошли ближе (З.—Т.).

§ 54. При склонении изафета аффикс множественного числа при втором члене этого изафета ставится между основой слова и местоименным аффиксом несмотря на то, что этот последний конструктивно входит в состав изафета. Поэтому говорят: „окувчынын дептерлери“—тетради ученика, а не: „окувчынын дептерлер“.

Сказанное выше относится и к синтезирующим изафетам несмотря на то, что отдельные элементы последних более тесно связаны между собой; напр.: „туркмен аяллары“—туркменские женщины, туркменки.

Объясняется это, конечно, тем, что именные формы, образованные помощью аффикса „лар-лер“, относятся к числу форм словообразования, а не словоизменения.

Примечание: Аффикс „лар-лер“ может обозначать не только множественное число в собственном смысле, но и смежные понятия: коллективность, собирательность и приблизительность. В подобного рода случаях аффикс „лар-лер“ ставится после местоименного аффикса.

Примеры:

„Мен какамлара гитжек“—я пойду к своему отцу (имеется в виду семья отца).

„Мен дайымлардан ге дим“—я пришел от дяди (имеется в виду семья дяди, а самого дяди и может быть и дома не было).

„Агшам сагат бәшлерде“—приблизительно в пять часов вечера.

„Өйләнлер“—приблизительно в час дня („өйлән“—время после полудня).

IV. Особые случаи употребления изафета.

§ 55. 1.—В постпозитивных выражениях типа „үстинде“—на, „ашагында“—внизу, «астында»—под, «анрысында»—за, по ту сторону и т. п. мы имеем, по существу, второй член изафета, местоименный аффикс которого является показателем связи этого члена с именем, принимающим послелог и представляющим собой, таким образом, первый член изафета.

Напр.; „там үстинде“—на доме, на крыше дома; „столын астында“—под столом.

§ 56. 2.—Один из членов изафета может быть глагольным именем. Подобного рода изафеты играют весьма важную роль в синтаксисе и о них мы скажем в своем месте более подробно (см. §§ 161—163).

§ 57. 3.—Изафеты, первым членом которых является личное местоимение.

Все личные местоимения могут быть первым членом изафета. В таких случаях постановка этих местоимений в форме родительного падежа обязательна. Напр.: „мениң өйим“—мой дом (моя юрта); „сениң өйиң“—твой дом и т. п.

Эти выражения плеонастичны, поскольку указание лица дается дважды (ср. § 31, 2а). Обычно они употребляются в случаях, когда бывает необходимо подчеркнуть лицо, которому данный предмет принадлежит.

§ 58. 4.—Изафеты, второй член которых—прилагательное или причастие.

Первый член изафета выражает в таком случае целое или агрегат, из которого мы выделяем один или несколько предметов либо лиц путем обозначения их характерного качества.

Прилагательное, определяющее отличительное свойство предмета (или предметов), служит вторым членом изафета и выступает в данном случае как заместитель имени существительного.

Первый же член изафета бывает либо существительным в форме множественного числа, либо собирательным именем.

Примеры:

„Мерет студентлерин иң зехинлиси“—Мерет самый способный из студентов;
„Гызларың ягышысың байлар аялды“—лучших девушек брали (себе) баи (фольклор).

§ 59.—Вторым членом изафета может быть числительное, напр.: „ёлдашларымың икиси“—оба моих товарища, а также неопределенное прилагательное, напр.: „оларың хич бири“—никто из них. Неопределенный артикль „бир“ особенно часто употребляется в последней конструкции. Напр.: „ишчилериң бири“—один из рабочих.

Взамен „бири“ может встречаться также форма „бириси“ с удвоением местоименного аффикса 3-го лица (см. § 40.—5.—Примечание).

§ 60. 5.—Изафеты, между членами которого расположены дополнения либо определения второго члена.

Напр.: „Магарыф халк комиссарлыгы“—народный комиссариат просвещения.

„Партияның меркези комитети“—Центральный комитет партии.

„Туркменистан тарых, дил ве эдебият ылыми-дернев институты“—Туркменский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.

§ 61. —6.—Сложные (комплексные) изафеты. в которых один из членов сам является изафетом второго порядка. Эти второстепенные изафеты получают показатель родительного падежа лишь в том случае, если этот последний необходим для большей ясности либо для гармоничности фразы в целом.

Напр.: „Туркмен медениети институты“—Институт туркменской культуры.

„Магтымгулы туркмен эдебияты тарыхында улы бир ада эе болупдыр“—Махтум-Кули приобрел себе большое имя в истории туркменской литературы (Ахундов—Гургенли). Но: „Мәтәжи туркмен шахырларының биридири“—Мятеджи—один из туркменских поэтов.

Часть III.

КОНСТРУКЦИЯ ДЕТЕРМИНАТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ, ОБРАЗОВАННЫХ ПО ПРАВИЛАМ ПЕРСИДСКОГО СИНТАКСИСА.

§ 62. В памятниках туркменской классической литературы мы находим довольно частые примеры употребления так называемого персидского изафета, грамматической конструкции, заимствованной туркменами из персидского языка. Повидимому, в XVIII и XIX веках эта конструкция в устах книжно-образованной части туркменского народа была вполне живой и продуктивной, т. к. нередко случаи применения ее не только к словам арабо-персидским, но и к туркменским. Поэтому мы и сочли необходимым остановиться здесь на деталях этой конструкции; в современном же туркменском языке персидский изафет как синтаксическая конструкция совершенно неупотребителен.

§ 63. Детерминативные словосочетания конструируются в персидском синтаксисе следующим образом: в противоположность туркменской конструкции, определение ставится **после** определяемого, причем определяемое принимает **безударный** аффикс «и» (не смешивать с ударяемыми местоименными аффиксами туркменского языка).

В отличие от туркменского языка, эта конструкция остается неизменной:

1.—и в словосочетаниях с эпитетом: «Дуст-и азиз»—милый друг;

2.—и в словосочетаниях, равносильных по своему значению турецкому изафету: «Нур-и афтаб»—свет солнца.

§ 64. Аффикс «и» в заимствованных туркменами образцах персидского изафета иногда произносится как „у“ или «ү» очевидно вследствие смешения этого аффикса с персидским союзом „у“ (= „ва“) в сложных стабильных словосочетаниях типа «шам-у

сехер»—«утром и вечером», ганд-у шекер»—«сахар (кусковой) и сахарный песок».

Так, например, персидское «шах-и жахан» (владыка мира) в произношении марыйских теке нередко звучит как «шах-у жахан».

Пример: „Мару шах-у жахан или меканым“—моя отчизна город Мары, владыка мира (Кара Шахир).

С другой стороны, весьма обыкновенны случаи произношения персидского союза «у» („ва“) как „ы—и“, напр.:

„Мен ажиз-и-бичере“—я слаб и беспомощен“ (Г.—Б.)

„Ханы бизиц биленахд-ы-пейманың?“—где же твое обещание нам? (Лейли и Меджнун).

§ 65. В языке туркменской классической литературы встречаются следующие смысловые разновидности персидского изафета:

1.—Детерминативное словосочетание с эпитетом:

„Бахадырлыгда сен Сохраб-и сани“—по богатырству ты—второй Сохраб! (А.—С.).

„Кишиге мунча овсаф-и хамиде болур ким женнет ичре арамиде“—человеку, обладающему столь похвальными свойствами, подобает успокоиться в райских жилищах“ (А.—С.).

„Андын сон тутуп эсбаб-и хани“—взяв после того ханские доспехи (А.—С.).

„Көп умыдым бар эй мах-и табан“—много надежд у меня (на тебя), о (ты, подобная) сияющей луне“ (З.).

§ 66.—2—Словосочетания, равнозначные турецкому изафету:

„Янагың мисл-и ләледир“—твои щеки подобны тюльпану (Ш.—Г.).

„Бир серв-и дал сен“—ты стройный кипарис (М.—К.).

„Бил—ахыр атды дан, нүр-и гуяшдын чыкарды ким фелек тажыны башдын“—вот, наконец загорелась заря; с солнечного света, (словно) с головы, небо сняло свою корону (А.—С.).

„Испыханда гурулан яй-ы гөзел сен“—ты прекрасный лук, изготовленный в Исфгани (М.—К.).

§ 67. По правилам персидского синтаксиса, если оба члена персидского изафета (и определяемое имя и определяющее его прилагательное) взяты из арабского языка, то они согласуются в роде и числе, а именно: прилагательное принимает арабское окончание женского рода «е» («а»), если определяемое стоит в женском роде, либо в форме множественного числа (по правилам арабской грамматики так называемое разбитое множественное число приравнивается к словам женского рода ед. ч.).

Пример: „овсаф-и хамиде“—похвальные свойства (А.—С.).

§ 68. Иногда встречаются примеры двойного персидского изафета:

„Сенден айры мен есир-и дерд-и хижран галмышам“—без тебя я остался узником страданий разлуки (З.—Т.).

Раздел II.

СОЧИНЕННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

§ 69. Сочиненным называется такое словосочетание, члены которого находятся в обратимом соотношении друг с другом, иначе говоря, такое словосочетание, члены которого являются по своему взаимному отношению приложениями.

Напр.: „ёлдаш Ленин“ — тов. Ленин.

В туркменском языке эти словосочетания характеризуются следующими свойствами:

1.—Порядок, в котором размещаются члены этих словосочетаний, в известных случаях может быть факультативным;

2. Они с большей легкостью принимают аффиксы, относящиеся ко всему словосочетанию в целом;

3.—Они всегда обозначают лицо (но не предмет) и его положение, состояние или ранг.

§ 70. Сочиненные словосочетания в туркменском языке включают в себе по меньшей мере два члена, из которых один выражен именем собственным (а иногда также личным местоимением), а другой — существительным, обозначающим чаще всего служебное либо социальное положение названного лица.

Примеры с именем собственным:

„артист Базар Аманов“;

„ёлдашым Азымов“ — мой товарищ Азымов;

„аялы Аннабике“ — его жена Анна-Бике.

Примеры с личным местоимением:

„биз, ишчилер“ — мы, рабочие;

„мен, дайхан“ — я, дайханин.

Примечание: Вышеприведенные примеры сочиненных словосочетаний произносятся ровным тоном, в противном случае (при паузе, сопровождающейся снижением тона на втором члене словосочетания) они перестают быть сочиненными словосочетаниями и превращаются в именные предложения: „мен—дайхан“ — я—дайханин.

§ 71. Слова, входящие в состав сочиненного словосочетания, могут иметь при себе определение (эпитет), либо входить в состав второстепенного изафета в качестве второго его члена.

Примеры:

„Улы сердарымыз Сталин“ — наш великий вождь Сталин.

„Ат газанан шахыр Ата Салых“ — известный поэт Ата Салих.

„Халк комиссары Бердиев“ — народный комиссар Бердиев.

Эти второстепенные изафеты, в свою очередь, могут входить в состав изафетов третьего и даже четвертого порядка, либо иметь при себе определяющие их слова.

Н а п р.:

„Түркменистан республикасының халк артисти Аман Гулмәммедов“ — народный артист Туркменской республики Аман Кульмамедов.

„Биз, биринжи түркмен театр мектебинин курсантлары“ — мы, курсанты 1-ой туркменской театральной школы (Б.).

§ 72. Как видно из вышеприведенных примеров, слово, обозначающее социальное либо служебное положение упоминаемого в словосочетании лица, обычно ставится (за исключением словосочетаний с личным местоимением) на первом месте (перед именем собственным), но возможен и обратный порядок. Особенно часто наблюдается это в том случае, если наименование социального либо служебного положения относится не к одному, а к нескольким собственным именам.

Н а п р.:

„Байрам шахыр“ — поэт Байрам.

„Шу окуп китабы Ашыров, Азымов, Гершуни ве Хожоев ёлдашлар тарапындан язылды“ — этот учебник написан товарищами Ашировым, Азымовым, Гершуни и Ходжаевым („Эдебият“).

§ 73. Падежные аффиксы, относящиеся ко всему сочиненному словосочетанию в целом, обычно ставятся в самом конце словосочетания.

Н а п р.:

„Ёлдаш Сталинин хут ёзинин гүндлик көмеги саясында онларча художниклер, шахырлар, сазандалар ве актёрлар өсүп етишдилер“ — при повседневной помощи лично товарища Сталина выросли десятки художников, поэтов, музыкантов и актеров (Б).

„Сталин адындакы колхозың бригадири комсомолка Зохрэ“ — бригадиру колхоза им. Сталина комсомолке Зодре (Акмырат Чарыкулиев).

Но в отдельных случаях падежные аффиксы могут повторяться, присоединяясь к каждому из членов сочиненного словосочетания.

Н а п р.:

„Түркмен театры республиканың ат газанан артистини, озал чөлде чопанчылык эдип йөрен еринден театра гелен Аман Гулмәммедовы усса эдип өсдүрип етишдирди“ — туркменский театр вырастил такого мастера как заслуженный артист республики Аман Кульмамедов, пришедший в театр из песков, где он был пастухом (Б).

§ 74. Бывшие употребительными в дореформенном туркменском быту почетные звания и титулы, как правило, ставятся после собственного имени.

Наиболее известны следующие почетные звания:

„ага“ — старший брат, господин;

„ата“ — соб.: отец, титул особо уважаемых и даже считавшихся святыми лиц духовного звания;

„баба“ — соб.: дед, титул аналогичный предыдущему;

„бай“ — богач;

„бег“ — бек, князь;

„биби“ — жена ишана; старшая сестра;

„бике“ — жена бека;

„диван беги“—придворное звание в Хиве;
„ишан“—высший духовный титул;
„казы“—судья (шариатский);
„мехрем“—советник хана (в Хиве);
„мирза башы“—придворное звание в Хиве;
„сердар“—предводитель, начальник во время военного похода;
„төре“—господин (титул лиц ханской династии в Хиве);
„хан“—хан, государь;
„хожа“—ходжа (религ. титул);
„элти“—жена муллы;
„йүз башы“—воинское звание;
„ясавул башы“—тоже и мн. др.

П р и м е р ы:

„Вейис баба, Жума бай, Жапар ишан, Ораз сердар, Магтым-гулы хан, Ислам хожа“ и т. п.

Часть упомянутых выше почетных званий в настоящее время совершенно вышла из употребления, часть же утратила свое бывшее значение и входит в имя собственное в качестве составной его части, напр.: „Огулбег“—Огуль-бек (жен. имя), „Ораз-биби“—Ораз-биби (жен. имя), „Атабай“—Атабай (муж. имя) и т. п.

Слово же „сердар“ было переосмыслено и ныне употребляется в значении „вождь“.

Названия, касающиеся отдельных занятий и профессий, вроде: „багшы“—бахши, певец; „шахыр“—шахир, поэт; „түйдүкчи“—флейтист, игрок на туйдуке; „гыжакчы“—скрипач и т. п., вполне жизненны и в наше время; они также обычно ставятся после собственного имени, напр.: „Гарлы багшы“—Карли-бахши; „Дован шахыр“—Доваң-шахир; „Хемра гыжакчы“—скрипач Хемра и т. п.

§ 75. В туркменском языке обнаруживается тенденция к превращению сочиненных словосочетаний в словосочетания детерминативного типа путем постановки после первого члена служебных слов „диен“ и „болан“ (причастия прош. вр. от глаголов „диймек“—сказать и „болмак“—быть, стать).

Н а п р .:

„Халк шахыры болан Ата Салыхы ве Дурдыгылыжы хөкүмет яны якында орден билен сылаглады“—недавно правительство наградило орденами народных поэтов Ата Салиха и Дурды Клыча (Б).

„Аннасехет Аман оглы ве Нуры Берди оглы диен мираплар ишанлара сүв пайы бердилер“—мирабы Анна-Сахат Аман-оглы и Нури Берди-оглы дали ишанам пай воды (Т.).

Поскольку слова „диен“ и „болан“ являются причастными формами глаголов, то поэтому приводимые в этом параграфе конструкции должны быть приравнены к разобранным нами выше определениям типа глагольных эпитетов (см. § 13).

Раздел III.

СЛОВСОЧЕТАНИЯ В РОЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

§ 76. Предложения и другие, близкие к ним по функции, словосочетания имеют своим назначением выражать **суждение**. Поэтому мы находим в них, в качестве их логических элементов, субъект и предикат.

Различаются следующие два типа словосочетаний в роли предложения:

1. Собственно предложения, заключающие в себе **независимое** или **главное** суждение, а иногда (значительно реже) и **подчиненное** или **зависимое** суждение. Их предикат (одновременно и логический и грамматический) всегда представлен личной формой глагола или именем (в том числе и отглагольным).

Примеры:

„Ол адам гелер“—тот человек придет (независимое суждение);

„Ол адам гелсе, мен она айдарын“—если тот человек придет, я ему скажу (зависимое или подчиненное суждение);

„Китап ягшы“—книга хороша (независимое суждение);

„Китап ягшы болса, мен оны аларын“—если книга хороша, я ее возьму (зависимое или подчиненное суждение).

2. Предложения в потенции, помощью которых во внутреннее содержание собственно предложения привносится зависимое или подчиненное суждение. Предикат этих словосочетаний (логический) всегда бывает представлен **причастной, деепричастной** либо **именной формой глагола** или **именем в сочетании с глагольными аффиксами**, имеющими то же формальное значение, что и глагольные имена.

Примеры (потенциальные предложения выделены квадратными скобками):

„Мерет [мунын гелйэнини] гөрди“.—Мерет увидел его приход (т. е. увидел, что он приходит).

„Мен [бу китабын ягшыдыгыны] билмедим“—я не знал, что эта книга хороша.

Часть I.

НЕЗАВИСИМОЕ (ПРОСТОЕ) ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

§ 77. Из сказанного выше следует, что необходимо различать:

1.—Предложения независимые или главные и 2.—Предложения зависимые или подчиненные.

В следующих параграфах речь будет идти исключительно о независимых предложениях. Правила, которые будут сформулированы по отношению к этому типу предложений, относятся равным образом и к подчиненным предложениям. Некоторые частности, специфически свойственные последнему типу предложений, будут рассмотрены особо.

Глава I.

ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

§ 78. Члены предложения следующие:

- 1.—предикат (= главный элемент предложения);
- 2.—субъект;
- 3.—дополнения (прямое, косвенное и обстоятельственное);
- 4.—опредетельные члены:
 - а) эпитет (определение);
 - б) определительное дополнение.

§ 79. Члены предложения в нормальных условиях бывают представлены следующими частями речи:

1.—предикат: личными формами глагола для глагольных предложений; именами (в том числе именными формами глагола), для именных предложений.

2.—субъект: существительными и субстантивными формами глагола;

3.—дополнения:

а) прямое и косвенное дополнения: существительными и субстантивными формами глагола.

б) обстоятельственное дополнение: наречиями и адвербиальными формами глагола, а также существительными и субстантивными формами глагола, поставленными в адвербиальном падеже;

4.—опредетельные члены:

а) эпитет (определение): прилагательными и адъективными формами глагола;

б) определительное дополнение: существительными и субстантивными формами глагола.

1. Главный элемент предложения=предикат.

§ 80. В качестве наиболее существенного элемента предложения предикат ставится в самом конце его.

Это правило является следствием второго закона словосочетаний (см. § 4). Отступления от него допускаются лишь в следующих случаях:

1.—В языке поэзии:

Примеры:

„Учурдым шункар гушымны“ — упустил я мою птицу-сокола (Ш.—Г.).

„Гелипдир, бир заман етер гарыплык“ — пришла и пройдет когда-нибудь бедность (К.).

2.—Вообще в экспрессивном языке. Особенно часто наблюдается перестановка предиката при повелительной форме глагола.

Примеры:

„Яшасын бей“к Октябрь революциясы!“—да здравствует великая Октябрьская революция!

„Гитгин мундан, Гарабатыр!“—уйди отсюда Кара-Батыр! (З.—Т.).

§ 81. Виды предиката. Предложения именные и глагольные.

Предикат может быть либо глаголом („китап окаяр“—книга читается, „Ораз окаяр“—Ораз читает), либо именем („китап ягшы“—книга хороша, „Ораз мугаллым“—Ораз учитель).

Если предикат выражен именем, предложение называется именным (или номинальным); если же предикат является глаголом (в личной форме), то предложение носит название глагольного (или вербального).

А. Именные предложения.

§ 82. Именное предложение может иметь в качестве предиката имя (в особенности, имя прилагательное) или именную форму глагола.

За именем может следовать показатель сказуемости связи (см. § 84), но присутствие его необязательно. Стоящее в предикате имя может склоняться, а также иметь при себе частицы и послелоги.

Примеры предиката в именных предложениях:

1.—Предикат выражен именем прилагательным (наиболее частый случай):

„биз мыдам тайяр“—мы всегда готовы;

„сув совук дэл“—вода не холодна;

„ады ягшы, эзи ягшы“—имя у него хорошее и сам он хорош (фольклор).

2.—Предикат—имя существительное:

„ёллар дузакдыр, даглар думандыр; сени чёллерде гойсам, ахыр замандыр“—дороги опасны, горы в тумане,—последние это времена будут, если я тебя покину в степи (фольклор);

„мен Шасенемиц илчиси“—я посланец Шасенем (Ш. Г.);

„атам өйдед р“—мой отец дома;

„сүйт ерине шекер берген энем сен“—ты—мать, дававшая сахар вместо молока (З.—Т.).

„Сөзле, жаным, хайсы багын гүли сен?“—скажи, дорогой мой, ты цветок какого сада? (З.—Т.).

3. Предикат—местоимение:

„бу китабың авторы—мен“—автор этой книги—я;

„Шасенем дийр: барым, ёгым сениндир“—Шасенем говорит: все, что есть у меня, все твое (Ш.—Г.);

„ол мисл-и садап эрмиш бир дүрр -и мержан сен-сен“—эта коралловая бусина, ставшая подобием жемчуга,—ты (З.—Т.);

„көчеден гечип баранлар шуларды“—шедшие по улице (люди) были они;

„бу нәме?“—что это?

4. Предикат—наречие:

„Мен мунда, сен онда“—я здесь, (а) ты там (фольклор).

5. Предикат—именная форма глагола:

„мен өлжек“ дийип гаррылар аглашар—старики плачут говоря: „Я умру“ (фольклор);

„Дурды, сен хем шу табшырыгы ишлемелими? Хава, мен ишлемели—Дурды, ты тоже должен проработать это задание? Да, я должен (его) проработать (Б. С.);

„Кемине дийр: олум бар, билип болмаз хачандыр; сенден-менден бу дөвраи арасыны ачандыр; гыша кын, гуманым, язын паслы гечендир“—Кемине говорит: близится смерть, но когда придет—знать невозможно Тебя и меня он разлучит с этим миром, Близка зима, думается мне, и прошло (уже) время весны (К.).

§ 83. Основы спрягаемых глагольных форм настоящего и неопределенного будущего времени были, когда то, подобно современной основе будущего категорического времени на „жак-жек“, глагольными именами, а их личные окончания—служебными словами, показателями сказуемости при глагольном имени, образовавшимися, в свою очередь, из личных местоимений. Форма неопределенного будущего времени стабилизировалась сравнительно поздно, и поэтому в туркменском фольклоре и в произведениях туркменской классической литературы нередки случаи, когда основа на „ар-ер“ в утвердительных и на „маз-мез“ в отрицательных оборотах речи все еще выступает в своей древней роли глагольного имени. Сюда относятся, напр., случаи употребления этой формы в качестве эпитета, т. е. первого члена детерминативного словосочетания (напр.: „Хемзе-мурзе, **гөрер** гөзден хабар бер!“ где „гөрер“ ярляется эпитетом слова „гөз“), либо в качестве косвенного дополнения с соответствующими падежными окончаниями (напр.: „эдере иш ёк, **гидере** ёл“) с окончаниями дательного падежа и т. п. Поэтому столь часто встречающиеся в произведениях туркменских классиков примеры употребления упомянутой основы вместе с показателями сказуемости („мен, сен“ и т. д.) вряд ли можно во всех случаях без исключения считать личными формами спрягаемого глагола, а предложения, где они встречаются, глагольными. Во всех случаях, где личные показатели не успели еще превратиться в аффиксы (напр., если они сохраняют свое внешнее сходство с личными местоимениями, не подчиняются закону сингармонизма и пишутся в старых рукописях отдельно от глагольной основы*), слова с аффиксами „ар-ер“ и „маз-мез“ следует считать глагольными именами (а не личной формой неопределенного будущего времени с нулевым показателем 3-го лица, как это имеет место сейчас), предложения же, в которых они являются предикатами,—именными, вполне аналогичными такими несомненно именным предложениям, как напр.: „мен окувчы—мен“ —я—ученик.

²¹ Примеры из туркменской классической литературы:

„Арамын ёк. карарын ёк, дынмаз сен, гиже-гүндиз ган ичер сен, ганмаз сен“—(о мир), нет покоя у тебя, ни устойчивости, ты (никогда) не успокаиваешься; днем и ночью ты пьешь кровь и не утоляешь жажды (М.—К.).

*) Раздельное написание доказывает, что в XVIII и XIX веках грамотная прослойка туркменского народа воспринимала эти формальные показатели как самостоятельные служебные слова, но не как аффиксы.

„Сорар мен, огланым, кайда барар сен“—я спрашиваю, мой сын, куда ты отправляешься (Ш.—Г.).

„Хак ашык мен, ышк ёлында өтер мен. Я реп, мырадыма хачан етер мен?“—Я действительно влюблен. Я (всю жизнь) буду идти путем любви. О владыка, когда (же) я достигну своего желания? (З.—Т.).

„Шахым, бу сөзлер яландыр. Ынанмас мен, ынанмас мен!“—мой шах, эти слова—ложь. Не верю я, не верю я! (З.—Т.).

„Сен Лейли сен; Межнун болуп, гезер мен. Сен Ширин сен; Перхат, даглар газар мен“—ты—Лейла, а я брожу подобно Меджунуну. Ты—Ширин, а я выворачиваю горы подобно Фархаду (С.—Х.).

„Хабар бер, кервенлер: кайдан гелер сиз?“—сообщите, о люди каравана: откуда вы идете? (З.—Т.) и т. д.

§ 84. О связке.—Связка в туркменских именных предложениях, если суждение относится к **настоящему времени**, обычно опускается. Употребление в таких случаях связки нередко приносит в предложение оттенок некоторой неуверенности говорящего в своих словах.

Пример:

„Бу гавун ширин“—эта дыня сладкая (безусловно), но: „бу гавун шириндир“—эта дыня (пожалуй) сладкая (или: должно быть сладкая).

В остальных же временах употребление показателя сказуемости обязательно.

Примечание: Взамен известных нам из морфологии недостаточных вспомогательных глаголов с формальным значением („дыр-дир“, „ды-ди“, „мыш-миш“, „экен“ и др.) в роли связки могут выступать также личные местоимения. В этом случае они становятся показателями сказуемости и помещаются непосредственно за предикатом, теряя свое ударение: „мен колхозчы-мен“—я колхозник.

§ 85. В тех случаях, когда взамен связки употребляются формы глагола „болмак“, имеющего в туркменском языке полное материальное значение, предложение, очевидно, следует рассматривать уже не как именное, а как глагольное.

Пример:

„халымыз ягшы болды“—наше самочувствие (состояние) стало хорошим.

§ 86. Связка ставится всегда непосредственно за предикатом, сливаясь вместе с ним в одно интонационное и смысловое целое.

§ 87. В противоположность русскому языку, в туркменских именных предложениях имя, играющее роль предиката, обычно ставится в единственном числе, хотя бы даже субъект логически требовал множественного числа.

Примеры:

„Бу затларын хеммеси-де ажайып“—все эти вещи удивительны (Б.—С.).

„Гүлшенли, сейранлы жайдыр бу жайлар“—цветущее, прекрасное место эти места (З.—Т.).

§ 88. Впрочем, в старописьменном туркменском языке случаи употребления предиката именного предложения с показателем множественного числа не очень редки.

Пример:

„Кадыман икиси гардаш имишлер“—в старые годы оба (племени) были братьями (А.—С.).

Б. Глагольные предложения.

§ 89. Предикат глагольного предложения всегда бывает представлен личной формой глагола, причем эта форма может быть как простой, так и сложной.

Примеры:

„Сөзим тамама гелли“—мои слова пришли к концу (К).

„Бу гошгы юваш-ювашдан бутин есир дүшен түркменлер арасында яйрап үтраяр“—это стихотворение мало-по-малу распространяется среди всех попавших в плен түркмен (Ахундов-Гүргенли).

„Сен болмасан, бу дүнийэни нейлэрин?“ — если тебя не будет со мной, на что мне этот мир? („Саятлы-Хемра“).

Примечание: Предикат, выраженный двумя и более словами („ягшы болды, тамама гелди“ и т. п.) может быть назван составным сказуемым.

§ 90. Глагол предиката нередко ставится в единственном числе даже в том случае, если субъект выражен именем в форме множественного числа.

Примеры:

„Гүн-гүнден колхозчылан ягшылашяр халлары“ — день-от-дня улучшается положение (в тексте мн. ч.) колхозников („Гурплы дурмушда“).

„Окап ылым аляр огланлар-гызлар“—учась приобретают знания мальчики и девочки (М. Ф.).

§ 91. Когда мы имеем дело с неопределенным субъектом (т. е. в случае так называемых „безличных“ предложений), глагол предиката ставится:

1.—(как и в русском языке) в форме 3-го лица множественного числа активного глагола.

Примеры:

„Кичижик аты чапарлар, үстине махмал япарлар. Ховлукмагын, жан дотан: сана да бирин тапарлар“—на маленькой лошадке скачут, покрывают ей спину бархатом. Не торопись, братец, и для тебя найдут одну (пестушка).

Примечание: В отдельных случаях глагол может стоять в единственном числе, напр.: „болды“—достаточно, хватит.

2—Либо (что особенно характерно для туркменского языка) в пассивной (страдательной) форме 3-го лица глагола.

Примеры:

„Томус гүнлери көпленч дашарда ятыляр“—в летние дни большей частью спят вне дома (П. А.).

„Яз вагтлары курортлара көп гидилйэр“—в летнее время много ездят по курортам (П. А.).

3.—Сочетания глагольной деепричастной формы на „ып-ип“ с формой 3-го лица глагола „болмак“, выражающие возможность

либо невозможность действия, равным образом могут быть предикатом „безличного предложения“.

Примеры:

„Дүйн шэхере гидип болмады“—вчера не пришлось пойти в город (П. А.).

„Бу гүн оба гайдып болмаз“—сегодня невозможно вернуться в аул (П. А.).

§ 92. Фразеологическое сочетание типа „гөресим гелйэр“ (мне хочется видеть), ранее (при своем возникновении) осмыслявшееся как целое предложение со своим субъектом („гөресим“) и предикатом („гелйэр“), ныне употребляется в значении сложной глагольной формы желания, имеющей в целом лишь предикативную функцию и сообщающей предложению оттенок безличности.

Примеры:

„Бизин Москваны гөресимиз гелйэр“—нам хочется видеть Москву (П. А.).

„Гурбансолтанын оба гайдасы гелйэр“—Курбан-Солтану хочется вернуться в аул (П. А.).

„Онын доклад эдеси гелйэр“—ему хочется сделать доклад (П. А.).

II. Субъект.

§ 93. В качестве субъекта могут употребляться вообще все изменяемые имена, а именно:

1.—Среди имен в собственном смысле этого слова: имена существительные (в том числе субстантивизированные междометия), субстантивизированные имена прилагательные и местоимения.

Примеры:

„... клар йигрими бэш мүнден хем көп адамысыны йитирдилер“—белые потеряли свыше двадцати пяти тысяч своих людей („Ленин ёлы“ 1940 г.).

„Бу мелгун алдады, бизе яр болуп“—эта проклятая обманула (нас), став нам подругой (С.).

„Мен арзув чекермен, яр гара гөзли“—я пылаю к тебе желанием, черноокая моя возлюбленная (С.—Х.).

„Ким гелди?“—кто пришел?

„Мениң ахым яра етишермикэ?“—дойдут-ли мои вздохи до возлюбленной?

2.—Среди именных глагольных форм—все склоняемые формы, т. е. инфинитивы, отглагольные имена и субстантивизированные причастия.

Примеры:

„Мунда чилим чекмек гадагандыр“—здесь курить запрещено.

„Гөрмедиге кындыр мүнүп дүшмеси“—не выдавшему (гор) трудно взбираться на них и сходиться вниз (М.).

„Хабар берин, эй яранлар: языланы бозан бармы?“—скажите, друзья: существует ли (человек), отменивший, то, что ему предназначено судьбой? (М.).

§ 94. Случай, когда субъект не выражается отдельным словом. Когда субъект бывает представлен лицом (в грамматическом понимании), то он может совершенно не выражаться самостоятельным словом (личным местоимением). Личное окончание

глагола в 1-ом и 2-ом лицах ед. и мн. ч. само по себе уже является местоименным элементом и исторически восходит к личному местоимению; поэтому одного личного окончания совершенно достаточно для обозначения лица и, следовательно, субъекта. Иными словами говоря, личные формы глагола заключают в себе самих свой субъект. Поэтому случаи опущения субъекта в предложениях упомянутого типа весьма обыденны в туркменском языке.

Примеры:

„Не жавап гетирдин Гүлимден, гардаш?“—какой ответ принес ты, брат, от моей Гюль? (Г.—Б.).

„Ганатым ёк, уча билмен,—нейлэйин?“—нет у меня крыльев, не могу летать,—что мне делать? (М.—К.).

§ 95. Для 3-го лица глагольных форм особого личного окончания не существует, но тем не менее и в данном случае субъект также может опускаться, если только он выражает неопределенное понятие.

Примеры:

„болды“—хватит, достаточно;

„боляр“ или „болар“—можно, ладно;

„болмаз“—нельзя,

„болмады“—ничего не вышло, не удалось, сорвалось;

„етер“—хватит и т. п.

Примечание: Примеры этого рода относятся к категории безличных предложений (см. § 91).

§ 96. Безличные выражения тип «морозит, светает, вечерет» и т. п., аналогичные французским: *il pleut* (дождь идет, досл.: дождит), *il neige* (снег идет, досл.: снежит) и немецким: *es regnet, es schneit* и т. д., наоборот, передаются по туркменски личными предложениями с четко выраженным субъектом.

Примеры:

„Ягыш ягяр дамжалап“—дождь идет капая (фольклор).

„Дүйн гар ягды“—вчера выпал снег.

„Гёк гүррүлдеди“—гром прогремел (досл.: небо прогремело) и т. д.

III. Дополнения.

§ 97. Различаются следующие виды дополнения:

1. — дополнение прямое;
2. — косвенное и
3. — обстоятельственное.

Прямое дополнение ставится в винительном падеже либо в абсолютном, косвенное дополнение в дательном падеже и в исходном (с послелогам и без них) или в абсолютном падеже с послелогом; обстоятельственное же дополнение ставится в падежах местном, исходном (при обозначении причины) с послелогам и без них, абсолютном с послелогам и или же в относительном падеже.

А. Винительный падеж.

§ 98. Прямые дополнения ставятся в форме винительного падежа в том случае, если они выражены именем, взятым в определенном значении.

Напр.: «мен бу китабы сенден алдым» — я эту книгу взял у тебя.

§ 99. Наоборот, имена, взятые в неопределенном либо в общем значении, становясь прямыми дополнениями, употребляются в форме абсолютного падежа.

Например.:

„Гез ачмак“ — открыть глаза; „чилиим чекмек“ — курить кальян (или папиросы);

„дутар чалмак“ — играть на дутаре.

§ 100. Когда прямое дополнение имеет при себе артикль неопределенный «бир», оно, как правило, употребляется без показателя винительного падежа.

Примеры:

„Кемине герсе, өйин эси бир зат гайнадыр“ — вдруг Кемине видит, что хозяйня дома что-то варит (кипятит) (К.).

„Мен китапханадан бир китап алдым“ — я взял из библиотеки одну книгу.

Однако, слова с неопределенным артиклем „бир“ иногда могут все-таки принимать показатель винительного падежа, а именно: если предмет, неизвестный читателю или слушателю, известен рассказчику (автору), либо лицу, о котором идет речь; напр.: «Айна бир зады гизлемэге сынанян ялы»... — Айна, как будто пытаюсь что-то спрятать... (А. Э.).

§ 101. В тех случаях, когда «бир» не имеет значения неопределенного артикля, а употреблено в значении числительного, показатель винительного падежа равным образом сохраняется.

Пример:

„Бай ак гуйрук кагыздан бир пенжесини чыкарды-да, Пекги Валаң элине гойды“ — бай вытащил горсть бумажек с белыми концами и вложил в руку Покки-вала (А. Э.).

§ 102. Прямые дополнения, имеющие при себе местоименный аффикс, как правило, принимают показатель винительного падежа, т. к. присутствие местоименного аффикса сообщает им оттенок определенности.

„Мухаммет отурды-да, чокайыны чыкарып, ерде гойды“ — Мухаммед сел и, сняв свои башмаки, поставил (их) на пол (Монтон: „Гүләлек“).

Б. Дательный и исходный падежи.

§ 103. Косвенные дополнения ставятся чаще всего в дательном и исходном падежах. Эти падежи имеют диаметрально противоположное значение: дательный падеж обозначает нап-

равление к ч. н. или к. н., в то время как исходный выражает идею удаления, отделения или выхода. Это противоположение обоих упомянутых падежей настолько четко и последовательно проведено в туркменском языке, что мы с целью более наглядного сравнения обеих падежных форм будем рассматривать их параллельно*).

Примечание: Дательный и исходный падежи в фразах, выражающих идею движения, образуют обстоятельственные дополнения места с тем же характером взаимной противоположности.

Дательно-направительный падеж.

§ 104. В дательном падеже ставятся имена, обозначающие **конечный пункт** движения или действия вообще, тот пункт, **по направлению к которому** совершается данное действие (понимая под ним не только физическое приближение, но и стремление к какой-нибудь цели, действительной или фигуральной, безразлично).

Примеры:

„Өе гирмек“—войти в дом.

„Ата мүнмек“—сесть верхом на лошади.

„Киме бердин?“—кому ты дал?

„Дал гердене тылла тумар дак-масан...“—если ты не надеваешь на свою стройную шею золотой тумар... (С.-Х.).

„Ягшы ат бир гамчы, яман ата мүн гамчы“—хорошей лошади один удар плетью, лохой лошади—тысяча плетей (поговорка).

Пример с прилагательным, выражающим идею **близости**:

„Обамыз шәхере якындыр“—наш аул (расположен) близко к городу.

Исходный падеж.

§ 105. В исходном падеже ставятся имена, обозначающие **исходный пункт** движения или действия вообще, тот пункт, откуда исходит или появляется данное действие (понимая под ним не только физическое, реальное **удаление** или **отделение**, но и фигуральное, метафорическое).

Примеры:

„Өйден чыкмак“—выйти из дома.

„Атдан дүшмек“—слезть с лошади.

„Кимден алдың?“—у кого ты взял?

„Ягшыдан ат галар, ямандан сет“—от хорошего человека остается (доброе) имя, а от плохого—брань (поговорка).

Пример с прилагательным, выражающим идею **удаления** или **отделения**.

„Обамыз шәхерден өрэн дашдыр“—наш аул (находится) очень далеко от города.

*) Для того, чтобы подчеркнуть функцию дательного падежа, как диаметрально-противоположного падежу исходному, можно было бы дательный падеж называть **направительным** падежом или (по примеру угро-финских грамматик) **аллативом**.

§ 106. Приближение может иметь чисто метафорический, фигуральный смысл; в подобного рода случаях дательный падеж играет иногда роль дополнения при непереходных глаголах. В туркменском языке существует ряд глаголов, управляющих дательным падежом*).

Примеры:

„Мен она ынанмаярын“ — я ему не верю.

„Маңа эер“ — следуй за мною, слушайся меня.

То же самое мы наблюдаем в отношении глаголов или прилагательных (в том числе нередко арабских причастий), выражающих приспособление, сообразность, согласие, нужду, выгоду, сожаление.

Примеры:

„Ашыр ийтен пулына гынаняр“ — Ашир сожалеет о пропавших деньгах (Т.).

„Шоңа да дүшмедин-ми?“ — (неужели) ты и этого не понял? („Токмак“).

„Чәржев районына гарашлы бир нәче улы оба бар“ — есть несколько больших аулов, подчиненных Чарджоускому району.

„Саңа нәме герек?“ — что тебе нужно?

§ 108. Дательный падеж может выражать конечную цель действия.

Примеры:

„Сени гөрмәге гелдим“ — я пришел повидать тебя.

„Гидере ёл ёк“ — пути-дороги нет, чтобы идти.

Примечание. Глагол „башламәк“ (начинать) равным образом управляет дательным падежом:

„Биз ише башладык“ — мы приступили к работе.

*) За справками относительно управления глаголов следует обращаться к словарю.

§ 107. Удаление может иметь чисто метафорический, фигуральный смысл; в подобного рода случаях исходный падеж играет иногда роль дополнения при непереходном глаголе. Чаще всего это бывают глаголы, выражающие страх, боязнь, неудовольствие, отвращение, удаление, отказ.*)

Примеры:

„Серчеден горкан дары экмез“ — тот, кто боится воробьев, не сеет проса (пословица).

„Перимден айрылан гарып бенде мен“ — в разлуке с моей красавицей-пери я стал жалким бедняком („Хүрлукка-Хемра“).

„Гоюн ялы сатылмакдан бошадык“ — мы (девушки) освободились от (унижения) быть продаваемой подобно овце (Мерет Гыяс).

„Гара өйден гутулмак гелипдир“ — настало (время) избавиться от черной кибитки (М. М. Х.).

„Мен-бу ишден эл чекдим“ — я отказался от этого дела.

Примечание: — Эти глаголы могут иногда управлять дательным падежом, когда дополнение бывает выражено инфинитивом или глагольным именем.

Пример:

„Жан-а жан достым гелмәге горкар“ — душа-душенька друг мой боится подойти (из девич. песни).

§ 109. Исходный падеж может выражать причину действия.

Примеры:

„Айралык дердинден йүрегим пара“ — мое сердце истерзано мукой разлуки (Дован-Шахыр).

„Ышкын ханжарындан сынам жерахат“ — моя грудь в ранах от кинжала любви (З. Т.).

„Билбилем, уклая билмен гырмызы гүлиң дердинден“ — я — соловей и от страсти к розе не могу уснуть (К.).

§ 110. Если глагол (как переходный, так и непереходный) выражает действительное движение, дательный падеж может быть равносильным обстоятельству дополнению места, отвечающему на вопросы: «куда? в каком направлении?».

Примеры:

„Мара гитмек“ — уехать в Мары.
„Сен эртир мектебе гелермисни?“ — придешь ли ты завтра в школу?
„О ере гит“ — уходи в то место, иди туда.
„Нирэ барярыс?“ — куда ты идешь?

§ 111. Если глагол (как переходный, так и непереходный) выражает действительное движение, исходный падеж может быть равносильным обстоятельству дополнению места, отвечающему на вопрос: „откуда?».

Примеры:

„Марыдан гелмек“ — приехать из Мары.
„Мен мектепден гелйэрин“ — я иду из школы.
„Гит мундан“ — уходи отсюда.
„Ниреден гелйэрсни?“ — откуда ты идешь?

§ 112. Некоторые послелогии управляют дательным падежом, а именно:

1. — **Ограничительные** послелогии: „ченли“ и „денеч“ (рус. «до»), выражающие тот пункт, которым оканчивается данный отрезок времени или пространства.

Примеры:

„Сагат бәше ченли“ — до пяти часов.
„Эртире ченли“ — до завтра.
„Хер гүн сагат ондан үче денеч“ — ежедневно с десяти часов до трех.
„Шу ере ченли“ — досюда.

Примечание: Эти же послелогии могут обозначать тот будущий момент, до наступления которого действие должно совершиться; напр.: „хачана ченли?“ — до какого времени? до каких пор?

2. — **Послелогии (и постпозитивные имена) направления**: «тарап», «бака», «сары».

Примеры:

„Биз шәхере тарап барярыс“ — мы идем по направлению к городу.
„Мениң ёлдашым ол оба бака гитди“ — мой товарищ пошел в тот аул (или в сторону того аула).
„Бәри бак, әй Буграхан, шол Туркистана сары“ — әй, Буграхан, посмотри-ка сюда, на этот Туркестан (М. К.).

Примечание: Послелог „сары“ в современном туркменском языке почти неупотребителен.

3. — **Послелог «гаршы» (против)** также выражает идею направления, но осложненную представлением встречного движения; напр.:

„Ол гыз бизе гаршы йөриди“ — та девушка шла нам навстречу;

„Аннагелди өз какасына гаршы ылгады“ — Анна-Гельди побежал навстречу своему отцу.

Чаще же всего с послелогом „гаршы“ связывается идея оппозиции или противопоставления (как в собственном смысле слова, так и в переносном), а отсюда вытекает представление противоречия и враждебности.

Примеры:

„Халкчылыга гаршы Ленини гөрөши“—борьба Ленина с народничеством (Г. К.).

„Фейербах, эсасан материалист болуп, материализм адына гаршы чыккандыгы мәлимдир“—известно, что Фейербах, будучи в основном материалистом, восставал против названия материализм (Г. К.).

Примечание: „Бака“, собственно говоря, является деепричастной формой глагола „бакмак“ (смотреть), а „тарап“ (досл.: сторона) и „гаршы“ (досл.: противоположная сторона, противоположность) именами существительными. В силу этого оба последних слова, будучи употреблены в именном значении, могут принимать местоименные и падежные аффиксы, напр.: „Совет хәкимнетиң гаршысына Антанта дөвлетлериң реакцион блогының гүйчленмеги“—усиление реакционного блока государств Антанты против советской власти (Г. К.).

4. — Послелог „гөрә“ (согласно, сообразно, по...) выражает идею соответствия или приспособления. Генетически он представляет собой деепричастную форму глагола „гөрмөк“ (видеть).

Примеры:

„Бу ботинка Оразың аягыңа гөрә бодды“—этот ботинок Оразу пришелся по ноге (М. Н. Х.).

„Ораз Ашыра гөрә көп окаяр, шоның үчин ол дерслерини отлично биләйәр“—Ораз по сравнению с Аширом много учится, поэтому он знает свои уроки на отлично (М. Н. Х.).

§ 113. Некоторые послелогии управляют исходным падежом, а именно: послелогии (и постпозитивные имена), управляющие исходным падежом, имеют своим назначением усиление либо уточнение понятий, выражаемых этим падежом (см. § 103). Сюда относятся послелогии: времени, указывающие отправной момент отъезда или ухода, удаления или отделения (движения от...);

места;

причины;

направления;

исключения.

Послелогии времени (и места) являются в действительности наречиями, употребляемыми в качестве послелогов.

1. — Послелогии времени:

— «овал» (араб.: первый)—раньше, прежде, до; напр.: «шундан овал»—до этого.

— «Өң»—до, перед, прежде; напр.: „менден өң“—до меня, раньше меня;

— „сон“или „соңра“—после, вслед за; напр.: «ондан соң»—после того, затем; «сапаклардан соңра»—после уроков;

— „бәри“—начиная с . . . , в продолжение . . . , напр.: „үч айдан бәри“—уже три месяца как . . . , в продолжение трех месяцев.

2. — послелог места: к их числу может быть отнесен лишь послелог „соң“ (уже упомянутый выше, в § 112, в качестве послелога времени), напр.: „Багырдан соң Певризе“—за Багыром Фирюза.

В основном же, пространственные отношения выражаются формами местного падежа изафетов, имеющих в качестве своего второго члена имена существительные: „аст“ или „ашак“ (низ), „үст“ (верх), „ян“ (бок, сторона), „бәри“ (эта сторона), „аңры“ (та сторона), „бой“ (рост, длина) и т. п.; напр.:

„столаң ашагында“—под столом;

„столаң ашагына“—под стол;

„там үстинде“—на доме, на крыше и т. п.

Пространственные отношения могут, разумеется, иметь также переносный, фигуральный смысл, напр.: „Партияның Меркези Комитетиниң ёлбашчылыгы астында партиямыз ве советлер юрды тәзе этапа—сынпсыз, социалистик жемгыети гурамагы битирмек этапына гечдилер“—под руководством ЦК партии наша партия и страна Советов переходили к новому этапу—к завершению строительства бесклассового, социалистического общества (Г. К.).

3.—Послелог причины и цели. С исходным падежом употребляется один лишь послелог «өтри» (для, ради), напр.: «чоюн өнүмчилигинде Германиядан озмакдан өтри бизиң хер йылда эредйән чоюнымызы 40—45 миллион тонна етирмегимиз герек»—для того, чтобы в производстве чугуна обогнать Германию, нам надо ежегодно выплавлять 40—45 миллионов тонн чугуна («Сов. Түркменистаны»).

Остальные послелог причины и цели: „үчин“ (для, чтобы, за, по причине) и „себәпли“ (по причине, вследствие) употребляются с абсолютным падежом.

Пример:

„Мәтәч студентлер окув үчин пул бермекден бошадыларлар“ — нуждающиеся студенты освобождаются от взноса платы за обучение („Совет Түркменистаны“).

Местоимения (личные и указательные) при употреблении с послелогам „өтри“ и „үчин“ ставятся в родительном падеже; напр.: „шоның үчин“—для того, по причине этого, поэтому.

4.—Послелог направления либо прохождения через данный пункт.

Собственно послелогов, имеющих такое значение, в современном туркменском языке не существует. Соответствующие отношения выражаются формой исходного падежа от упомянутых выше (в пункте 2-ом этого параграфа) слов: «аст», «үст», «ашак» и т. п., взятых в качестве второго члена изафета.

Примеры:

„Аэроплан шәхерин үстинден учуп гечди“ — аэроплан пролетел над городом.

„Амыдерянын үстинден поезд гечйэр“—над Аму-Дарьей проходит поезд.
„Көпринин астындан сув акяр“—под мостом течет вода.

„Гурбан шэхере барярка, Дурды онын ызындангыгырды“—когда Гурбан шел в город, Дурды закричал ему вслед (О. Н. Х.) и т. п.

5.— Последологи исключения: «өзге» (досл.: чужой, другой), «башга» (досл.: другой), «бейләк» и «айры» — кроме, за исключением и нек. др.

Примеры:

„Овалда гара гүйчлеринден өзге хич затлары болмадык ишчилер фабрик ве завоцлара өзлери зе болдылар“ — рабочие, у которых раньше ничего не было, кроме их физической силы, сами стали хозяевами фабрик и заводов. (Б. и И.).

„Мундан башга“ — кроме этого, кроме того.

„Гөкчай ичмекден, чөрөк чейнемекден башга ишимиз ёк“ — нет у нас другой работы, кроме как гөк-чай пить да чөрөк жевать („Токмак“).

В. Сравнительный падеж.

§ 114. Сравнительный падеж выражает идею отношения или сравнения, соответствуя русским: „как, подобно, вроде“. Показателем сравнительного падежа является неударяемая энклитика „ча-че“, исторически восходящая к существительному „чаг“ (мера, количество, время).

Примеры:

„Адыл шах адыллыкда Новширванча, сахылыкда Хатам Тайча бар экен“ — Адыл-шах в правосудии был подобен Ануширвану, а в щедрости Хатам-Таяу (З. — Т.).

„Анладым, ушбу жахан хубы тамамы сенче ёк“ — я понял, что в этом мире нет красоты, равной тебе (С.).

„Көлегеси эшекче, аграмы ашыкча“ — тень у него как у осла, а вес как у альчика (загадка; имеется в виду „тулум“ — кожаный мешок для сбивания масла).

Примечание: Формы сравнительного падежа могут принимать значение производной основы в именительном либо абсолютном падеже. В этом случае формы с „ча-че“ могут принимать местоименные аффиксы, играть в предложении роль субъекта и т. д.

Пример:

„Бу ёлдан чох гелип гечди сенчеси“ — по этому пути много прошло таких как ты (Шабенде).

§ 115. Близки по своему значению к формам сравнительного падежа адвербиальные формы, образованные помощью аффикса „ча-че“, семантически примыкающего к последлогу „гөрә“.

Пример:

„Мения пикиримче“ — по моему мнению (чаще говорят: „менияче“).

§ 116. Одной из частных разновидностей сравнительного падежа являются формы количественного сравнения с неударяемым „ча-че“.

Примеры:

„йүзлерче“ — сотнями;

„мүңлерче“ — тысячами.

§ 117. В тесной связи с формами сравнительного падежа имен существительных стоят глагольно-именные формы с неударяемым «ча-че» (вроде: «гелйэнчэ» или «гелинчэ»), о которых будет речь впереди при рассмотрении сложно-подчиненного предложения синтетического типа (см. §§ 190—192).

§ 118. В некоторых случаях „ча-че“ сближается по характеру своего употребления с послелогами, приобретая значение, аналогичное значению послелогов «ченли» и «деңеч».

Пример:

„Хемме ялат еди яшдан етмиш яшача, жем болуп, сап-сап дурдылар“ — весь народ в возрасте от семи до семидесяти лет, собравшись вместе, стал рядами (Г.—Б.).

З а м е ч а н и е. Случаи выражения обстоятельств помощью наречных форм (с окончаниями типа: „ын-ин“, „лайын-лейин“ и т. п.), окаменелых падежных форм (типа „гижесине“, „агшамына“ и т. п.), специальных случаев употребления формы множ. числа (напр.: „өйлэнлер“) и т. п. и т. д. разбираются в морфологии.

IV. Определения.

§ 119. Все члены предложения за исключением предиката глагольных предложений могут иметь при себе определение. Предикат глагольного предложения, не являясь именем, не может входить в состав детерминативного словосочетания.

Об определениях говорилось выше (см. §§ 7—30).

Глава II.

ПОРЯДОК ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ (ИМЕННОГО И ГЛАГОЛЬНОГО).

§ 120. Прежде чем говорить о порядке расположения различных членов предложения, следует заметить, что место определения не зависит от предложения в целом. Определения просто ставятся перед теми членами предложения, к которым они относятся.

§ 121. С другой стороны, дополнения относятся к предикату, но не к субъекту; поэтому они обнаруживают тенденцию образовывать с первым из них словосочетание, которое мы будем называть предикативным. Само собой разумеется, что в предикативном словосочетании предикат стоит на самом конце в соответствии с правилом, изложенным выше в § 4.

Таким образом, предложение в конечном итоге состоит из двух частей: предикативного словосочетания и предшествующего ему субъекта.

Схематически это может быть представлено следующим образом:

субъект + $\underbrace{\text{предикативное словосочетание}}_{\text{дополнения} + \text{предикат}}$

§ 122. Дополнения располагаются по следующему правилу: чем теснее смысловая связь дополнения с предикатом, тем ближе оно ставится к предикату. Поэтому, теоретически, нормальный порядок слов в предложении должен быть следующим:

предикативное словосочетание

суб'ект + $\frac{\left(\begin{smallmatrix} \text{обстоятель-} \\ \text{ственное} \\ \text{(дополнение)} \end{smallmatrix} \right) + \left(\begin{smallmatrix} \text{Косвенное} \\ \text{допол-} \\ \text{нение} \end{smallmatrix} \right) + \left(\begin{smallmatrix} \text{Прямое} \\ \text{допол-} \\ \text{нение} \end{smallmatrix} \right)}{\text{предикат}}$

Пример:

„Мен эртир сизе пул берерин“ — я завтра дам вам денег.

§ 123. Нормальный порядок слов нередко нарушается наблюдающейся в туркменском языке тенденцией ставить обстоятельственные дополнения времени и места впереди суб'екта, вследствие чего строение фразы приобретает следующий вид: обстоятельство + суб'ект + прочие обстоятельственные дополнения + косвенное дополнение + прямое дополнение + предикат.

Пример:

„Дүйн — институт клубында — професор Б. — өрэн ягшы суратда — студентле-римизе — бир лекция — окапдыр“ — вчера в клубе института професор Б. отменно хорошо прочитал нашим студентам лекцию.

§ 124. Нормальный порядок слов в предложении постоянно нарушается также тем обстоятельством, что любой член предложения (не исключая и суб'екта) может быть поставлен непосредственно перед предикатом, если говорящий хочет обратить на него внимание своего собеседника, иначе говоря, если на этот член падает логическое ударение.

Пример на прямое дополнение (в данном случае сохраняется нормальный порядок слов):

„Эртир мен сизе китап берерин“ — завтра я вам дам книгу (а не что-нибудь другое).

Пример на косвенное дополнение:

„Мен бу китабы сизе берерин“ — я эту книгу дам вам (а не кому-нибудь другому).

Пример на обстоятельство + дополнение:

„Мен бу китабы сизе эртир берерин“ — я эту книгу дам вам завтра (а не в другое время).

Пример на суб'ект:

„бу китабы сизе мен берерин“ — эту книгу дам вам я (а не кто-нибудь иной)

Отступления подобного рода чрезвычайно распространены в живой речи и в языке художественной литературы; нормальный же порядок слов встречается, главным образом, в строго-рассудочном, бесстрастном языке деловой прозы.

ОСОБЫЕ ТИПЫ ИМЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ.

1. Именные предложения со словами „бар“ и „ёк“ в качестве предиката.

§ 125. Слово «бар» предоставляет собой имя со значениями: «бытие, существование» либо «то, что существует», а в более далеком, производном отсюда, значении «всё» либо «весь, все». Слово же «ёк» является антонимом к нему и значит: «небытие, отсутствие» либо «то, что отсутствует; то, что не существует».

Оба эти имени могут употребляться то как существительное, то как прилагательное.

Примеры:

„Паны дунйэ гелдик, ёкдан бар болуп“—мы пришли в тленный мир, став из несуществующих существующими (С).

„Ене ниче тошы, шамхалларыны, земирек-у гүмберек барларны, ки душман сарыга агзы гарартып, ки гоймыш мен, ене богазыны артып“—и еще несколько пушек и шамхалов (ружей) и сколько было арбалетов и мортир, направив отверстиями в сторону в, ага, я выставил и жерла им прочистил (А—С.).

„Йигидин элде бары болмаса“—если у молодца в руках нет ничего... (М.—К.).

„Огрылар... бар затларымызы алып, соган ялы сойдылар“—воры..., взяв все наши вещи, облупили нас, как липку (досл.: „как лук“) — („Токмак“).

§ 126. Слова „бар“ и „ёк“ употребляются в качестве предиката предложений в том случае, если они выражают абсолютное присутствие (существование) либо абсолютное отсутствие (небытие) какого-либо понятия.

Примеры:

„Нэме бар?“—что есть?

„Хич ким ёк“—никого нет.

„Бирин бар экен, бири ёк экен“—что-то было, чего-то не было (традиционное начало сказок).

„Гөзел бар, мүң түмен ийдирсен аздыр; гөзел бардыр, ийен нанына дегмез“—есть красавицы, на которых не жалко израсходовать и тысячу туманов, а есть красавицы, которые не стоят того хлеба, который они едят (М.—К.).

„Сөзлесем дердими мен, бир ашык-и бичэре ёк“—если я выскажу свое страдание, то не окажется ни одного влюбленного, столь несчастного как я (Молла-Непес).

§ 127. Слова «бар» и «ёк» могут также обозначать бытие (либо небытие), ограниченное данным местом. В этом случае указанным словам в большинстве европейских языков соответствуют безличные выражения типа французского «il y a», немецкого «es gibt», либо английского «there is, there are» (рус. «есть, имеется»). Субъект предложения употребляется в подобного рода случаях неопределенно (что чаще всего выражается постановкой неопределенного артикля либо имени числительного).

Примеры:

„Китап ахырында гыга түркменче-орусча сөзлүк бар“ — в конце книги имеется краткий туркменско-русский словарь.

„Хусусан бир бахадыр бар иди ес, бахадырлыгда ход тенха иди бес“ — в особенности был там один витязь, по богатству единственный в своем роде (А.—С.).

„Вели бар ирди анда бир есирек, тёрларды аны хан-ы Сефирек“ — а был там один пленничек, звали его Сафарек-ханом (А.—С.).

„Ол обада бәш йүз элли өй бар“ — в том ауле есть 550 домов (юрт).

§ 128. Когда идет речь о простой локализации понятия с целью указать его местонахождение без упора на самый факт его существования, слово «бар» становится излишним и совершенно опускается либо заменяется показателем сказуемости, а вместо слова «ёк» берется именное отрицание «дэл». В этих случаях предикатом обычно бывает понятие определенное, существование которого уже известно.

Примеры:

„Бизин институтумыз Ашгабатда(дыр)“ — наш институт (находится) в Ашхабаде.

„Китап столда дэл, пенжиреде(дир)“ — книга не на столе, а на окне.

Впрочем, встречаются иногда исключения из этого правила.

Напр.:

„Мәти молла өйде бармы?“ — Мяти-молла дома?

„Энем өйде ёк“ — моей матери нет дома.

§ 129. Словами «бар» и «ёк» обозначается также бытие (либо небытие) одного или нескольких неопределенных понятий, мыслимых в обладании одним или несколькими другими понятиями (см. § 30 - отношение принадлежности). Словосочетания этого типа передаются по-русски личными формами глагола „иметь“ в соединении с прямым дополнением, либо словосочетаниями типа «у меня есть, у меня имеется...», подлежащее которых обозначает предмет, находящийся в обладании.

Русские словосочетания второго типа ближе всего подходят к туркменским, т. к. в упомянутых туркменских словосочетаниях с «бар» и «ёк» название обладаемого предмета является субъектом данного высказывания. Если понятие владельца (обладателя) выражено в этом же самом предложении отдельным словом, это слово образует со словом, обозначающим понятие обладаемого, изафет анализирующего типа (см. § 42).

Примеры:

„Нәмәниз бар?—что у Вас есть?

„Гарын док, келегеси ёк“ — брюхо сыто, а тени у него нет (загадка; имеется в виду „уры“ — яма для хранения зерна).

„Хер гүлиң ир дси бар“ — у каждого цветка есть свой аромат („лэле“ — девич. песня).

„Башыны кессең, ганы ёк; ичинин үч юмуртгасы бар; жүйжесинин саны ёк (гавун)“ — если отрежешь ему голову, у него нет крови; внутри у него есть три яйца, цыплятам же его нет числа (загадка о дыне).

„Гайзажыгмын ягы ёк“—у моих сливочек нет жира, т. е. мои сливки нежирные (ф. дьклор).

„Мениң бир доганым бар: орта бойлы, гара гаш“—у меня есть брат среднего роста и чернобровый („лэле“).

„Зэхр ичермөн... Шербетим ёк, балым ёк. Жида дүшдим... Ватаным ёк, илим ёк. Орным тутан өвладым ёк, оглым ёк. Халыма рәим эт! Хемает әйле!“—Я пью яд... Нет у меня шербета, нет у меня меда. Я в разлуке... Нет у меня родины, нет родимого племени. Нет у меня на мое место детей, нет у меня сына. Сжался над моим положением! Помоги! (Молла Непес).

Аналогичным образом слова «бар» и «ёк» употребляются также и в сочетании с глагольными именами (см. § 133).

§ 130. В тех случаях, когда идет речь просто об установлении отношения принадлежности, т. е. об указании, что одно понятие принадлежит другому, слово «бар» становится излишним (см. § 124), а слово «ёк» заменяется словом «дэл». В этих случаях субъект (понятие обладаемого) представляет собой определенное понятие, бытие которого уже известно и, следовательно, не может быть выражаемо словом «бар», равным образом, не может он иметь при себе и местоименных аффиксов. Понятие же обладателя ставится в предикате и обычно выражается предикативной формой притяжательного местоимения либо формой родительного падежа имен в сочетании с аффиксом «кы-ки», напр.: «бу дептер мениңки(дир)»—эта тетрадь—моя:

«ол өй киминки(дир)?»—чья то юрта?

«ол өй атамыңкы(дыр)»—это юрта моего отца:

«бу китап сениңки дэл»—эта книга—не твоя.

§ 131. В тех случаях, когда предложения со словами „бар“ и „ёк“ относятся к настоящему времени, показатель сказуемости („дыр-дир“), как это видно из вышеприведенных примеров, обычно опускается.

Но в отдельных случаях связка „дыр-дир“ может ставиться, напр.: „багында бардыр шетталы“—у тебя в саду есть персики (фольклор).

В остальных же временах (ср. § 89) „бар“ и „ёк“ принимают соответствующие показатели сказуемости («экен, ды-ди») || иди, мыш-миш || имиш», исторически восходящие к формам не существующего ныне в туркменском языке недостаточного глагола „и-мек || (э мек), либо к ним присоединяются личные формы глагола „бол-мак“. „Экен“ может стоять и в настоящем времени (заменяя „дыр-дир“) в том случае, если с высказыванием связан оттенок неуверенности или неожиданности.

Примеры:

„Гызыл доньң бар экен“—у тебя есть (насколько мне известно) красный халат („лэле“).

„Бир бар экен, бир ёк экен; бир вагтда, бир заманда бир везирин оглы бар экени“—что-то было, чего-то не было; в одно время, в одну эпоху у одного везира был сын (начало сказки).

„Дайханың үч оглы бармыш“—у дайханина было (как говорят) три сына.

„Мен өйде ёкдым“—меня не было дома.

§ 132. Как мы отмечали выше, при наличии в предикате глагола «болмак» (в классической туркменской литературе вместо него нередко встречается глагол «олмак») слово «бар» исчезает. Это объясняется тем, что глагол «болмак» помимо значения «сделаться, стать» имеет еще второе значение: «быть, существовать» (вместо теоретически допустимого «бар болмак»).

Примеры:

„Болмак“ в 1-ом значении—

„Жаны жан ичре гошуп, бир тен-у бир жан боламы“ — соединив наши души, станем одним телом и одною душой (Молла-Непес).

„Болмак“ во 2-ом значении—

„Хевесим ёк, север ярым болмаса“ — нет у меня настроения, если нет у меня любимой девушки ().

Примечание: „Бар“ в сочетании с повелительной формой глагола „болмак“ встречаем в выражении: „бар бол“ (досл.: „будь существующим“). „Бар бол“ представляет собою традиционную формулу ответа на приветствие: „арма!“ (досл.: „не уставай!“), с которым в Туркмении принято обращаться к работающему человеку.

§ 133. Заслуживает быть особо отмеченным употребление слова «ёк» в сочетании с глагольно-именной формой на «ан-ен» типа «язаным ёк», «чекениң ёк», «гелен ёк» и т. п. (с местоименными аффиксами 1-го и 2-го лица и вовсе без аффикса). Эти фразеологические обороты речи, имеющие дословно значение: «моего писания нет, твоего курения нет, нет прихода» и т. д., утратили свое бывшее значение и в настоящее время выполняют функцию личной формы глагола, играя синтаксически роль предиката, напр.: «мен чекеним ёк» — я не курю (а не: «мениң чекеним ёк», как надо было бы теоретически ожидать.)

Указанный семантический сдвиг закреплен в некоторых туркменских диалектах (текинском, гокленском, салырском и нек. др.) фонетической перестройкой этого словосочетания, с превращением его в одно слово, а именно:

„язаным ёк“ (йомудский диалект) → „язам ёк“ (эрсаринский диалект) — „язамок || язамак“ (текинский диалект);

„чекеним ёк“ (йомуд. д.) → „чекем ёк“ (эрс. д.) → „чекемок || чекемак“ (тек. д.) и т. п.

II. Именные предложения со словом „диймек“ в качестве предиката.

§ 134. Инфинитив глагола «диймек» (сказать) может быть предикатом именного предложения и в этом случае он соответствует русскому выражению: «это значит, что...»

Пример:

„Эмма диктатураны „голда сакламак“ ве „гнелтмек“ наме диймекдир? Бу болса — пролетарларын миллионларча көпчилиги арасына дисциплина ве гурамачылык рухыны гиризмек диймекдир; бу болса — овнук буржуаз стихиясыны гемирижилик тәсирине гаршы ве овнук буржуаз эндиқлерине гаршы

пролетариат көпчилиги арасында берклик ве даянч дөретмек диймекдир; бу болса—овнук буржуазия гатлакларыны янадан тербиелемек бабатында пролетариатын г рамачылык ишлерини берклешдирмек диймекдир; бу болса—сынп-лары ёк этмеги ве социалистик өнүмчилиги гурамак үчин зерур болан шерт-лери тайярламагы онарарлык гүйч хөкминде пролетариат көпчилигиниң өзини тербиелемеклигине көмек бермек диймекдир.—Но что значит „удержать“ и „расширить“ диктатуру? Это значит—внести в миллионные массы пролетариев дух дисциплины и организованности; это значит—создать в пролетарских мас-сах скрепу и оплот против раз'едающих влияний мелкобуржуазной стихии и мелкобуржуазных привычек; это значит—подкрепить организаторскую работу пролетариев по перевоспитанию и переделке мелкобуржуазных слоев; это зна-чит—помочь пролетарским массам воспитать себя, как силу, способную унич-тожить классы и подготовить условия для организации социалистического производства (Л. М.).

СЛОЖНО-ПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

Часть II.

§ 135. Сложно-подчиненным называется такое предложение, в котором наряду с главным или независимым суждением име-ется еще одно или несколько подчиненных или зависимых суж-дений. В том случае, если зависимое суждение имеет свой субъект, выраженный (или могущий быть выраженным) формой име-нительного падежа, соответствующее словосочетание называется подчиненным (или зависимым) предложением.

Пример:

„Эгер сиз билмейән болсаңыз, менин айтмагым нәмә герек?“—если вы не знаете, к чему мне говорить? (Э.).

Если же субъект зависимого суждения мыслится говорящим только как деталь предиката и потому бывает выражен словом в форме косвенного (обычно родительного) падежа, то такое словосочетание считается потенциальным предложением или, ина-че, предложением в потенции (ср. § 76,—2).

Пример:

„Сен менин йыкылжагымы билдин“—ты узнал, что я упаду (Э.).

§ 137. Зависимым может быть не только глагольное предло-жение, но также именное. Зависимые именные предложения входят в состав главного предложения, замещая отдельные его члены. Так, например, в сложном предложении: „Гам-засы ок, кирпичи пейканы гөрдим бу гиче“—(я сегодня ночью видел красавицу, у которой брови как стрелы, а ресницы по-добны наконечникам стрел) (Г. Б.) именные предложения: «гам-засы ок»—(ее брови стрелы) и „кирпичи пейкан“ (ее ресницы—наконечники стрел) являются прямым дополнением к предикату гл-вного предложения, что формально подчеркивается аффик-сом винительного падежа („ы“) при втором из них.

Другой аналогичный пример, в котором именное предложение („каматым яй“—мой стан—лук) выполняет функцию обстоятельственного слова:

„Каматым яй дек эгилдим“— я сгорбился так, как если бы мой стан был луком (З.-Т.).

Ср. примеры именных предложений в роли сложного эпитета (см. § 29).

Глава 1.

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

§ 136. Потенциальными предложениями или предложениями в потенции обычно бывают причастные, деепричастные и глагольные обороты речи, выражающие зависимое логическое суждение.

Пример (субъект зависимых суждений совпадает с субъектом главного суждения):

Тахыр, сөзини гутарып, *кисесине бир гысым говурга салып*, мектебе гаршы уграды*—Тахир, окончив свои слова и *положив в свой карман горсть ковурги*,*) отправился в школу (З.-Т.).

§ 138. Присутствие одной только отглагольной формы еще не является решающим признаком наличия предложения в потенции. Для того, чтобы можно было говорить о потенциальном предложении, необходимо, чтобы у отглагольной формы был свой, в достаточной степени ясно выявленный логический субъект. Поэтому, напр., субстантивизированные причастные формы „эшиден“ и „гөрөн“ в следующей фразе вряд-ли могут быть рассматриваемы как предложения в потенции:

„Эшиденден *гөрөн* ягшы билер“ - тот, кто видел, знает лучше того, кто слышал (З.-Т.) (досл.: *видевший* знает лучше слышавшего).

Примечание: Степень выявленности логического субъекта зависимого суждения не всегда может быть в достаточной степени точно определена, а т. к. причастные, деепричастные и глагольно-именные формы имеют колоссальное значение для грамматики, явившись в области морфологии исходным материалом для образования личных форм глагола (*verbum finitum*), а в области синтаксиса главной основой для возникновения придаточных (зависимых) предложений и тем самым для возникновения сложно-подчиненного предложения в целом, то поэтому до ознакомления с собственно потенциальными предложениями мы в следующих параграфах познакомимся с наиболее существенными особенностями употребления упомянутых отглагольных форм в рамках простого предложения несмотря на то, что это неизбежно связано с необходимостью вторичного изложения некоторых явлений языка, уже известных читателю из предыдущего.

А. Простые предложения с отглагольными формами слов.

§ 139. Как уже отмечалось выше, отглагольные именные и адвербиальные образования, если при них отсутствует субъект,

*) „Ковурга“—жареные зерна пшеницы.

должны быть рассматриваемы как члены простого предложения. К подобного рода образованиям относятся: причастия, собственно именные формы глагола и деепричастия.

Примеры:

- а) Причастие в роли подлежащего— „Хар бакан хар танар; зергер зер танар“—пасущий ослов знает ослов; золотых дел мастер знает золото (М.-К.).
- б) Причастие в роли эпитета при прямом дополнении— „Көңлим алган дилребаны гөрдинми?“—видел ли ты красавицу, похитившую (взявшую) мое сердце? (З.-Т.).
- в) Глагольное имя (инфинитив) в роли дополнения к предикату— „Желлатлар гелиндир жаным алмага“—палачи пришли взять мою душу (З.-Т.).
- г) Глагольное имя в роли обстоятельственного дополнения— „Гүленде огшар сен бахар-язлара“—когда ты смеешься, ты похожа на весну (С.).
- д) Деепричастие в роли предиката— „Пелегин элинден гелип мен дада“—я воззвал о помощи от рук судьбы (С.).
- е) Деепричастие в роли обстоятельственного слова — „Шат болмайын дүшдим айралык ода“—не зная радости, я попал в огонь разлуки (С.).

Простые предложения с причастными формами.

§ 140. В роли членов простого предложения могут выступать причастия настоящего времени на „ян йән“, прошедшего времени на „ан-ен“ („ан-эн“) и „дык-дик“, будущего времени на „жак-жек“, неопределенного будущего на „ар-ер“ („ар-эр“) и „маз-мез“, а также некоторые другие менее употребительные, устаревшие (вроде причастной формы на „ган-ген“).

§ 141. Примеры причастных форм в роли субъекта:

- „Серчеден горкан дары экмез“—тот, кто боится воробьев, не сеет проса (пословица).
- „Кәмил болмаз ол шербетден ичмеген“—не пивший того шербета не бывает совершенным (М.—К.).
- „Эй Салым, бу гелйән ким?“
— Саяим, кто это идет? (Г.—Б.).
- „Дынчыгың гадрыны билмез армаян“—тот, кто не устает, не знает ценности отдыха (М.—К.).
- „Мелул болар мырадына етмедик“—печален бывает не достигший своего желания (М.—К.).

§ 142. Причастные формы могут быть также глагольным эпитетом (ср. § 13).

Примеры:

- „Ел башында галан ярын унутма“—не позабудь своего возлюбленного, оставшегося на дороге (З.-Т.).
- „Партия ишчилер сынпының гуралан отрядыдыр“—партия есть организованный отряд рабочего класса (Л. М.).
- „Халым сорган энем сен“—ты мать, справлявшаяся о моем состоянии (З.—Т.).
- „Ачылмаган тер гунчаны гөзләрмен“—я ищу нераскрывшийся свежий бутон (З.—Т.).
- „Оюнын леззетин билмейән адам хүнәрли йигидиң сазына дегмез“—человек, не знающий прелести игры, не достоин музыки искусного молодца (М.—К.).

„Горкыдан не пейда гилежек жана?“—какой толк бояться душе, собирающейся уйти (в иной мир)? (М.—К.).

„Биябил хич бир зат гөрмедик яш огландыр“—Бильбиль ничего не вждавший юноша (Г.—Б.).

„Айрылдым сөвер ярымдан“—я разлучился с любимой подругой (Г.—Б.).

§ 143. Причастные формы могут быть предикатом.

Примеры:

„Башинжи майдан башлап, йүпекчилик фабригинде хер гүн үч смена ишленижекди. Шү себәпден она ене йүз йигирми бәш аял-ишчилер алынжак“—начиная с 5-го мая, работа на шелкомотальной фабрике будет вестись ежедневно в 3 смены. По этой причине на фабрику будет вновь принято 125 работников (Т.).

„Огланлыкда билмез илиң—в детстве ты был незнающим (М.—К.).

§ 144. Причастные формы могут выполнять также функции дополнений (прямых, косвенных и определительных).

Примеры:

а) Прямое дополнение.—„Башындан геченлери хабар бер“—поведай, что случилось с тобою (Г.—Б.).

б) Косвенное дополнение.—„Бир дайхан огул берене ики саны молла огул бержек“—тому, кто даст одного сына-дайхана, я отдам двух сыновей—молла (К.).

в) Определительное дополнение (первый член турецкого изафета). „Әкидилелериң ызыны ызарлап гиделиң!“—пойдемте по следам увиденных! (Г.—Б.).

§ 145. Как уже отмечалось, причастные формы субстантивизируясь превращаются в глагольные имена существительные; эти имена по своим синтаксическим функциям ничем не отличаются от обыкновенных имен существительных. В вышеприведенных предложениях все причастные формы, не являющиеся глагольным эпитетом, следует рассматривать как субстантивизированные.

Изменение семантики причастной формы может идти настолько далеко, что она превращается в настоящее отглагольное существительное, способное принимать все формальные показатели, свойственные этой грамматической категории (аффикс множественного числа, падежные и местоименные аффиксы и т. д.)

Примеры субстантивизированных причастий приведены выше. Помимо них даем здесь еще несколько других наиболее показательных примеров.

„Гелен гечди, гележеге юрт гойды“—то, что пришло, прошло (и) оставило место для будущего (М.—К.).

„Зохре өлере якын етипдир“—Зохре была на краю смерти (досл.: приблизилась к умиранию) (З.—Т.).

„Мүшкилдир, биширге ун тапылмаса“—трудно, если не находится муки испечь (хлеб) (М.—К.).

„Сөзлешенде ширин-ширин сөз сенде“—(при разговоре) у тебя (бывают) сладкие-пресладкие слова (С.).

„Бу мензилде дуарарым ёк“—в этом месте я не буду оставаться (З.—Т.).

„Ашыклар наме эдерини билмедилер“—влюбленные не знали, что им делать (З.—Т.).

„Хушына гелип, дагын ярыланына хошвагт болды“—придя в себя, он обрадовался тому, что гора раскололась (З.—Т.).

„Мениң диеними эмерсин“—ты не сделаешь сказанного мною (З.—Т.).

§ 146. Причастные формы на „ар—ер“ и „маз—мез“ по своему звуковому составу совпадают с формой 3 лица един. числа неопределенно-будущего времени. Поэтому, если эти причастные формы имеют именную функцию, к ним нередко присоединяются либо аффикс «лык-лик», либо послелог «ялы» (подобно), подчеркивающие причастно-именной характер этих форм (наряду с „ялы“ встречаются еще другие, менее употребительные формы этого послелога: „яны“, „ялак“ и „янак“).

Примеры:

„Эмма бу болушда хич бир гең галарлык зат ёкдыр“—но в этом обстоятельстве нет ничего удивительного (Л. М.).

„Макар ялы бир аркан герек“—нужен канат для привязи (З. Т.).

„Неберёне дегмезлик өвладыма пент болсын!“—я завещаю своим потомкам, чтобы они не трогали твоей родни (Д.).

§ 147. Отрицательная форма причастия на «ан-ен» в настоящее время обычно употребляется в качестве деепричастия (см. § 158); поэтому примеры употребления ее в качестве глагольного имени крайне редки:

„Булардан жыда болуп гезенимден гезмәним ягшыракдыр“—мне, пожалуй, лучше совсем не гулять, чем гулять отдельно от них (З.—Т.).

Простые предложения с инфинитивом.

§ 148. Инфинитив на «мак-мек» является в полной мере глагольным существительным со всеми свойственными ему функциями.

Примеры:

„Чилим чекмек гадагандыр“—курить воспрещено („чекмек“—субъект).

„Ашыклык бир дертдир Оның дерманы ярың жемалыны гөрмекдир“.—Любовь болезнь. Лекарство от нее—созерцание красоты возлюбленной (Г.—Б.) („гөрмек“—предикат).

„Желлатлар гелипдир жаным алмага“—пришли палачи взять мою душу (З.—Т.)—(„алмага“—дополнение).

„Агламакдан гөз яшым жошгунлы чая дөнди“—от плача мои слезы превратились в бурный поток (М.—К.)—(„агламакдан“—дополнение).

„Оны долы суратда дүшүндирмек үчин бүтин бир китап зерурдир“—для того, чтобы ее (тему) исчерпать, необходима целая книга (Л. М.) („дүшүндирмек“—дополнение).

„Окамага баран сопылары окатмагын дерегине, олара хер хили ишлер буйруп, гиче-гүндиз иш едер экен“—вместо того, чтобы обучать пришедших учиться (уфиев. он (ишан), давая им всякого рода задания, заставлял их работать днем и ночью (К.)—(дополнение).

„Гиче-гүндиз агламакдан өзге ёк кәрим мениң“—у меня нет другого дела кроме как плакать ночью и днем (С.)—(дополнение).

§ 149. Наряду с полной формой инфинитива может употребляться в том же значении и его усеченная форма на „ма-ме“.

Примеры:

„Диймэниз батылдыр“—то, что вы говорите (или сказали)—пустяки. (Г.—Б.)—(„диймэниз“—субъект).

„Шү кесгитлеме догрымчы?“—правильно ли это определение? (Л. М.)—(„кесгитлеме“—субъект).

§ 150. Вместо форм дательного и винительного падежей инфинитива с окончаниями «мага-мэге» и «магы-меги» в ряде диалектов широко представлены параллельные формы на «мана-мэне» и «маны-мэни»; эти диалектальные формы нередко проникают и в литературный язык.

Примеры:

„Авчылар гитмэне хыяллар дүзер“—охотники предполагают пойти (на охоту) (С.).

„Олар... дүйө йүк урманы билмейэрмишиялар“—они не умели навьючить верблюда (К.).

§ 151. Именная функция инфинитива может подчеркиваться присоединением к нему аффикса „лык-лик“.

Примеры:

„Ёллар көп ыракдыр; гөрмеклик ёкдыр“—путь очень далек; увидеть невозможно (досл.: нет видения) (З. Т.).

„Россияда империализмнің зынжырыны гырмаклык ве шоның билен-де буржуазияның хәкимиятини ағдармаклык пролетар революциясына бир неме аңсатлык билен башарандыгыны дашары хәсиетдәки үч ягдай кесгитледи“—три обстоятельства внешнего порядка определили ту сравнительную легкость, с какой удалось пролетарской революции в России разбить цепи империализма и свергнуть, таким образом, власть буржуазии (Л. М.).

Простые предложения с прочими глагольно-именными формами.

§ 152. Отглагольная форма на «дык-дик» в настоящее время чаще всего употребляется в роли существительного; случаи употребления ее в качестве собственно причастия сравнительно редки.

Примеры:

„Сөвдүгін дүшер голына“—твоя возлюбленная попадет в твои руки (З.—Т.).

„Бу нәме этдигиң болды?“—что ты сделал? (К.).

„Эгер бу сапар хем ояймаса, менден гечдигидир“—если она и на этот раз не проснется, значит, она забыла меня (З.—Т.).

„Гавга гүни Руссем, Зал дек гыздыгым, тора дүшүп, жандан умыт үздүгим, гашым силкип серхош болуп гездигим, ашратлы сүрдүгим дөвран, гап инди!“—прощай, моя славно прожитая жизнь, когда я в дни сражений горел подобно Рустему и Залю, когда я, попав в сети, терял надежду остаться в живых, когда я, потряхивая головою, ходил в опьянении (С.).

§ 153. Аффикс «дык-дик» может присоединяться не только к глагольным, но и к именным основам.

Примеры:

„Махым Тахырың ашыкдыгыны аңлады“—Махым поняла, что Тахыр влюблен (З.—Т.).

„Бәрик гел; нәдигин айдайын“—иди сюда, я скажу, что это такое (А. К.).

§ 154. Из прочих глагольно-именных форм наиболее употребительны формы на „асы-еси“, „малы-мели“, „алы-ели“.

Примеры:

„Гөресим гелди сени“—мне захотелось тебя видеть (А. К.).

„Овазың Чынмачың даглар ашасы; сени гөрөнлериң аклы чашасы“—твой голос достигает по ту сторону гор Чынмачың; у тех, кто тебя видел, ум тережится (М.—К.).

„Бу йыл гиделиң еди йылдыр“—в этом году семь лет со времени твоего ухода (З.—Т.).

Простое предложение с глагольно-адвербиальными формами.

§ 155. Глагольно-адвербиальные (глагольно-наречные) и в том числе, деепричастные формы в настоящее время выполняют в туркменском языке функции обстоятельственных слов. В тех случаях, когда деепричастная форма выражает сказуемое, она, как правило, употребляется только в сочетании с показателем сказуемости, сливаясь с ним в единую личную глагольную форму (прошедшее повествовательное, давнопрошедшее и др.);

Например:

„Бир гүн Эпенди дага одуна гидипдир“—однажды Эпенди (мулла Наср-эдин) пошел в горы по дрова (З.).

„Биз ёкарда: гүндагарың галапың миялетлери Эпендини өз доган гарындашы дийип хасап эдйэр дийипдик“—мы выше говорили, что большинство национальностей востока считает Муллу Наср-Эд-Дина своим родным братом (Э.).

„Пелегиң элинден гелипмен дада“—я воззвал о помощи от рук судьбы (С.).

„Эл урупсыз бу гүн көп ягшы ише“—вы приложили теперь свои руки ко многим хорошим делам (С.).

§ 156. Наиболее употребительной деепричастной формой является форма с показателем „ып-ип“ (после согласных) или „ап-ап“ (для основ, оканчивающихся на гласный звук), обычно выражающая одновременность действия и потому лишенная самостоятельного временного значения.

Примеры:

„Гарыпларың гөз яшы, даглары яндырып, эридер дашы“—слезы бедняков, зажигая горы, расплавляют камни (М.—К.).

„Шикәр эйлен, ягшы атардым“—охотясь, я славно стрелял (С.).

В некоторых случаях деепричастная форма на „ып-ип“, „ап-ап“ может выражать действие, предшествующее главному действию.

Примеры:

„Тахыр... ёл гайгыдан азат болуп, дагдан саг-садамат өтди“—Тахир, освободившись от забот пути, благополучно прошел горы (З.—Т.).

§ 157. В классической литературе наряду с «ып-ип» и «ап-эп» употребительны также архаические формы на „ыбан-ибэн, бан-бэн“ и „йып-йип“ (для основ, оканчивающихся на гласный звук).

Примеры:

„Нама ызыбан, бизге гөндерипдир ол дилбер“—та красавица, написав письмо, прислала его нам (Г.—Б.).

„Гүлшен ичре сейр эдибэн, болдың ашык Гүле сен“—гуляя по цветнику, ты влюбился в Гюль (Г.—Б.).

„Эйлебан узак ендише, эл урупсыз бу гүн көп ягшы ише“—много раздумывая, вы взялись теперь за много хороших дел (С.).

„Аферин! Горкмайын етишдиң Гүле“—браво! Без страха ты достиг (своей) Гюль (Г.—Б.).

§ 158. Вместо исторически более последовательной, но уже успевшей устареть отрицательной деепричастной формы на „майып-мейип“ обычно употребляется форма на „ман-мэн“.

Примеры:

„Тахыр бичэрәни сөзлетмән, хабар сораман, сандыга салдылар“—не давая говорить бедному Тахиру и не расспрашивая, его посадили в сундук (З.—Т.).

„Ашык магшугына етмән дынмаз“—влюбленный, не достигая своей возлюбленной, не находит себе успокоения (Г.—Б.).

§ 159. В классической литературе наряду с формами на «ман-мэн» часто употребляются более древние отрицательные формы деепричастия с окончанием «майын-мейин».

Примеры:

„Шат болмайын дүшдим айралык ода“—не зная радости, я попал в огонь разлуки (С.).

„Арманым көп галар, гөрмейин өлсем“—мне будет очень жалко, если я умру, не повидав (ее) (З.—Т.).

§ 160. Из числа менее употребительных деепричастных форм следует отметить формы на «а-е» (после согласных) и на «й» (после основ, оканчивающихся на гласный звук, в том числе после отрицательных глагольных основ с „ма-ме“); эти деепричастные формы обычно редуцируются.

Примеры:

„Хижир одына яна-яна, тапмадым дердиге чәре“—сгорая на огне разлуки, я не нашел средства от моей боли (С.).

„Махым жан... аглай-аглай ругсат берди“—Махым джан, плача, дала позволение (уехать) (З.—Т.).

„Гам думаны басып гарып көңлими, гез яшыя сакламай дөкуп барадыр“—туман застал мое бедное сердце, не переставая лютя слезы из глаз (М.—К.).

Примечание: Многие из деепричастных редуцированных форм на „а-е“ и на „й“ окостенели и превратились в дополнительные наречия, семантически лишь отдаленно связанные с исходным глаголом.

Примеры:

„Бара-бара бир чешмә етишерсиң“—мало-по-малу ты достигнешь источника (З.—Т.).

„Суз ичмедик гана-гана“—мы не напились воды вдоволь (С.).

Б. Потенциальные предложения с грамматически выраженным логическим субъектом зависимого суждения.

§ 161. Во всех вышеприведенных причастных, деепричастных и глагольно-именных оборотах речи имеются грамматически не оформленные логические суждения. Логический субъект этих суждений грамматически не выявлен; поэтому мы предложения с отглагольными оборотами речи считаем простыми предложениями. Дальнейшим шагом по пути превращения отглагольных оборотов речи в зависимые предложения является употребление при указанных оборотах речи личных и указательных местоимений в форме родит. падежа, местоименных аффиксов и т. п., косвенно указывающих на логический субъект зависимого суждения. Так как логический субъект зависимого суждения грамматически представлен в подобного рода случаях не как подлежащее, а как определительное дополнение, мы предложения этого типа также причисляем в грамматическом отношении к простым предложениям. Логический субъект зависимых суждений может при этом как совпадать, так и не совпадать с субъектом главного суждения.

Потенциальные предложения, имеющие общий логический субъект с главным суждением.

§ 162. В тех случаях, когда субъект зависимого суждения совпадает с субъектом главного суждения, косвенным грамматическим показателем субъекта в отглагольном обороте речи обычно является местоименный притяжательный аффикс. Субъект может быть дополнительно указан постановкой перед отглагольной формой (с местоименным аффиксом) возвратного местоимения в родит. падеже: *эзиниң, эзимиң* и т. д., но обычно в этом не встречается необходимости.

Примеры:

„Тахыр гаракчылардан гутуларына хошвагт болуп, сагына-согына гарап барыпды“ — Тахир, обрадовавшись своему спасению от разбойников, шел, поглядывая направо и налево (З. — Т.).

„Алжырандыр, нэтжегини биленек“ — он растерялся, не знает, что делать (А. К.) „Ашыклар наме эдерини билмедилер“ — влюбленные не знали, что им делать (З. — Т.). „Нәдерими билмейән“ — я не знаю, что мне делать (А. К.).

Потенциальные предложения, имеющие самостоятельный субъект, отличный от субъекта главного суждения.

§ 163. В том случае, если субъект зависимого суждения не совпадает с субъектом главного суждения, слово, обозначающее предмет или лицо, являющиеся субъектом зависимого суждения, обычно не опускается.

Конструктивно такого рода оборот речи совпадает с *изафетом* (см. § 6—2).

Примеры:

„Ёлдаш Сталинин трибунада пейда болмагыны бүтин зал довамлы ве өвүч алышлы орация билен гутлаяр“—появление тов. Сталина на трибуне весь зал встречает продолжительной, бурной овацией (Л. М.).

„Ахыркы вагтларда бизин уллакан үстүнликлер газананлыгымызы ин-кэр этмек болмаз“ нельзя отрицать, что за последнее время мы имели больше успехи (Л. М.).

„Инди сезин Гүле хак ашык боланыңы билдим“—теперь я узнал, что ты действительно влюблен в Гюль (Г.—Б.).

„Дагын ярыманына хошвагт болды“—он обрадовался, что гора расколо-лась (З.—Т.).

„Мениң диеними этмерсин“—ты не сделаешь того, что я сказал (З. Т.).

„Үч атлының өзлерине тарап гелйәнини гөрдилер“—они увидели, что по направлению к ним приближаются три всадника (Г.—Б.).

§ 164. В том случае, если предикат потенциального предложения бывает представлен именем или наречием, к нему обычно присоединяется глагольно-именной показатель „дык-дик“, обозначающий этому имени оттенок глагольности и одновременно являющийся показателем предикативности.

Примеры:

„Бизин үстүнликлеримизин хас улыдыгыны ве адатдан дашарыды-гыны инди хеммелер боюн алярлар“—теперь уже все признают, что наши успехи велики и необычайны (Л. М.).

„Махым Гахырын ашыкдыгыны аңлады“—Махым поняла, что Тахир влюблен (З. Т.).

„Бәрик гел; вәдигин айдайын“—иди сюда; я скажу, что это (такое)—(А. К.).

„Багбан ол овазын гүшынкыдыгыны, адамыңкыдыгыны я ынс-жын-сынкыдыгыны аңлап билмеди“—садовник не мог понять, птичий ли это го-лос, человеческий ли или голос духов (З.—Т.).

„Тахыр гелйән зензеләнің нәмедигини, кимдендигини дүшүнмейәр-ди“—Тахир не понимал, что это за приближающийся шум и от кого он (ис-ходит) (З.—Т.).

„Гарры, Тахырын ниредедигини билип, оның янына гелди“—старик, уз-нав, где (находится) Тахыр, подошел к нему (З. Т.).

„[Оның] сагдыгыны, диванадыгыны билмедилер“—они не знали, в здра-вом ли он уме или безумен (З. Т.).

§ 165. Показатель предикативности „дык-дик“ может плео-настически присоединяться и к глагольно-именным формам, где его присутствие не является обязательным.

Примеры:

„Дайхан меселесини билмекде Ленинин өрән өкде боландыгына сөз ёк“ слов нет, что Ленин был знатоком крестьянского вопроса (Л. М.). „Бил-билиң овалкы болушының ёклугыны ве башга хыяла дүшендигини молласы аңлады“—учитель понял, что прежнее состояние Бильбия исчезло и что у него появились другие намерения (Г. Б.).

В.—Предложения переходного типа.

§ 166. В результате дальнейшего логического обособления зависимого суждения глгольно-именной и причастный обороты речи приходят во внутреннее противоречие с другими членами

данного предложения. Чаще всего это наблюдается в отношении причастных форм глагола. Синтаксически выполняя роль глагольного эпитета при следующем за ними слове, эти причастия по своему материальному значению начинают согласовываться не с тем словом, формально-грамматическим эпитетом которого они являются, а с субъектом зависимого суждения, т. к. в логическом отношении они являются, конечно, его предикатом. Так, например, в предложении: „Бизин **барян** ёлымыз Ленин-Маркс ёлыдыр“ (путь, по которому мы идем, есть путь Маркса-Ленина) причастие „барян“ (идуший), являясь формально эпитетом слова „ёлымыз“ (досл: наш идущий путь), логически относится не к слову „ёлымыз“, а к субъекту зависимого суждения «биз» (мы), грамматически оформленному в данном примере как определительное дополнение к „ёлымыз“. Точно также в примере из Сейиди: «Бу гелен юрдыңыз мубэрек олсын» (да будет благословенна страна, в которую вы пришли) причастие „гелен“ хотя и является грамматически эпитетом слова „юрдыңыз“ (досл.: ваша пришедшая страна), логически, конечно, связано с субъектом зависимого суждения „сиз“, не нашедшим себе отдельного выражения в данной фразе.

Другие аналогичные примеры:

„Мен сенин хер не эдйэн ишиңи билйэрин“ — я знаю все, что ты делаешь (З. Т.).

„Хич кимсе кеймесин көен одыма“ — пусть никто не обжигается (тем) огнем, которым я обжегся (З. — Т.).

„Кемине.. хэки байың оглының берен пулларыны пайлашдырыпдыр“ — Кемине разделил (распределил) деньги, данные упомянутым сыном бая (К.).

„Агшам эден ишиң нэхили ишдир?“ — что это за дело ты сделал (вчера) вечером? (З — Т.).

„Патышаның, Диларам багына чыкып, Гүлиң суратына томаша эдйэн гүнидир“ — это день, в который падишах, выходя в сад Диль-Арам, любителю портретом Гюль (Г. — Б.).

„Бу гүн маңа кувват берер гүнидир“ — сегодня день, в который ты дашь мне силу (З. — Т.).

„Сен, иң говысы, кыяматда этжек көмегини шү дүйәде эдэй“ — лучше всего, ты ту помощь, которую окажешь в судный день, окажи в этом мире (К.).

„Адамзадың арзув эдип асырлар этмедик ишини этди Папанин“ — Папанин совершил дело, к которому человечество стремилось в течение столетий и которого (все же) не сделало (А. К.).

„Чагырылмадык ере барма“ — не ходи в (то) место, куда тебя не звали (М. — К.).

„Бу деря менин өлмели ерим болды“ — эта река стала местом, где я должен умереть (З. — Т.).

§ 167 Во всех приведенных выше примерах причастные и глагольно-именные формы выступали синтаксически как определение (эпитет), но подобного же рода внутреннее противоречие может наблюдаться и в иных случаях. Так, например, в следующей фразе субъект выражен субстантивизированной причастной формой «гизлэниңиз», приблизительно соответствующей русскому „спрятанное вами; то, что вами спрятано“. Между тем, несмотря на казалось бы пассивный характер этого выска-

звания, мы в тексте находим **активную** причастную форму («гизлэн»), что объясняется, конечно, тем, что эта форма выражает предикат зависимого активного суждения; в развернутой форме это зависимое суждение могло бы быть передано по-русски словами: „та вещь, которую вы спрятали“.

Пример:

„Онда яныкы гизлэниниз дутар-да“ — в таком случае, та вещь, которую вы давеча спрятали (или: вещь, спрятанная вами), — дутара (К.).

Г. Настоящие сложно-подчиненные предложения.

§ 168. В большинстве приведенных нами потенциальных предложений субъект зависимого суждения грамматически выявлен не как подлежащее, а как определительное дополнение и потому бывает представлен словом в форме родительного падежа. Таким образом, вышеприведенные потенциальные предложения грамматически являются ничем иным, как изафетом, первый член которых представляет собою субъект зависимого суждения, а второй член — предикат этого же суждения.

В предложениях переходного типа субъект приобретает большую логическую независимость, и уже не мыслится как деталь предиката, поясняющая его принадлежность. На следующей ступени развития зависимого суждения субъект этого суждения приобретает полную самостоятельность и начинает грамматически выражаться формой именительного падежа, иначе говоря, приобретает вид грамматического подлежащего. Оформленные подобным образом зависимые суждения мы можем уже считать настоящими предложениями.

Пример:

„Ичмек ере гачанда, онын ичинде эзим хем бардым“ — когда шуба падала на землю, внутри нее и я сам был (К.).

§ 169. Простое предложение, грамматические связи членов которого выявлены порядком слов, интонацией либо особыми служебными словами (союзами, предлогами и послелогами), может быть названо предложением аналитического типа. Наоборот, предложение, в котором показателем грамматических отношений его членов являются формы слов, носит название синтетического.

Туркменское сложно-подчиненное предложение представляет собой дальнейшее развитие простого предложения, иначе говоря, словосочетания, выражающие зависимые суждения, являются грамматически заместителями отдельных членов простого предложения. Вполне естественно поэтому, что зависимость придаточного предложения от главного выражается, в основном, теми же грамматическими средствами, что и взаимозависимость членов простого предложения. По этой причине сложно-подчиненные предложения могут быть следующих трех типов:

в) сложно-подчиненные предложения комбинированного, аналитико-синтетического типа.

2. На специальные показатели связи, представленные особыми личными формами глагола, в независимом предложении обычно не употребляемыми.

с показателями связи теми же, что и в простом предложении.

Примеры:

„Мөңкөк товусжак боланда, көпөк алды алкымындан“ – (в то время) когда волк собирался прыгнуть, собака схватила его за горло (Д.).

70

также местоименным аффиксом при субстантивизированном причастии, выражающем предикат зависимого суждения. Местоименный аффикс, разумеется, согласуется в лице с субъектом. В 1-ом и 2-ом лицах при этом обычно наблюдается выпадение конечного «н» в аффиксе причастия.

Примеры:

„Мен янына барамда*) хормат билен сөйүп ал“—когда я прихожу к тебе, принимай меня с почетом (Д).

„Гүл Бил или гөренинде... Билбиле тарап йөреди“—когда Гюль увидела Бильбиля, она направилась к нему (Бильбилю) (Г.—Б.).

„Огланлар ятмак үчин ерл рине гиренлеринде, Кемине, элине бир сувлы куннук ве элек алып, өйин депесине чыкяр“—когда дети улеглись спать, Кемине, взяв в руки кувшин с водой и сито, выходит на крышу дома (К.).

§ 173. В том случае, когда субъект зависимого предложения может быть выражен личным местоимением в форме именительного падежа, это местоимение обычно опускается, и единственным показателем субъекта остается местоименный аффикс при субстантивизированном причастии.

Примеры:

„Хер дем алганында, йүз ах урарсен“—всякий раз, как ты будешь делать вдох, ты станешь сто раз вздыхать (З.—Т.). „Гүлин кенизини гөрөнде, өзини тутуп билмедим; өзини гөрөмде, ничик боларкам?“—когда я увидел служанку Гюль, я не мог себя сдержать, что же будет со мной, когда я увижу ее самое? (Г.—Б.). „Гитжек боланызда, менден бир хабар тутын“—когда вы собираетесь уходить, справляйтесь обо мне (К.). „Хабарыны айт—диенлеринде, Сафия, шолара бакып, бир газал айтды“—когда они сказали (ей), чтобы (она) рассказала о себе, Сафия, глядя на них, произнесла газаль (Г.—Б.).

§ 174. Предикат зависимого предложения может быть выражен также инфинитивом и другими глагольными именами. В следующем примере инфинитив стоит в дательном падеже, т. к. в данном случае мы имеем дело с зависимым предложением, выражающим цель действия:

„Мен васпын диймәге диллерим лалдыр“—мой язык бессилен тебя описать (досл.: мой язык нем, чтобы я высказал твое описание) (З.—Т.).

В другом аналогичном примере глагольное имя снабжено кроме того показателем предикативности (дык) и поставлено в винительном падеже, т. к. зависимое предложение в целом является прямым дополнением к предикату главного предложения (билийәрсиниз: „Көне замандан биз техники тайдан ыза галан ве ярым гедайчылык, тозан юрды мирас эдип аландыгымызы сиз билийәрсиниз“—вы знаете, что мы получили в наследство от старого времени отсталую технически и полунищую, разоренную страну (Л. М.).

*) Вместо „баранымда“.

§ 175. К числу редко встречающихся видов связи зависимо-го предложения с главным относится употребление предиката зависимого суждения, выраженного отглагольным именем, в качестве первого члена изафета синтезирующего типа, причем формальным показателем связи оказывается местоименный аффикс при втором члене изафета, входящем в состав главного предложения. В нижеприведенном примере субъект зависимого предложения выражен словом „башлары“, а предикат словом „айланмак“.

Пример (зависимое предложение выделено квадратными скобками):

[Бизиң кэбир ёлдашларымызың бу үстүликлерден башлары айланмак] горкысы бар—есть опасность, что у некоторых наших товарищей может закружиться голова от таких успехов (Л. М.).

§ 176. К числу зависимых придаточных предложений следует отнести также деепричастные обороты речи, в том случае, если они имеют субъект, выраженный отдельным словом. Подобно зависимым предложениям с субстантивизированным причастием в форме местного падежа, зависимые предложения с деепричастной формой в качестве предиката выражают одновременность действия зависимого предложения с действием главного предложения.

Примеры:

„Тахыр бу сөзи эшидип, йүрегине от дүшди“—когда Тахыр услышал эти слова, его сердце воспламенилось (З.—Т.).

„Ышк йүрегимде гайнап, яндырды дерди мени“—любовь кипела в моем сердце и ее страдание сожгло меня (М.—К.).

II. Сложно-подчиненные предложения синтетического типа со специальными показателями связи главного и зависимого предложений.

§ 177. Предикат зависимого суждения может быть выражен особыми личными глагольными формами, в независимых предложениях не употребляемыми, либо употребляемыми редко и притом в измененном значении. Сюда относятся глагольные формы с показателями „са-се“, „янча-йэнчэ“, „ынча-инче“ и „ка-кэ“. Кроме того, связь зависимого предложения с главным может быть выражена особым показателем «кен || икен».

Условные предложения

(зависимые предложения с показателем «са-се»).

§ 178. Туркменская фраза, выражающая условие или предположение, состоит, как и в русском языке, из двух предложений; первое из них (зависимое) выражает условие, а второе (независимое)—следствие этого условия.

Формальным показателем связи обоих предложений между собою являются личные условные глагольные формы с аффиксом „са-се».

Пример:

„Мени өлдүрмесен,—еди күйзе бал берейин“—если ты меня не убьешь, дам семь кувшинов меду (Д.).

Примечание: В поэтическом языке очень часто встречается и обратный порядок предложений.

Пример:

„Килим гөзөл затдыр, дон тапылмаса“—палас прекрасная вещь, если не находится халата (М.—К.).

§ 179. Условие, о котором идет речь в условном предложении, может быть осуществимым, реальным либо неосуществимым, ирреальным. В связи с этим и конструкция условного периода может быть двух разных типов.

Примечание: Условные и уступительные периоды аналитико-синтетического типа рассматриваются в § 223.

§ 180. Первый случай: реальное условие. В реально-условных предложениях высказывается простое, объективное условие без указания на то, считает ли говорящий это условие осуществимым, желательным или нет. По-русски в таких случаях обычно употребляется союз «если» в сочетании с глаголом в изъяснительном наклонении.

Примеры:

„Гитсен, мен болармен ёлдашың бири“—если ты уедешь, я буду одним из твоих спутников (Г.—Б.). „Атла аяк болса, башга сын болмаз. эрде гайрат болса, иши кын болмаз“—если у коня (резвые) ноги, незачем больше смотреть; если у мужественного человека есть усердие, то его дело не будет трудным (М.—К.).

„Сөз билмесен, биленини айтмасаң, сөз сөзледип, сөз аслына етмесен, яй чекенде догры гарап атмасаң, ол окың нышанаң янына дегмез“—если (ты) не знаешь, что говоришь; если не говоришь того, что знаешь; если, говоря речь, не доходишь до сути дела; если, стреляя из лука, не смотришь прямо, то твоя стрела не попадет в цель (М.—К.).

§ 181. Второй случай: ирреальное условие. В тех случаях, когда по мнению говорящего осуществление условия проблематично, недостоверно либо вовсе невозможно, глагол ирреально-условного предложения ставится в прошедшем условном времени, а глагол главного предложения в прошедшем несовершенном неопределенного вида. По-русски в такого рода случаях обычно употребляется сослагательная форма глагола (с союзом „если бы“ и без него).

Примеры:

„Большевиклерин шу хил сыясаты болмасады, Учредитель собранияни ковулып даргадылмасы шейле ансат гечмезди“—без такой политики большевиков разгон Учредительного собрания не прошел бы так гладко (И. Сталин: „Октябрьская революция и тактика русских коммунистов“).

§ 182. Особые случаи употребления условных предложений. Глагольные формы с показателем «са-се» могут выражать не только условие, но и желательность того или иного действия.

Примеры:

„Көңлим истәр, гезсем дүңйә-элеми“—мне хочется пройти по всему миру (досл.: мое сердце хочет, чтобы я прошел по всему миру) (М.—К.). „Истерем, дилдарымнан мүжде гетирсе бир киши“—я хочу, чтобы кто-нибудь принес мне радостную весть от моей возлюбленной (З.—Т.).

Примечание: В отдельных случаях этот оттенок желания может быть настолько ярко выражен, что отпадает необходимость в особом главном предложении с глаголами „хотеть, желать“ и т. п., в результате чего предложение с глагольной формой на „са-се“ перестает быть придаточным и превращается в самостоятельное.

Пример:

„Кәшки адам бу дүңйәге гелмесе, геленден соң, өмүр сүрсе, өлмөсө!“—о если бы человек не появлялся в этот мир, а появившись, жил бы и не умирал! (М.—К.).

§ 183. При соединении с условной формой глагола неударяемой частицы «да-де» (или «хем») придаточное предложение приобретает уступительный характер.

Примеры:

„Мен Тахыр билен довзах ичинде отурсам-да, бу көшки-эйван ичинде отуранымдан говы гөрйәрин“—если бы я даже сидела с Тахиром в аду, мне бы это было все же больше по душе, чем сидеть в этом дворце (З.—Т.). „Бу жайлара гелен болсам-хем, ене гитжекдириң“—хотя я и пришел в эти места, я снова уйду (З.—Т.).

§ 184. В тех случаях, когда в состав условного предложения входит вопросительное местоимение или наречие, это означает, что условие, о котором идет речь, относится ко всем мыслимым лицам и обстоятельствам. Вопросительный тон имеет в данном случае своим назначением генерализацию общего смысла фразы.

Примеры:

„Ким шоңа дүшүнмедиң болса, не Октябрь революциясының хәсиетине, не пролетариат диктатурасының тебигатына, не-де бизиң пролетар хәкимие-тимизиң ичери сыясатының өз болушлылыгына хич вагт дүшүнип билмез“—кто не понял этого, тот никогда не поймет ни характера Октябрьской революции, ни природы диктатуры пролетариата, ни своеобразия внутренней политики нашей пролетарской власти (И. Сталин: „Октябрьская революция и тактика русских коммунистов“).

„Хайсы бири эжиз болса, шоңа көмөк гөркезели“—окажемте помощь тому из них, кто слаб (Г.—Б.).

„Не дийрсен, дийр: баш үстине“—что ни скажешь ему, он говорит: слушаюсь (М.—К.). „Нәме буюрсан, эдерин“—что бы ты ни приказал, я сделаю (Д.).

„Оның ялы дөнмеклигиң мысаллары нәче дисен бар“—примеров такого вырождения—хоть отбавляй (И. Сталин: „Об основах ленинизма“).

§ 185. Обобщающее значение вышеупомянутых предложений может быть подчеркнуто постановкой перед вопросительным словом прилагательного „хер“ (каждый, всякий). Пример:

„Йүз яшаса, бәш гүн өмүр гөрмөндир, хер кимин мынасып яры болмаса“ — каждый, у кого нет подходящей подруги, хотя бы и сто лет жил, не видел (даже) пяти дней (настоящей) жизни (М. — К).

Примечание: В зависимых предложениях с обобщающим значением условная форма глагола может заменяться формой индикатива, например: „Билбили хер нәче гөзледилер, тапып билмедилер“ — сколько ни искали Билбия, найти не могли (Г. — Б.).

§ 186. Условный характер придаточного предложения с глагольной формой на „са-се“ может бледнеть, затухиваться и даже вовсе исчезать. В этих случаях мы уже начинаем иметь дело не с условным, а с обыкновенным придаточным предложением, замещающим тот или иной член простого предложения.

Примеры:

„Мерт олдыр, шат тутса гамдан сынасын“ — тот настоящий муж, кто весело встречает горе (М. — К.). „Шол периме ким яман санса, серерин хамыны“ — кто будет считать эту мою пери плохой, сниму с того кожу (Г. — Б.).

§ 187. Встречаются примеры, когда условное предложение в целом является субъектом главного предложения. Этот последний в такого рода случаях формально имеет вид безличного предложения.

Примеры: „Серерин хамыны... Сермесем болмаз“ — Я сниму с него кожу... Не может быть, чтобы я не снял (т. е.: обязательно сниму) (Г. — Б.).

„Биле гитсек вәдеркә?“ — а что если нам вместе пойти?

§ 188. Однотипны по своему первоначальному характеру с вышеупомянутыми предложениями обороты речи, представляющие собой сочетание условной формы глагола со словом „герек“ (надо, нужно).

Первоначально в этих оборотах речи „герек“ имело значение предиката, но в настоящее время оно играет роль формального показателя идеи вероятности.

Пример:

„Гүллер ачылса герек“ — цветы должно быть распустились (фольклор).

§ 189. В отдельных случаях конструкция с „герек“ может дополнительно выражать оттенок необходимости.

Пример:

„Тахыр сениң ёлында өлди. Сен хем онын ёлында өлсең герек“ — Тахир умер ради тебя. Должно быть и ты умрешь из-за него (З. — Т.).

§ 190. Зависимые предложения с прочими формами слов, показателями подчиненности. Туркменские глагольно-адвербиальные образования с аффиксом „ча-че“ („янча-йәнчә“ и „ынча-ин-

че”), являются в настоящее время личными формами глагола, употребляемыми только в зависимых предложениях времени.

Функционально близок к этим формам недостаточный вспомогательный глагол „ка-кэ“, восходящий к деепричастно-причастной форме „кен“←„экен || икен“ (произошедший от вымершего глагола „эмек || имек“←„эрмек || ирмек“).

Все эти формы синтаксически являются показателями связи зависимого предложения с главным.

§ 191. Личная глагольная форма на „янча-йәнчә“ выражает тот предел во времени, которым ограничено действие главного предложения, и поэтому может переводиться по-русски выражениями „покуда, пока, до тех пор, пока“ и т. п. в сочетании с личными формами глагола.

Примеры:

„Бу гижә, даң атянча, шол ерде болдылар“ — в эту ночь они пробыли в том месте до тех пор, покуда занялся рассвет (З. — Т.).

„Гелйәнчән, ажыгарсын“ — покуда ты придешь, ты проголодаешься (К.).

„Өмрим тамам болянча, мен сенден гечмерин“ — покуда моя жизнь (не) кончится, я от тебя не откажусь (З. — Т.).

„Мен Тахыры тапып саңа гөндерйәнчәм, арам алмайын“ — я не успокоюсь до тех пор, пока (не) найду Тахира и (не) пришлю его к тебе (З. — Т.).

§ 192. Личные глагольные формы на „ынча-инче“ семантически вполне адекватны формам „янча-йәнчә“.

Примеры:

„Өлинчәм, атамың йүзини гөрменем“ — до самой смерти (досл.: пока я не умру) я не увижу лица своего отца (З. — Т.).

„Йүрегим ынжалмаз, кенлим хем дурмаз, дост жемалын гөрмейинче гөз биле“ — мое сердце не успокоится, пока собственными глазами не увижу красоту друга (М. — К.).

„Магтымгулы, сөйлә, аклың етинче“ — Махтум — Кули, говори. пока хватает твоего ума (М. — К.).

„Батыпдыр айым, куяшым. Чыкмайынча, карарым ёк“ — зашла моя луна, закатилось мое солнце. Покуда они не взойдут, нет мне покоя (З. — Т.).

§ 193. Показатель подчиненности „ка-кэ“, как указывалось выше, представляет собой не то что иное, как недостаточный вспомогательный глагол, изменяющийся по лицам. Этот вспомогательный глагол обычно указывает на одновременность действий главного и зависимого предложений. В качестве вспомогательного глагола, показателя предикативности, он может присоединяться к настоящим именам, в силу чего именные предложения могут становиться зависимыми членами сложно-подчиненного предложения.

Примеры:

„Бу компаса эекәк, өз ишлеримизде үстүнликлер газанжакдырыс“ — пока мы владеем этим компасом (досл.: пока мы хозяева этого компаса), — будем иметь успехи в своей работе (Л. М.).

„Биз хем сизин ядыкак, ойнап гезипдик“ — когда мы тоже, подобно вам, были (молоды), мы (тоже) играли и гуляли („Токмак“).

„Сиз баркаңыз, бизин эл урмага хетдимиз ёкдыр“ — пока вы находитесь (здесь), у нас нехватает решимости взяться (за дело) — (К.).

§ 194. Вспомогательная глагольная форма „ка-кэ“ (неударяемая) может присоединяться и к деепричастным формам глагола, подчеркивая одновременность действия обоих суждений.

Пример:

„Зөхре, хич ким дуйманка, Тахыры сандыга салып, бир хужрәниң ичинде гизледи“ — Зөхре, пока никто не знал, положила Тахира в сундук и спрятала в одной из комнат (З. — Т.).

§ 195. Чаще всего встречаются случаи употребления вспомогательного глагола „ка-кэ“ в сочетании с основами настоящего недатированного и датированного времен, с аффиксом „яр-йәр“ в первом случае и со стяженной основой во втором случае *).

Эти основы исторически восходят к причастным формам глагола, но так как данные формы в значении причастий больше не употребляются, то поэтому новообразования типа „барярка“, „гелйәркэ“, „ятырка“, „йөркэ“, и т. д. следует в настоящее время рассматривать не как сочетание именной глагольной формы с вспомогательным глаголом, а как самостоятельные личные глагольные образования.

Примеры:

„Семиз төклы таяркам, гарры гечини иймен“ — пока я нахожу (говорит волк) жирных овец, я не стану есть старой козы (Д.).

„Баряркалар, Тахыр... бейхуш болуп йыкылды“ — когда они шли, Тахир упал, потеряв сознание (З. — Т.).

„Ене ёлларыны довам эдиң баряркалар, узакдан бир гара гөрүнди“ — в то время как они вновь продолжали свой путь, вдали показалось что-то (черное) (Г. — Б.).

„Магтымгулы шу гошгысыны, өлүм ястыгында ятырка, айдыпдыр, — Махтум-Кули произнес это стихотворение тогда, когда лежал на смертном ложе (Ахундов-Гургенли).

„Булар уклап ятыркалар, үстлерине думлы-душдан нәмәлим бир гошун дөкүлди“ — в то время когда они спали, на них со всех сторон набросилось неизвестное войско (Г. — Б.).

„Бир гиже Махым жан ятырка, дүйш гәрди“ — когда однажды ночью Махым спала, она увидела сон (З. — Т.).

„Баг ичинде, сейил эдиң, гезип йөркэ, шугулчыларың бири Бабахана яманлады“ — в то время как он гулял по саду, один из доносчиков наговорил на него Бабахану (З. — Т.).

„Булар олары гөзләп йөркәлер, дашдан бир тозан гөрүнди“ — в то время как они его разыскивали, вдали показалась пыль (Г. — Б.).

§ 196. С показателем предикативности не следует смешивать созвучного с ним показателя экспрессивности, выражающего сомнение или недоумение.

Пример:

„Тахыр — Зөхре жан бейхуш болуп ятырмака, я, башга бири билән безм эдиң, бимар болуп ятырмака, я битап болуп ятырмака, я менден ёйкеләп ятырмака, я менидигими билмән ятырмака, я Гарабатырың тавушыдыр дийип ятырмака, я мениң айралыгыма чыдап билмән, мей ичип, мест болуп ятыр-

*) Стяженные основы настоящего датированного времени оканчиваются на „р“ с удлинением предшествующего гласного звука: „йәр“ (йә:р); „ятыр“ (йаты:р) и т. п.

мыка, я дөв-пери урдымыка, я ал-арвах, жың какдымыка — дийип горкун, наме этжегини билмән, хайран ве серасиме болуп дурды" — Тахир, смущенный и растерянный, не зная, что делать, боялся, что, быть может, Зохран-джан лежит, потеряв сознание, что она, быть может, после пира с кем-нибудь другим лежит больная, или, быть-может, ей нездоровится, или, может-быть, обиделась на него, или, может-быть, не знает, что это я, или, быть-может, лежит, думая, что это голос Карабатыра, или, быть-может, не будучи в силах выносить разлуку с ним, выпив вина, лежит в опьянении, или, может-быть, ее околдовали дивы и пери, или, быть-может, ее поразили злые духи (З. — Т.).

§ 197. Точно также не следует смешивать с показателем предиктивности союз „кә...кә“ (русс: то...то..):

„Сандык, шол гирдаба дүшүп, кә ол гыра, кә бу гыра уарды“ — сундук, попав в тот водоворот, ударялся то в один берег, то в другой (З. — Т.).

§ 198. Показатель подчинения „кен“ (не подчиняющийся сингармонизму и не имеющий на себе ударения), из которого, как можно предполагать, возникла упомянутая выше форма „ка-кә“, употребляется очень редко и притом только в классической литературе.

Пример:

„Сәхер вагты сейран эдип гезеркен, ажап мензил, гөзел жая саташдым. Угрым билмей, ёлдан ёла азаркен, хуп мекана, хуп сарая саташдым“ — когда я по утру прогуливался, я заметил (повстречал) поразительно красивое помещение. Когда я, не зная направления, блуждал по разным дорогам, я повстречал прекрасное здание, прекрасный дворец (М. — К.).

§ 199 В классической литературе нередко можно встретить также полную (исходную) форму показателя „кен“, а именно: деепричастную форму гипотетического глагола „эмек || имек“ — „экен“.

Примеры:

„Хатардан азашдым, кервенде экен“ — будучи в караване, заблудился я, выйдя из ряда (М. — К.).

„Тирик экен, ели болуп галып мен“ — будучи живым (т. е. еще при жизни), я стал мертвым (М. — К.).

Примечание: В современном туркменском языке „экен || экени“ обычно употребляется не как деепричастие, а как синоним связки „дыр-дир“ или „ды-ди“, одновременно выполняя экспрессивную функцию, а именно: являясь показателем изумления или озадаченности.

Примеры:

„Бай..сен-э бир акмак адам экениң!“ — Э... да ты, оказывается, глупый человек! (Э.).

„Бүтин дава бизиң ёрганымызың устинде экени“ — оказывается, весь спор был из-за нашего одеяла (Э.).

Сложно-подчиненные предложения аналитического типа.

§ 200. К сложно-подчиненным предложениям аналитического типа относятся такие сложные предложения, в которых связь

зависимого суждения с главным выражена либо помощью служебных слов („ки“, „чүнки“, „эгер“, „дийип“ и др.), либо помощью интонации.

Зависимыми могут быть, конечно, не только глагольные предложения, но также именные (ср. § 136).

§ 201. Зависимые предложения, соединяемые с главным помощью союзных слов. К числу наиболее часто употребляемых в старом туркменском языке и в языке учрежденческой переписки формальных элементов, соединяющих зависимое предложение с главным, относится союз „ки“, соответствующий русским относительным „кто, что, который“. Синтаксические конструкции с „ки“ заимствованы из персидского языка, что особенно ярко сказывается в несвойственном туркменскому языку порядке предложений: зависимое предложение не предшествует главному, а следует за ним. Присоединяемые к главному предложению помощью союза „ки“ зависимые предложения синтаксически являются заместителями отдельных членов простого пространственного предложения.

Пример:

а) В значении определения (эпитета):

„Шейле тупан болды **КИ**, гөйә хазрат Нухын тупаны дек, көп адамлар дерянын ичинде ве якасында хеләк болдылар“ — такая сделалась буря, что как будто при Ноевом потопе много людей в реке и на ее берегу погибло (З. — Т.).

б) В значении обстоятельного слова:

„Үч гүнде ол гадар лешгер жем болды **КИ**, хасаба гирениң саны тогсан ики мүңе етди“ — в три дня собралось столько войска, что численность попавших в счет достигла девяноста двух тысяч (З. — Т.) и т. п.

Примечание. В старом туркменском языке часты случаи употребления (по образцу чагатайского языка) служебного слова „ким“ (вместо „ки“). Напр.: „Хабарчы барды, йүзин чан сарытып; тийди — күффар или ким гелди етип“ — прибыл вестовой с лицом, пожелтевшим от пыли, и сказал, что пришло племя неверных (А. — С.).

§ 202. Как косвенная речь, так и прямая синтаксически являются прямым дополнением к предикату главного предложения („сказал, говорит, подумал“ и т. п.). Поэтому вполне естественно, что и та и другая могут быть также присоединены к главному предложению помощью служебных слов „ки“ или „ким“ по образцу приведенных к предыдущему параграфу примеров.

Пример:

„Дийли шах **ким**, везир — а, сен не ишде?“ — Шах сказал: „Везирь, ты в каком положении?“ (А. — С.).

§ 203. „Ки“ и „ким“ могут иногда заменяться союзом „ягны“ (то-есть).

Напр.: „Гадым гүррүнчилер шейле гүррүн эдйәрлер, ягны өтен заманларда Туран велаеинде Насыр атлы бир патыша болупдыр“ — древние повествователи так рассказывают, что в прошедшие времена в Туранской стране был один падишах по имени Насыр (Г — Б.).

§ 204. Совершенно аналогична конструкции сложно-подчиненных предложений с „ки“ (см. § 201) конструкция предложений

с союзным словом персидского происхождения „чүнки“ (потому что, так как).

„Чүнки“ употребляется в тех случаях, когда зависимое предложение выражает причину того, о чем идет речь в главном предложении.

Примеры:

„Бу жайлара гелем болсам хем, ене гитжекдирин, чүнки мен хем сенин ялы бир перизада ашыкдырын“ — хотя я и пришел в эти места, но я снова уйду, т. к. я подобно тебе влюблен в одну пери (З. — Т.).

„Эмма буржуазиянын реставрацияга сынаншык этмегинин эсасы бар, чүнки ол өзинин агдармагындан сон шоны агдаран пролетариатдан хениз көп вагт гүйчли болуп галяр“ — а буржуазия имеет свои основания делать попытки к реставрации, ибо она после своего свержения надолго еще остается сильнее свергнувшего ее пролетариата (Л. — М.).

§ 205. „Дийип“ или „дийп“ (досл.: „сказав“ или „говоря“) исторически представляет собой деепричастную форму глагола „диймек“ (сказ ты), но в своем прямом, материальном значении она употребляется довольно редко. „Дийип“ в настоящее время является служебным словом, соединяющим зависимое предложение (чаще всего соответствующее русскому придаточному дополнительному) с главным предложением, и на русский язык обычно переводится относительным местоимением „что“, либо вовсе не переводится.

Примеры:

„Эмма сенагатын динге бир үстүнлиги бар дийип ой этмек нэдогры боларды“ — было бы, однако, неправильно думать, что промышленность имела лишь одни успехи (Л. — М.).

„Элбетде, уруш бу ягдайдан гутулмага хакыки чыкалга берер дийип гүман этмеге эсас ёкдыр“ — конечно, нет оснований предполагать, что война может дать действительный выход (Л. — М.).

„Эй, яранлар, өмримден гечди дийип аглар мен“ — о, друзья, я плачу о том, что моя жизнь уже частично прошла (М. — К.).

§ 206. Косвенная речь в туркменском языке не имеет никаких особых формальных отличий и потому передается формой прямой речи (обычно в сочетании со служебным словом „дийип“).

Пример:

„Кәбирлери — мундан бейләк бизе хич хили техники нормалар герек дәл— дийип айдырлар“ — одни говорят, что нам не нужно больше никаких технических норм (Л. М.).

§ 207. В условных периодах зависимое предложение часто имеет персидский союз „эгер“ (если). В тех случаях, когда в условном значении берется не глагольное, а именное предложение и если при этом вспомогательный глагол опущен, единственным показателем условности остается союз „эгер“ (если не считать интонации.)

Пример:

„Эгер пир сен, эгер яш, кылма сырын халка паш“ — если ты стар и если ты молод, (все равно), не разбалтывай своей тайны людям (М. — К.).

§ 208. Зависимые предложения, соединяемые с главным помощью интонации. Служебные слова, соединяющие зависимое предложение с главным, могут опускаться; если при этом в зависимом предложении отсутствуют специальные формы подчинения (вроде условной формы глагола на „са-се“), то единственным формальным показателем подчиненности зависимого предложения главному остается интонация.

Примеры:

„Горкарам, яр бизи чыкарап ятдан“ — я боюсь, что возлюбленная забудет нас“ (М — К.).

„Анладым, ушбу жахан хубы-тамамы сенче ёк“ — я понял, что в этом мире нет совершенной красоты, равной тебе (С.).

„Билйерин, гайгы-гам ят болды саңа“ — я знаю, что тебе стали чужды печаль и горе (А. К.).

„Огланжыклар, — ягыш ягандыр — ёйдуп, деррев ятырлар“ — мальчики, думая, что идет дождь, тотчас ложатся спать“ (К.).

§ 209. Повелительные и желательные формы глагола в сочетании с особой интонацией фразы в целом могут быть показателями связи зависимого предложения с главным. Зависимое предложение в этих случаях обычно выражает цель или намерение.

Примеры:

„Достларым, гелдим алыслан, хана арзым айдайын“ — (мон) друзья, я пришел издалека, (чтобы) сделать хану доклад (К.).

„Душманың саклама, сырың билмесин“ — не задерживай (у себя) своего врага, чтобы он не узнал твоей тайны (М. — К.).

„Кысмап олмаз, гидем узак ёллара; несип гоймаз, гидем“ — не судьба мне, чтобы я ушел в далекий путь; рок не допускает, чтобы я пошел (М. К.).

„Истерем хакдан, говушдыргай маңа тыздан сени“ — я желаю от бога, чтобы он поскорее вручил тебя мне (М. — К.).

„Оңа дөвден, периден бир зыян етишмесин, йерин, Билбилими тапалың!“ — пойдемте, найдем моего Бильбия, чтобы ему не случилось вреда от дивов и пери (Г. — Б.).

§ 210. „Дийип“, подобно остальным союзным словам, может опускаться, и тогда связь зависимого предложения (в том числе и прямой речи) с главным предложением подчеркивается в живой речи одной лишь интонацией.

Примеры:

„Кемине олара — мени хем экидин — диййәр“ — Кемине им говорит: „Возьмите и меня (с собой)“ (К.).

„Тахыр диер: — гелмегейдим жахана!“ — Тахыр говорит: „Лучше б я не появлялся на свет!“ (З.-Т.).

„Бир гөзли диймесе — гарадыр. акдыр, көр пакыр күмүши, миси нә билсин?“ — если имеющий глаза не скажет, что это — черное, а это — белое, как распознает бедный слепой серебро и медь? (М.-К.).

„Айдарлар, йыртык дон гөрсе, ит гапар“ — говорят, что собака кусает, если видит рваный халат (М.-К.).

Примечание: „Дийип“ во многих случаях, изменяя свою семантику, начинает выступать в роли послелога, соответствуя по своему значению русским предлогам „за, из-за, на, к, в“ и др.

Примеры:

„Зохре... Тахыю дийип жан берди“ — Зохре отдала душу за Тахира (З.-Т.).

„Гелен аш дийип гелмез“ — приходящий (к тебе) не ради еды приходит (М.-К.).

„Алты айлык ёлдан сен дийип гелмишем“ — из-за тебя я проделал шести-месячный путь (Х. М. Байлыев).

§ 211. Зависимое предложение может быть заменено местоимением. В этом случае взамен сложно-подчиненного предложения получается два внешне независимых предложения, связанных лишь интонацией.

Пример:

„Сизлер, гөрүп сакалымнын агыны, гүлүшер сиз: аны билдим, гелинлер“ — я узнал, молодки, что вы пересмеиваетесь, видя седину моей бороды (С.).

§ 212. Влиянием персидского (а в XX веке также русского) синтаксиса следует объяснить наличие в туркменском литературном языке довольно большого числа конструкций, в которых зависимое предложение соединяется с главным помощью вопросительных местоименных существительных и местоименных прилагательных, а также вопросительных наречий, производимых с повествовательной интонацией.

Наиболее употребительны следующие соединительные слова: „ким“ — кто; „нәме“ и „не“ — что, что за; „ничик“ — как, какой; „хайсы || кайсы“ — который; „хачан || качан“ — когда. Взамен них в предикате зависимого предложения может также стоять вопросительная частица „мы—ми“.

Примеры:

„Намарт кимдир, билер болсан, — не дийрсен, дийр: баш үстине“ — если ты хочешь знать, кто немужественный человек, (то знай, что это тот, кто) на все, что ни скажешь, отвечает: к вашим услуга (М.-К.).

„Нәме гөрдін лагерде, бизе айдып бер, оглым“ — Расскажи нам, мой сын, что ты видел в лаге е (А. К.).

„Мәлим болмаз, дөпе недир, дүз недир“ — нельзя определить, что холм, а что равнина (М.-К.).

„Бу ничик шәхердир ве ничик махлукдыр, билелин“ — узнаемте, что это за город и что за народ (Г.-Б.).

„Билмен, не говгалар өтер башымдан“ — я не знаю, какие бедствия стряснутся над моей головой (З.-Т.).

„Билмен, хачан гелер өмрин хазаны“ — я не знаю, когда придет осень жизни (С.).

„Хич билмезсен, качан түкөнер демиң“ — ты совершенно не знаешь, когда исп стишь дух (М.-К.).

„Мен билменем, намыс—арым кайдадыр“ — я не знаю, где моя честь (Г.-Б.).

„Билменем мен, гүл йүзин гөрмек жемалын ба м дыр“ — я не знаю, доведется ли мне видеть ее красоту, ее подобное цветку лицо (Г.-Б.).

§ 213. Наряду с интонацией роль дополнительного грамматического показателя взаимосвязи предложений может играть также порядок слов. В следующих примерах два предложения: „ярым дуран (дыр)“ (моя возлюбленная пребывала) и „тагты асмандан учан (дыр)“ (его трон слетел с неба) являются определениями (эпитетами) к словам «ерлере» (в первом случае) и

«Сүлейман» (во втором примере) и потому ставятся непосредственно перед этими словами.

При превращении указанных предложений в зависимые связка «дыр» становится, конечно, излишней.

Примеры:

„Гөзим дүшли ярым дуран ерлере“ — мой взор упал на места, где бывала моя подруга (З.-Т.).

„Тагты асмандан учан Сүлейман өлди, гитди“ — Соломон, трон которого снизошел (дословно: слетел) с неба, скончался, умер (З.-Т.).

Равным образом, предложение „улус гөрмез“ (народ не увидит), превращаясь в придаточное определительное, ставится перед словом «ерде», эпитетом которого оно является: «Сөвер ярыны улус гөрмез ерде пинхан эйлэйн» — я укрою твоего возлюбленного в месте, где его не увидит народ (З.-Т.).

Аналогичные примеры зависимых определительных предложений:

„Ягыш яган гижеси...“ — ночь, в которую шел дождь.

„Гүн яшан вагтлары Айралык диен көшге етилдилер“ — в (то) время, когда зашло солнце, они достигли дворца под названием Айралык (разлука) (З.-Т.).

§ 214. Зависимые предложения, соединяемые с главным помощью послелогов и постпозитивных выражений. Наиболее часто употребляется для связи зависимого предложения времени с главным постпозитивное слово «соң» (после), восходящее к существительному „соң“ — конец. Как послелог „соң“ требует исходного падежа и обычно сочетается с субстантивизированным причастием на „ан-ен“.

Примеры:

„Аман-саглык сорашанларындан соң, ол киши айтды“ — после того, как они взаимно справились о здоровья, тот человек сказал (З.-Т.).

„Кәшки адам бу дүньяге гелмесе; гел-нден соң, өмүр сүрсе, өлмесе!“ — о, если бы человек не приходил в этот мир, а придя в него, жили не умирали! (М.-К.).

§ 215. Наряду с вышеуказанной конструкцией чрезвычайно распространено употребление постпозитивного слова «соң» не с исходным, а с абсолютным падежом.

Примеры:

„Мен гиден соң, башга билен болар“ — после того, как я уеду, (она) будет с другим (З.-Т.).

„Ол, достарындан айрылып, азашан соң... серв агажын саясында отурынды“ — он, разлучившись со своими друзьями и заблудившись, усел я в тени кипариса (Г.-Б.).

„Бир нәче гүн гечен соң, Билбил... ватаныны ятлады“ — после того, как прошло несколько дней, Бильбиль вспомнил свою родину (Г.-Б.).

Примечание: Глагольное имя с аффиксом „аң—ен“ может иногда сочетаться не только с местоименным аффиксом 3 лица (см. первый пример § 214), но и с другими местоименными аффиксами. При этом конечное „н“ обычно выпадает. Пример: „Догры он йыл окам соң, гутардым бу мектеби“ — после того, как я проучился ровно десять лет, я окончил эту школу (А.-К.).

§ 216. Зависимые предложения с «соң» могут иногда иметь не временное, а причинное значение.

Пример:

„Ишан гойман сон, ахыры айтмалы болярлар“ — так как ишан (от них) не отставал, то они в конце концов оказываются вынужденными сказать (К.).

§ 217. Конструкции с «соң» имеют тенденцию превращаться в стабильное семантическое целое, что проявляется, между прочим, в часто встречающейся практике слитного написания глагольного имени со следующим за ним служебным словом „соң“.

Пример:

„Ашыкларын жесетлерине жан геленсоң, олар жене гарап дурдылар“ — после того как в тела влюбленных вернулась жизнь (душа), они стали смотреть на битву (З.-Т.).

Таким образом, „соң“ стоит на полпути к превращению в аффикс. Все более четко обозначающаяся аффиксальная функция «соң» проявляется также в том, что после «соң» может стоять показатель множественного числа „лар“, семантически связанный с глагольным именем.

Пример:

„Саг—саламатлык сорашансоңлар, ол адам, патышага йүзленип,... дийди“ —после того, как они спросили друг друга о здоровье, тот человек, обращаясь к падишаху, сказал (Г.-Б.).

§ 218. Постпозитивное слово „бәри“ (после того, как) обычно сочетается с отглагольным именем на „алы—ели“.

Примеры:

„Еди йыл болупдыр гиделиң бәри“—семь лет прошло с тех пор, как ты ушел (З.-Т.).

„Сиз гиделиңиз бәри, хер гүним йыла дөнүп, ахы - зарымдан Бабахан амана гедди“—после того, как вы ушли, каждый день стал для меня годом, а от моих вздохов и рыданий (сам) Бабахан сжалился (З.-Т.).

§ 219. Из числа постпозитивных слов, встречающихся в зависимых предложениях времени, следует еще отметить «өң» и «бурун» (до; прежде, чем), управляющие исходным падежом.

«Өң» и «бурун» сочетаются с отрицательной формой отглагольного имени на „маз-мез“.

Примеры:

„Өлмездеи өң сана салам гөндерди“—прежде, чем умереть, он послал тебе привет. (З.-Т.).

„Башымыза өлүм гелмезден бурун, гелиң, гызлар, безм-и дөвран эделиң! —прежде чем смерть нас настигнет, пойдемте, девушки, и справим пир! (З.-Т.).

Примечание:

Предложения этого типа, а также приводимые в § 214, могут с известными оговорками рассматриваться также как сложно-подчиненные предложения комбинированного, аналитико-синтетического типа (см. § 225).

§ 220. В зависимых предложениях причины и цели употребляются послелог „үчин“ (для, по причине) и постпозитивное выражение „себәпли“ (по причине).

„Үчин“ и „себәпли“ обычно сочетаются с глагольным именем в сопровождении местоименного аффикса 3 лица; глагольное имя ставится при этом в абсолютном падеже.

Примеры:

„Ол вагтлар ёл горкылык боланы үчин, олар ёл ярагларыны тутушарлар“ — так как в те времена дорога была опасна, они берут с собою в путь оружие (К.).

„Эмма энтек гүнбатарда еңмеклик ёк боланы себәпли, Россияда революция үчин икиден бирини „сайламак“ галар“... — ну, а так как победы нет еще на Западе, то остается для революции в России „выбор“... (Л. М.).

„Ол гушагы Адыл ша, езиниң оглы болманы себәпли, кичи гызы Махым жана сылаг берипди“ — так как у Адиль-Шаха не было сына, то он тот пояс подарил своей младшей дочери Махым-джан (З.-Т.).

§ 221. Зависимые предложения могут соединяться с главным предложением также помощью послелогов «ялы» и «дек» (подобно, вроде как).

Пример:

„Каматым яй дек эгилдим“ — я согнулся наподобие лука (т. е. я согнулся так, что мой стан стал подобен луку) (З.-Т.).

„Мен Тахыры хич ким гөрмез ялы ерде гизләйин“ — я спрячу Тахира в таком месте, где его никто не увидит (З.-Т.).

Примечание: В первом примере зависимое именное предложение „каматым яй“ (мой стан — лук) выполняет функцию обстоятельственного слова, во втором примере предложение „хич ким гөрмез“ — (никто не увидит) является эпитетом к слову „ерде“.

Сложно-подчиненные предложения комбинированного, аналитико-синтетического типа.

§ 222. В тех случаях, когда в сложном предложении грамматическая связь зависимого суждения с главным выражена не только одной из специальных форм подчинения, свойственных предложениям синтетического типа (см. §§ 170-199), но и дополнительным показателем — служебным словом, мы такое предложение называем сложно-подчиненным предложением аналитико-синтетического типа.

§ 223. Аналитико-синтетический тип предложения мы чаще всего встречаем в условных и уступительных периодах (см. §§ 178-185, где наряду со специальной глагольной формой на «са-се» могут употребляться союзы «эгер» (иногда «гер») в условных и «эгер-де» (иногда «герче») в уступительных периодах.

Примеры:

„Эгер Тахыры гетирмесем, намарт болдыгым“ — если я не приведу Тахира, я буду презренным человеком (З.-Т.).

„Эгер мунда галсан, тәж-и тагтым сенинки“ — если ты останешься здесь, моя корона и мой трон — твои (Г.-Б.).

„Эгер гетирэймесен, дишини дамагыңа ибэрин!“—если не принесешь (барана), я твои зубы загоню тебе в глотку (говорит волку Джоннук-Батыр). (Д.).

„Эгер хер ким горкы этсе жанындан, айрылмасын аялыңың янындан!“—пусть всякий, кто боится за себя, не разлучается со своею женой! (С.).

„Эгер-де гарайышлардакы бу булашыктар ве большевистик болмадык пикирлер бизин партиямыздың ке иси не тасир эден болсады, партия демобилизлешен ве ярагсызланган халда боларды!“—если бы это путаница во взглядах и эти небольшевистские настроения овладели большинством нашей партии, партия оказалась бы демобилизованной и разоруженной (Л. М.).

„Эгер партия колхоз гурулышыгы фронтында өрэн уллукан үстүндүк газанган болса, онда оның себэби—Лениннің шол тактики гөркезмесини партияның ерине етиренлигиндендир!“—если партия одержала крупнейшую победу на фронте колхозного строительства, то это потому что она в точности выполняла это тактическое указание Ленина (Л. М.).

„Герче ишим намаздыр, көңлим перишандыр!“—хотя я занят молитвой, но сердце мое смущено (М. К.)

Примечание: В условных периодах может иногда встречаться в качестве показателя зависимости и союз „ки“, напр.: „Мерт олдыр ки, болса көңли рэхимли“,—(настоящий) муж тот, чье сердце милосердно (М.-К.), но в этих случаях зависимое предложение теряет значение условности.

§ 224. В зависимых предложениях времени с показателями «янча-йэнчэ» и «ынча-инче» (см. § § 191-192) предел во времени, выражаемый глагольной формой, может быть дополнительно подчеркнут постановкой в начале зависимого предложения союза «тэ» (пока, вплоть до...).

Примеры:

„Тэ өңимден адам чыкянча, хич киме айтмарын!“—пока мне ктонибудь не повстречается, никому не скажу (К.).

„Іэ өлйэнчэн, биле йөресин гелер!“—тебе захочется быть (досл.: ходить) (с ней) до самой смерти (покуда ты не умрешь) (М. К.).

„Тэ сени гөрийэнчэм, бу дүйнө маңа зындандыр!“—пока я тебя (не) увижу, этот мир для меня тюрьма (З.-Т.).

„Тэ өлинчэм, менден чыкмаз хыялын!“—пока я (не) умру, я не перестану стремиться к тебе (З.-Т.).

„Тамугдадыр, тэ дүйнөден өтинчэ, яман хатын ягшы эре душ гелсе!“—если хорошему мужу попадется плохая жена, (этот человек будет находиться как бы) в аду до тех пор, пока покинет этот мир. (М.-К.).

§ 225. Часть сложных предложений аналитического типа, имеющих в качестве показателя синтаксической связи послелог и постпозитивные выражения (в особенности, предложения, приводимые в § § 214-219), могут рассматриваться также как сложные предложения аналитико-синтетического типа, поскольку показателем грамматической связи в них является не только послелог, но и употребляемая с ним форма слова. Мы все же (хотя и с оговорками) причисляем эти словосочетания к предложениям аналитического типа, так как падежная форма в них является показателем вторичного порядка, обусловленным наличием основного показателя—послелога или постпозитивного слова.

Часть III.

СЛОЖНО-СОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

226. Независимые суждения могут находиться в том или ином логическом соотношении друг с другом: одно суждение может

противопологаться другому, одно суждение может мыслиться как основание или как следствие другого суждения и т. д. В том случае, если эти отношения выражены помощью интонации либо служебных слов (союзов), мы можем говорить о наличии сложно-сочиненного предложения.

§ 227. Союзы, употребляемые для выражения логических взаимоотношений независимых предложений, в основном те же, что и встречаемые нами в простом предложении с равносильными членами: «ве, хем (ем), эмма, велин (вели), йөне, я, я-да, я-ха, жэ» и нек. др.

Примеры:

„Өзим гарып, эмма хыяла баям“—я сам беден, но фантазией я богат (Г.—Б.).

„Гаракчымн, я сейитмиң, хожамың? сакымы сен, я шерапмын, я жаммын? я йылмы сен, я гүндизмин, гижемиң? я аймы сен, я гүнми сен? Нәме сен?“—Разбойник ли ты, сейид-ли ты или ходжа? Виночерпий-ли ты, или ты вино, или чаша? Год ли ты? День ли ты или ночь? Луна ли ты или ты солнце? Кто ты? (М.-К.).

§ 228. В качестве союза, соединяющего независимые предложения, может также иногда употребляться союз «ки».

Пример:

„Зөхре жан шах-и жахандыр, мен-ки шахың бир гулы“—Зохре-джан царица мира, а я—раб (этой) царицы (З.-Т.).

§ 229. Отдельные условные формы: «болса», «гөрсе», «ёгса», «болмаса» и т. п., ранее представлявшие собой предикат полного условного предложения, но с течением времени окаменевшие и почти утратившие свое прежнее материальное значение, могут также выполнять функцию союзных слов в значении русских „а“, „что касается“, „глядь, а...“ и т. п.

Примеры:

„Олар мобилизленипдирлер, меселәни үзүл-кесил гоюпдырлар, оларда үйтгешиклер ве өне гидип башламалар хем бар, иш **болса** еринден хем гозгалмаяр“—они мобилизовались, поставили вопрос ребром, у них и перелом, и сдвиги, а дело не двигается с места (Л.-М.).

„Билбил гөзини ачды: **гөрсе**, бир женнет кимин багың ичинде отурыпдыр“—Бильбиль открыл глаза: глядь, а он сидит в саду, подобном раю (Г.-Б.).

§ 230. Большая часть союзов, имеющихсся в туркменском языке, заимствована в сравнительно позднее время из персидского и арабского языков. Бессоюзие является одной из характерных черт туркменского синтаксиса не только в отношении простых, но и сложных предложений. Поэтому в большинстве случаев взаимная связь сочиненных предложений выражается только интонацией.

Примеры:

„Окармен, гөрермен барча келамы, —манысыны сече билмен“—читаю я, просматриваю все слова, (а) смысла их разобрать не могу (М.-К.).

„Санатым ёк,—уча билмен“...—нет у меня крыльев (и) не могу я летать (М.-К.).

„Сен Билбилсиң—ол Гүлдир; сен ашыксың, ол магшугыңдыр“—ты—Биль-
биль, (а) она—Гюль; ты влюблен, (а) она—твоя возлюбленная (Г.-Б.).

„Сен гүйчлисиң, —мен эжиз“—ты силен, (а) я слаб (Д.).

„Юрт шахы сендиң,—мен шахын гызы“—ты был царем страны, (а) я была
дочерью царя (З.-Т.).

„Бу гүн, шасың, эртир гедасың“—сегодня ты—царь, (а) завтра ты—нищий
(З.-Т.).

„Сен бир гүл сен,—мен харын мен“—ты—цветок, (а) я—твоя колючка (шип)
(З.-Т.).

Примечание: К сожалению, интонационная сторона речи не только
в туркменском, но и вообще в тюркских языках до сих пор еще не исследована
единственно-надежным в данном случае экспериментально-фонетическим мето-
дом. Поэтому мы пока вынуждены воздержаться от дальнейшего более деталь-
ного анализа интонационных фактов языка.

ДОПОЛНЕНИЕ.

СЛОВА И СЛОВСОЧЕТАНИЯ, НЕ ЯВЛЯЮЩИЕСЯ ЧЛЕНАМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

231. Не являются прежде всего членами предложения словообразования, имеющие экспрессивную функцию, т. е. слова — показатели эмоций. К ним относится значительная часть так называемых междометий: „бэ“, „бах“, „ах“, „ви“, „бай“, „пэхей“, „валла“, „берекелла“, „хейжан-элек“ и т. п. Ставятся они обычно в начале фразы.

Примеры:

„Хейжан-элек! Моймылдап губа газ гелйёр!“ — О радости! летят с криком серые гуси! (фольклор).

„Вах, поезде етишмедим! — ах, я опоздал на поезд! (Б. и А.).

§ 232. Некоторые из экспрессивных показателей носят постпозитивный характер. Сюда относятся ранее упомянутое «ка-кә» (см. § 196), «э» и нек. др.; произносятся они без ударения.

Пример:

„Мен-э билмедим“ — да я же не знал.

§ 233. Наконец, некоторые из экспрессивных аффиксов ставятся в середине слова, между основой и окончаниями, как, например, ударяемый показатель согласия, допущения „ай-эй“: „алайың!“ (ну что же, пожалуй, берите!),

Примечание: Упомянутые факты языка не имеют прямого отношения к синтаксису и потому более подробно здесь не рассматриваются.

§ 234. Равным образом, стоят вне предложения слова и восклицания, употребляемые для того, чтобы обратить на себя внимание лица, к которому обращаются с речью.

Призывные восклицания ставятся как в самом начале фразы, так и в конце ее.

Призывное восклицание обычно употребляется совместно с обращением, т. е. с названием лица, к которому обращаются.

Примеры:

„А гызлар-ув, ай, гызлар! Шу ерде бир бар пишик“ — девушки, эй девушки! Здесь есть одна кошка (Д.).

„Е-хе-е-й, ад м, хе-ей! Бу төверекде айы гөрмедим? — Эй, человек! Не видал ли ты в окрестностях медведя? (Д.).

„Хай, Токмагын, мүштерилери, эшидин — хов!“ — Эй, слушайте (вы), покупатели Токмака! (Токмак).

§ 235. Обращение без призывных восклицаний чаще всего ставится в начале фразы, но встречается также и в конце ее.

Примеры:

„Достым, сен мана телпегини бер“ — друг, дай мне свою папаху (Д.).

„Эртир шәхере гитжекми, Гөзел?“ — Гозель, ты завтра пойдешь в город? (Б. и А.).

236. Обращением может быть как отдельное слово (см. предыдущие примеры), так и целое словосочетание (чаще всего детерминативного или сочиненного типа).

Примеры:

„Әхли юртларың пролетарлары, бирлешин!“ — пролетарии всех стран, соединяйтесь!

„Салам саңа бизден, Ёлдаш Сталин!“ — привет тебе, товарищ Сталин!

„Гара сач жан, сени гөрен кишиниң гиже-гүндиз иши — ах-у зар олар“ — черноволосая (красотка, человек, который тебя видел, ночью и днем будет вздыхать и стенать (С.).

§ 237. Точно также не входят в состав предложения и вносные слова. Вносные слова могут выражать:

1) отношение говорящего к высказываемой мысли: («элбетде» — конечно, разумеется; «шүбхесиз» — без сомнения; „әхтимал“ — возможно, вероятно; «хакыкатдан хем, догрыдан хем» — действительно, на самом деле и т. п.;

2) детали той обстановки или те условия и тот порядок, при которых происходит высказывание („менинче“ — по моему мнению; „шейлеликде“ — таким образом; „меселем“ — например; „бир тарапдан“ — с одной стороны; «башга тарапдан» — с другой стороны; «биринжиден» — во-первых; «икинжиден» — во-вторых и т. п.).

§ 238. Вносный характер могут носить не только отдельные слова, но и словосочетания, вплоть до законченных предложений.

Пример:

„Мен сени, сениң ядыңа душйәндир, Ленинградда гөрүпдим“ — я тебя, ты помнишь, видел в Ленинграде (Б. и А.).

Перечень литературы, использованной и учтенной при составлении книги.

- Абду-с-Саттар Казы: „Книга рассказов о битвах текинцев“. (Туркменская историческая поэма XIX века). СПб, 1914.
- Аманжолов С.: „Природа сложно-подчиненных предложений в казахском языке“. (Ученые записки Казпединститута, т. I, Алма-Ата, 1940).
- Amançolov S.: „Qazaq tılı qylmı sintaksisınıñ qysqa kursy“. Alma-Ata, 1940.
- Aşyrov N., Aşymov P., Gerşuni M., Hoşajev N.: „Edebiyat“. Aşgabat, 1939.
- Байлыев Х. М.: „К семантике форм „дийип“ и „диен“ и в связи с этим вопрос о передаче косвенной речи в туркменском языке“. (Тезисы доклада, прочитанного в апреле 1940 г. на I-й научно-исследовательской конференции АГПИ). Стеклографир. изд. АГПИ.
- Bajlyjev H. ve Aşymov P.: „Sintaksis (nahuv)“. A., 1939.
- Bajlyjev H. M. ve Ishakov M. Ja.: „Ruslar ucin tyrkmen dilini övreniş ki-taby“. A., 1937.
- Баскаков Н. А.: „Ногайский язык и его диалекты“. М.—Л., 1940.
- Батманов И. А.: „Очерк синтаксиса узбекского языка“.
- Benjaş K. M.: „Stalin adyndaky tyrkmen döwlet teatrı“. A., 1939.
- Боровков А.: „Учебник уйгурского языка“. Л., 1935.
- Butınsojuz Kommunistik (bolşevikler) partijasynyñ taryhy (gyşgaca kurs). A., 1938.
- Гордлевский В. А.: „Грамматика турецкого языка“. М., 1928.
- Grønbech K.: „Der türkische Sprachbau“. Kopenhagen, 1906.
- Deny, J.: „Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli)“. Paris, 1920.
- Дмитриев Н. К.: „Грамматика кумыкского языка“, М.—Л., 1940.
- Дмитриев Н. К.: „Строй турецкого языка“. Л., 1939.
- Дыренкова Н. И.: „Грамматика ойротского языка“. М.—Л., 1940.
- Erendi. 2-nji neşri. A., 1941.
- Ньдыров М. N.: „Posleloglar hakynda umumi maglumat“. (Стеклографиров. изд. заочного сектора АГПИ). A., 1940.
- Ньдыров М. N. ve Begençov K.: „Grammatika“. A., 1939.
- Kekilov Aman: „Goşgylar“. A., 1940.
- Kemine: „Eserler jygındyşy“. A., 1940.
- Кервавајев В.: „Aygyl ädim“. (Taryhi roman). A., 1940.
- Кервавајев Berdi: „Dostluk“. A., 1940.
- Көсеев М.: „Тәзе түркмен эллибийини өвренйәнлере көмек“. A., 1941.
- Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин о проблемах языка и мышления. Л., 1933.
- Magtymguly: „Sajlanan goşgylar“. A., 1940.
- Март Н. Я.: „Избранные работы“. Л., 1933—1937.
- Мешанинов И. И.: „Новое учение о языке“. Л., 1936.
- Mätäçi: „Sajlanan goşgylar“. A., 1940.
- Mollanepes: „Lirika“. (Sajlanan goşgylar). A., 1940.
- Mollanepes: „Zehre—Tähyr“. A., 1940.
- Radloff W.: „Die alttürkischen Inschriften der Mongolei“. Dritte Lieferung. СПб, 1895.
- Sejdi: „Sajlanan goşgylar“. A., 1940.
- Sejtafov Beki: „Bagtyl nesil“. (Hekajalar). A., 1939.
- „Совет Түркменистаны“ (газета).
- Stalin I.: „Leninizm meseleleri“. On birinji neşrinden terçime. A., 1940.
- „Токмак“ (журнал)
- „Түркменистан“ (газета).
- Şavende: „Gyl-Bilvil“. A., 1940.
- „Şasenem—Gaýr“. A., 1940.
- Успенский В. и Беляев В.: „Туркменская музыка“. М., 1928.
- Филоненко В. И.: „Грамматика балкарского языка“. Нальчик, 1940.
- Zelili: „Sajlanan goşgylar“. A., 1940.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.

- А. Э. — Берди Кербабоев: „Айгытлы элим“. А., 1940.
 А. К. — Аман Кекилов: „Гошгылар“. А., 1940.
 А. С. — Абду-с-Саттар казы: „Книга рассказов о битвах текинцев.“ (СПБ. 1914.)
 Б. — К. М. Бенъаш: „Сталин адындакы түркмен дөвлет театры“. А., 1939.
 Б. и А.—Байлыев ве Азымов: „Синтаксис“. А., 1939.
 Б. и И.—Байлыев ве Исхаков: „Руслар үчин түркмен дилини өврениш китабы“. А., 1937. -
 Б. и С.—Х. М. Байлиев и Г. Сопиев: „Грамматика“. А., 1940.
 Г.—Б. — Шабенде: „Гүл-Билбил“. А., 1940.
 Г. К. — Бүтинсоюз Коммунистик (большевиклер) партиясынын тарыхы. (Гыс-гача курс). А., 1938.
 Д. — Берди Кербабоев: „Достлук“. А., 1940.
 З. — Зелили: „Сайланан гошгылар“. А., 1940.
 З.—Т.—Молланепес: „Зөхре—Тахыр.“ А., 1940.
 К. — Кемине: „Эсерлер ийгындысы“. А., 1940.
 Л. М.—И. Сталин: „Ленинизм меселелери“. А., 1940.
 М. — Мәтәжи: „Лирика.“ А., 1940.
 М.—К.—Магтымгулы: „Сайланан гошгылар“. А., 1940.
 М. Н. Х.—М. Н. Хыдыров: „Послелоглар хақында умуми маглумат“. А., 1940.
 П. А.—Пигам Азимов.
 С. — Сейди: „Сайланан гошгылар“. А., 1940.
 С.—Х.—Саятлы Хемра.
 Т. — „Түркменистан“ (газета).
 Ш.—Г.—Шасенем—Гарып“. А., 1940.
 Э. — Эпенди. А., 1940.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие	Стр. 3
К вопросу о структуре и генезисе сложно-подчиненного предложения.	5
Введение:	16
§ 1. Общие сведения о словосочетаниях	—
§ 2. Основные типы словосочетаний	—
§ 3. Первый закон словосочетаний	17
§ 4. Второй закон словосочетаний.	—
§ 5. Третий закон словосочетаний.	—
§ 6. Порядок изложения.	—

Раздел I.

Детерминативные словосочетания.

§ 7. Общие сведения о детерминативных словосочетаниях.	18
§ 8. Порядок присоединения аффиксов к детерминативным словосочетаниям.	—
§ 9. Правила орфографии, соблюдаемые при аффиксации.	—
§ 10. Виды детерминативных словосочетаний.	—

Часть I.

Детерминативные словосочетания, имеющие своим первым членом эпитет.

I. Правила употребления эпитета.

§ 11. Место эпитета.	19
§ 12. Аффиксы, которые могут быть присоединяемы к этим словосочетаниям.	—
§ 13. О природе эпитета.	—
§ 14. Порядок расположения эпитетов, относящихся к различным категориям речи.	—
§ 15. Употребление союза при нескольких, рядом стоящих, эпитетах.	20

II. Эпитеты, выраженные именами (помимо имен прилагательных и причастий).

§ 16. Категории слов, которые могут быть эпитетами.	—
---	---

А. Имена количества.

§ 17. Количественные наречия.	—
§ 18. Имена числительные и неопределенные прилагательные.	—
§ 19. Выражения, обозначающие меру	—
§ 20. Турецкий изафет в роли определения.	—
§ 21. Грамматическое число главного члена словосочетания, имеющего в своем составе определение количества.	—
§ 22. Гиперболическое множественное число.	21
§ 23. Нумеративы (счетные слова).	—
§ 24. Грамматическое число слова, следующего за числительным.	—

§ 25. Употребление количественных определений сравнительно с определениями качественными.	—
---	---

Б. Существительные, обозначающие материал.

§ 26. Определения, выражающие материал предмета.	—
--	---

В. Прочие существительные, могущие служить определениями.

§ 27. Существительные в абсолютном и в исходном падежах, употребляемые в качестве определения.	—
§ 28. Существительные в сопровождении послелогов.	22

III. Сложные эпитеты.

§ 29. Именное предложение в роли эпитета.	—
§ 30. Эпитеты второй степени.	—

Часть II.

Изафет.

Общие сведения об изафете.

§ 30. Отношение принадлежности.	—
§ 31. Правила, связанные с отношением принадлежности.	23
§ 32. Определение турецкого изафета.	24

I. Аффиксы, свойственные турецкому изафету.

§ 33. Правила аффиксации в изафете.	—
§ 34. Отличия турецкого изафета от соответствующих ему по значению синтаксических конструкций русского языка.	25

А. О местоименном притяжательном аффиксе второго члена изафета.

§ 35. Употребление местоименных аффиксов 1, 2 и 3 лиц.	—
§§ 36—40. Выпадение местоименного аффикса при втором члене изафета	25-26
§ 41. Падежные формы первого члена изафета.	27

Б. О показателе родительного падежа в первом члене изафета.

§ 42. Два типа изафета.	—
§§ 43—45. Семантические оттенки изафетов синтезирующего типа.	27-28
§ 46. Обозначения родства как изафеты синтезирующего типа.	—

II. Прочие аффиксы, встречающиеся в изафете.

§ 47. Аффиксы первого члена.	28
§ 48. Аффиксы второго члена.	29

III. Склонение изафета.

§ 49. Общие принципы склонения изафета.	—
§ 50. Употребление аффикса множественного числа.	—
§ 51. Добавочный местоименный аффикс.	—
§ 52. Падежные аффиксы.	30
§ 53. Аффикс „кы—ки“.	—
§ 54. Порядок расположения аффиксов.	—

IV. Особые случаи употребления изафета.

§ 55. Постпозитивные выражения.	31
§ 56. Изафеты с глагольным именем в качестве одного из своих членов.	—
§ 57. Изафеты с личным местоимением в качестве первого члена.	—
§ 58. Изафеты с прилагательным или причастием в качестве второго члена.	—
§ 59. Изафеты, второй член которых—числительное.	—
§ 60. Изафеты, второй член которых имеет пояснительные слова.	—
§ 61. Сложные (комплексные) изафеты	32

Часть III.

Конструкция детерминативных словосочетаний, образованных по правилам персидского синтаксиса.

§ 62. Степень распространения персидского изафета.	—
§ 63. Конструкция персидского изафета.	—
§ 64. Формальный показатель изафета и персидский соединительный союз.	—

Смысловые разновидности персидского изафета:

§ 65. Детерминативные словосочетания с эпитетом.	33
§ 66. Словосочетания, равнозначные турецкому изафегу.	—
§ 67. Согласование членов персидского изафета в роде и числе.	—
§ 68. Двойной персидский изафет.	—

Раздел II.

Сочиненные словосочетания.

§ 69. Общие свойства сочиненных словосочетаний.	34
§ 70. Состав сочиненного словосочетания.	—
§ 71. Синтаксические свойства членов сочиненного словосочетания.	—
§ 72. Порядок членов сочиненного словосочетания.	35
§ 73. Употребление падежных аффиксов в сочин. словосочетаниях.	—
§ 74. Почетные звания и титулы, как члены сочиненного словосочетания.	—
§ 75. Превращение сочиненных словосочетаний в словосочетания детерминативного типа.	36

Раздел III.

Словосочетания в роли предложения.

§ 76. Общие сведения о предложении и его основных видах.	37
--	----

Часть I.

Простое предложение (независимое).

§ 77. Вступление.	—
---------------------------	---

Глава I.

Члены предложения.

§ 78. Перечень членов предложения.	38
§ 79. Члены предложения и части речи.	—

1. Главный элемент предложения-предикат.

§ 80. Место предиката в предложении.	—
§ 81. Виды предложения.	39

А. Именные предложения.

§ 82. Предикат именных предложений.	—
§ 83. Архаические виды предиката именных предложений.	40
§ 84—86. О связке.	41
§ 87—88. Грамматическое число имен в составе предиката.	—

Б. Глагольные предложения.

§ 89. Предикат глагольных предложений.	42
§ 90. Грамматическое число предиката глагольного предложения.	—
§ 91. Предикат „безличных“ предложений.	—
§ 92. Фразеологические обороты речи типа „гересим гелйэр“.	43

II. Суб'ект.

§ 93. Грамматическая природа суб'екта.	—
§ 94—96. Случаи, когда суб'ект не выражается отдельным словом.	43-44

III. Дополнения.

§ 97. Виды дополнений.	44
§ 98. Прямое дополнение в форме винительного падежа.	45
§ 99. Прямое дополнение в форме абсолютного падежа.	—
§ 100—101. Прямое дополнение с неопределенным артиклем.	—
§ 102. Прямые дополнения, имеющие при себе местоименный аффикс.	—
§ 103. Косвенные дополнения.	—
§ 104—113. Особенности употребления дательно-направительного и исходного падежей.	46-49
§ 114—118. Употребление сравнительного падежа и омонимичных с ним форм.	51-52

IV. Определения.

§ 119. Употребление определений (см. §§ 7—30).	52
--	----

Глава II.

Порядок членов предложения.

§ 120. Место определения.	—
§ 121. Типовой состав простого предложения.	—
§ 122. Место дополнений.	53
§ 123—124. Нарушения нормального порядка слов.	—

Глава III.

Особые типы именных предложений.

1. Именные предложения со словами „бар“ и „ёк“ в качестве предиката.

§ 125. Значение слов „бар“ и „ёк“.	54
§ 126. Употребление слов „бар“ и „ёк“ в качестве предиката.	—
§ 127. Производные значения слов „бар“ и „ёк“.	—
§ 128. Замена предложений с „бар“ и „ёк“ другими синтаксическими конструкциями.	55
§ 129. Употребление слов „бар“ и „ёк“ для выражения идеи обладания.	—

§ 130. Семантические особенности синтаксических конструкций с „бар“ и „ёк“.	56
§ 131. Использование показателей предикативности в предложениях с „бар“ и „ёк“.	—
§ 132. Предложения с глаголом „болмак“.	57
§ 133. Конструкции типа „язаным ёк“.	—

II. Именные предложения со словом „диймек“ в качестве предиката.

§ 134. Предикативная функция инфинитива „диймек“.	—
---	---

Часть II.

Сложно-подчиненные предложения.

§ 135. Сущность сложно-подчиненного предложения.	58
§ 136. Характер зависимого предложения.	59

Глава I.

Потенциальные предложения.

§§ 137 - 138. Сущность потенциальных предложений.	—
---	---

А Простые предложения с отглагольными формами слов.

§ 139. Отглагольные формы слов в роли членов простого предложения.	—
--	---

а) Простые предложения с причастными формами.

§ 140. Перечень наиболее употребительных причастных форм.	60
§ 141. Причастия в роли субъекта.	—
§ 142. Причастия в роли глагольного эпитета.	—
§ 143. Причастные формы в роли предиката.	61
§ 144. Причастия в роли дополнений.	—
§ 145. Субстантивизация причастных форм.	—
§ 146. Именные показатели при причастных формах на „ар — ер“ и „маз — мез“.	62
§ 147. Отрицательная форма причастия на „ан — ен“.	—

б) Простые предложения с инфинитивом.

§ 148. Именной характер инфинитива в туркменском языке.	—
§ 149. Усеченная форма инфинитива.	—
§ 150. Диалектные варианты форм дательного и винительного падежей инфинитива.	63
§ 151. Использование инфинитива с именным показателем.	—

в) Простые предложения с глагольно-именными формами.

§ 152. Отглагольная именная форма на „дык — дик“.	—
§ 153. Использование аффикса „дык — дик“ с именными основами.	—
§ 154. Наиболее употребительные глагольно-именные формы.	64

г) Простое предложение с глагольно-адвербиальными формами.

§ 155. Синтаксическая функция глагольно-адвербиальных форм.	—
§ 156. Семантика деепричастной формы на „ып — ии“ („ап — эп“).	—

§§ 157—159. Архаические деепричастные формы.	65
§ 160. Деепричастные формы на „а—е“ и на „й“.	—

Б.—Потенциальные предложения с грамматически выраженным логическим субъектом зависимого суждения.

§ 161. Общие сведения о потенциальных предложениях этого типа. . . .	66
а) Потенциальные предложения, имеющие общий логический субъект с главным суждением.	
§ 162. Косвенные грамматические показатели субъекта зависимого суждения.	—
б) Потенциальные предложения, имеющие самостоятельный субъект, отличный от субъекта главного суждения.	
§ 163. Синтаксическая близость конструкций этого типа к изафету. . . .	—
§ 164. Выражение предиката потенциального предложения именем или наречием.	67
§ 165. Плеонастическое употребление показателя предикативности. . . .	—

В.—Предложения переходного типа.

§§ 166—167. Внутренняя противоречивость предложений переходного типа.	67-68
---	-------

Г.—Настоящие сложно-подчиненные предложения.

§ 168. Грамматическая выявленность субъекта зависимых предложений. .	69
§ 169. Основные виды грамматической связи в сложно-подчиненных предложениях.	—
а) Сложно-подчиненные предложения синтетического типа.	
§ 170. Основные типы показателей грамматической связи зависимого предложения с главным.	70

I. Сложно-подчиненные предложения синтетического типа с показателями связи теми же, что и в простом предложении.

§ 171. Выражение предиката зависимого суждения формой местного падежа субстантивизированных причастий.	—
§ 172. Дополнительное выражение субъекта зависимого суждения помощью местоименного аффикса.	—
§ 173. Пропуск слов, выражающих субъект зависимого суждения. . . .	71
§ 174. Зависимые предложения с предикатом, выраженным формами инфинитива и другими отглагольными именами.	—
§ 175. Выступление предиката зависимого предложения в качестве первого члена изафета.	72
§ 176. Зависимые предложения с предикатом, выраженным деепричастной формой.	—

II. Сложно-подчиненные предложения синтетического типа со специальными показателями связи главного и зависимого предложений.

§ 177. Общие сведения о предложениях этого типа.	—
--	---

1. Условные предложения (зависимые предложения с показателем „са—се“).

§ 178. Состав условного периода.	73
§ 179. Виды условия.	—

Первый случай (реальное условие).

§ 180. Характер условия в реально-условных предложениях.	—
--	---

Второй случай (ирреальное условие).

§ 181. Семантические и грамматические особенности ирреально-условного предложения.	—
--	---

2. Особые случаи употребления условных предложений.

§ 182. Выражение помощью условной формы глагола идеи желательности.	74
§ 183. Уступительные периоды.	—
§§ 184—185. Генерализация общего смысла условной фразы.	74-75
§ 186. Утрата глагольными формами на „са—се“ значения условности.	75
§ 187. Условное зависимое предложение в роли субъекта главного предложения.	—
§ 188—189. Конструкции с „герек“.	—

3. Зависимые предложения с прочими формами слов — показателями подчиненности.

§ 190. Личные формы глагола — показатели подчиненности зависимого предложения.	—
§ 191. Употребление формы на „янча—йэнчэ“.	76
§ 192. Употребление формы на „ынча—инче“.	—
§§ 193—195. Употребление вспомогательной глагольной формы „ка—кэ“.	76-77
§§ 196—197. Словообразования, омонимичные с глагольной формой „ка—кэ“, но не являющиеся показателями подчиненности	77-78
§ 198. Зависимые предложения с показателями „кен“ и „экен“.	78

б) Сложно-подчиненные предложения аналитического типа.

§ 200. Сущность сложно-подчиненных предложений аналитического типа.	—
---	---

1. Зависимые предложения, соединяемые с главным помощью союзных слов.

§§ 201—203. Употребление союза „ки“.	79
§ 204. Предложения с союзом «чүнки».	—
§§ 205—206. Синтаксическая роль союзного слова „дийип“.	80
§ 207. Предложения с союзом „эгер“.	—

II. Зависимые предложения, соединяемые с главным помощью интонации.

§§ 208—210. Интонация, как показатель синтаксической связи.	81
§ 211. Замена сложного предложения двумя формально-независимыми предложениями.	82
§ 212. Синтаксические конструкции, заимствованные из персидского и русского языков.	—
§ 213. Порядок слов как грамматический показатель связи зависимых предложений с главными.	—

III. Зависимые предложения, соединяемые с главными помощью послелогов и постпозитивных выражений.

§§ 214—217. Конструкции с постпозитивным словом „сон“.	83-84.
§ 218. Конструкции с постпозитивным словом „бэри“.	84
§ 219. Зависимые предложения с постпозитивными словами „өң“ и „бурун“.	—
§ 220. Предложения с послелогом „үчин“ и постпозитивным выражением „себәпли“.	86.
§ 221. Зависимые предложения с послелогом „ялы“ и „дек“.	—
а) Сложно-подчиненные предложения комбинированного, аналитико-синтетического типа.	
§ 222. Грамматическая связь в сложных предложениях аналитико-синтетического типа.	—
§ 223. Условные и уступительные периоды аналитико-синтетич. типа	—
§§ 224—225. Прочие виды сложных предложений аналитико-синтетического типа.	86

Часть III.

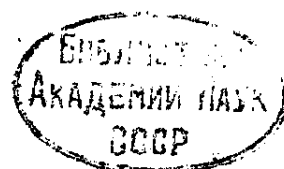
Сложно-сочиненные предложения.

§ 226. Общие свойства сложно-сочиненных предложений.	—
§§ 227—229. Формальные показатели связи в сложно-сочиненных предложениях.	87
§ 230. Бессоюзие как характерная черта синтаксиса простых и, в особенности, сложных предложений.	—

Дополнения.

Слова и словосочетания, не являющиеся членами предложения.

§§ 231—233. Слова—показатели эмоций.	89
§§ 234—236. Призывные восклицания и обращения.	89-90
§ 237. Вносные слова.	90
Перечень литературы, использованной и учтенной при составлении книги.	91
Список сокращений.	92

Редактор Байлиев Х.
Техредактор Волянская О.

Сдано в производство 11/V—1943 г. Подписано к печати 17/VI—1943 г. Печатных листов 6,25, авторских 8, заказ № 1112. Тираж 2000. ТОГИЗ 472. И 2517.

Полиграфкомбинат Управления по делам печати при СНК СССР.